

Гусейнова Севиль, Акопян Арсен, Румянцев Сергей

Кызыл-Шафаг и Керкендж:

история обмена селами в ситуации Карабахского конфликта

Севиль Гусейнова, Арсен Акопян, Сергей Румянцев

Кызыл-Шафг и Керкендж:

история обмена селами в ситуации Карабахского конфликта

Научные редакторы: **Александр Искандарян, Виктор Воронков**

Ответственный редактор: **Нино Лежава**

- Тбилиси ФГБ 2008. 148 стр.

ISBN 978-9941-9009-3-8

© Heinrich Böll Stiftung South Caucasus. 2008

СОДЕРЖАНИЕ:

VORWORT DES HERAUSGEBERS	5
ОТ ИЗДАТЕЛЯ.....	7
ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА 1. ОПАСНОСТЬ У ПОРОГА	13
ГЛАВА 2.ГРАЖДАНСКАЯ САМООБОРОНА.....	21
ГЛАВА 3. ИДЕЯ ОБМЕНА СЕЛАМИ	37
ГЛАВА 4. ГРАЖДАНСКИЙ ДОГОВОР МЕЖДУ ОБЩИНАМИ	54
ГЛАВА 5. ОБМЕН	62
ГЛАВА 6. ЛИДЕРЫ И ОРГАНИЗАТОРЫ ОБМЕНА	76
ГЛАВА 7. СИТУАЦИЯ ОБМЕНА: СОВМЕСТНОЕ ПРОЖИВАНИЕ... ..	92
ГЛАВА 8. ЖИЗНЬ НА НОВОМ МЕСТЕ.....	106
ГЛАВА 9. РОДИНА, РОДИНА!.. ..	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	143

Vorwort des Herausgebers

Ende der 80er Jahre, zu Beginn der militärischen Eskalation des armenisch-aserbaidzhanischen Konfliktes um Nagorny-Karabach, fanden aserbaidzhanische Bewohner des im Norden Armeniens gelegenen Dorfes Kyzyl-Schafag und armenische Bewohner des im Zentrum Aserbaidzchans gelegenen Dorfes Kerkendsch auf eigene Initiative zusammen, um sich über den friedlichen Austausch ihrer Dörfer zu verabreden.

Auf der einen Seite zogen sie damit die traurige Konsequenz aus der ethnopolitisch aufgeheizten Situation, in der Nationalisten beider Seiten die der jeweils „feindlichen Ethnie“ angehörenden Minderheiten außer Landes zu treiben trachteten. Auf der anderen Seite aber gaben die Weinbauern aus Kerkendsch und die Bergbauern aus Kyzyl-Schafag ein eindrückliches Beispiel für zivile, interethnische Kooperation in Zeiten politischen Konfliktes, indem sie sich unabhängig von jeder politischen Autorität mit großer Sorgfalt darum kümmerten, beiden Seiten einen friedlichen, würdevollen Ausgang aus der Krise zu ermöglichen. Die zwischen Armeniern und Aserbaidzchanern abgeschlossenen Verträge zum Tausch ihrer Häuser und ihres Gutes und zur Pflege der jeweils hinterlassenen Familiengräber, die über alle Grausamkeiten des Karabach-Konfliktes hinweg ihre Wirksamkeit bewahrt haben, gehören zu den vielen beeindruckenden, aber in den letzten 20 Jahren verdrängten Geschichten, die der Kaukasus zu erzählen hat.

Bald zwanzig Jahre nach diesem Dörfertausch fanden sich im Rahmen des südkaukasischen Stipendienprogramms der Heinrich-Böll-Stiftung junge SozialwissenschaftlerInnen aus Armenien und Aserbaidzchan zu einer Arbeitsgruppe zusammen, um die Geschichte dieses Ereignisses so umfassend wie möglich und aus der Perspektive beider Seiten zu dokumentieren. Als sie diese Idee aufbrachten, war es unseren StipendiatInnen vielleicht gar nicht bewusst, dass sie damit zugleich ein neues Beispiel interethnischer Kooperation in politischer Krisenzeit geben würden – auf einer ganz anderen Ebene, in ganz anderem Kontext, und mit weit geringeren persönlichen Kosten. Und dennoch: Das, was die Autoren in der Einführung über die Bewohner der Dörfer Kerkendsch und Kyzyl-Schafag schreiben, hat Aktualität behalten auch für unsere Autoren selbst: *„Das Projekt (...) unter Bedingungen des (...) Konflikts forderte*

von den TeilnehmerInnen einen hohen Grad an Mut, gegenseitiger Hilfe sowie der Fähigkeit, die eigenen Emotionen zu kontrollieren und sich nicht von Provokationen beeinflussen zu lassen, vor allem aber, weiterhin anzuerkennen, dass auch die Gegenseite – wie sie selbst – ein Opfer der Situation ist, und nicht den Gegner, mit dem kein Dialog möglich ist. (...) Dafür war vor allem ein friedlicher Kontakt zwischen den Vertretern der beiden Seiten erforderlich.“

Der ungelöste Konflikt um Berg-Karabach hat die Gräben zwischen der aserbajdschanischen und armenischen Gesellschaft in den letzten 20 Jahren sogar noch vertieft. Das, was für die „Helden der Geschichte“ dieses Buches alltägliche Erfahrung war – das weitgehend friedliche Zusammenleben mit armenischen bzw. aserbajdschanischen Nachbarn, ist für Angehörige der jüngeren Generation auf beiden Seiten nicht nur ferne Vergangenheit, sondern wird mittlerweile auch als politisch und kulturell unmöglich und daher unerwünscht gebrandmarkt. Schon die Kooperation aus der Entfernung, über hermetisch abgeschottete Landesgrenzen hinweg, erfordert Mut; und die Verständigung über ein gemeinsames Projekt bedarf großer Geduld, Kompromissbereitschaft und Flexibilität. Immerhin kommen die Autoren dieses Buches aus Gesellschaften und akademischen Kontexten, in denen komplett konträre Narrative zu jeder mit dem Karabach-Konflikt verbundenen Frage dominieren und auch kleinste Formulierungsdetails bei einer Veröffentlichung hohes Konfliktpotenzial bereithalten.

Ich freue mich, dass unsere StipendiatInnen diesen mühsamen Weg zu Ende beschritten und damit ein Zeugnis ihrer persönlichen und professionellen Reife abgelegt haben. Ich hoffe sehr, dass ihr Beispiel auch andere junge Wissenschaftler und Wissenschaftlerinnen im Südkaukasus ermutigt, Geschichte und soziale Gegenwart jenseits politischer und ethnischer Kategorien und über Landesgrenzen hinweg zu erforschen.

Walter Kaufmann
Heinrich Böll Stiftung

От издателя

Во второй половине 80-х, когда начиналась военная эскалация армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе, азербайджанские жители деревни Кызыл-Шафаг на севере Армении и армянские жители деревни Керкендж в центре Азербайджана встретились по собственной инициативе, чтобы договориться о мирном обмене деревнями.

С одной стороны, это решение было печальным следствием этнополитически напряженной обстановки, когда националисты с обеих сторон пытались изгнать из своей страны представителей “вражеского этноса”. Но, с другой стороны, виноградари из Керкенджа и горцы из Кызыл-Шафага, без участия каких-либо политических авторитетов, с большой ответственностью позаботившись о том, чтобы обеспечить обеим сторонам мирный, достойный выход из кризиса, тем самым показали впечатляющий пример гражданского межэтнического сотрудничества во время политического конфликта.

Договоры между армянами и азербайджанцами об обмене домами и имуществом и об уходе за семейными могилами, которые сохранили силу вопреки всем ужасам карабахского конфликта – одна из многих впечатляющих, но вытесняемых в последние 20 лет историй, которые может рассказать Кавказ.

Спустя почти двадцать лет после этого обмена деревнями в рамках южно-кавказской стипендиатской программы фонда им. Генриха Бёлля молодые социологи и антропологи из Армении и Азербайджана создали рабочую группу с целью как можно подробнее документировать эту историю с точки зрения обеих сторон.

Представляя эту идею, наши стипендианты и стипендиантки, возможно, и не осознавали, что их проект – это новый пример интерэтнического сотрудничества во время политического кризиса. На совершенно другом уровне, в совершенно другом контексте, с гораздо меньшими личностными последствиями – и тем не менее: то, что авторы пишут в введении о жителях Керкенджа и Кызыл-Шафага, остается актуальным и для них самих: *„Проект (...) в условиях (...) конфликта потребовал от всех его участников высокой степени мужества, взаимовыручки, умения не поддаваться на провокации, сдерживать эмоции и,*

что самое важное, продолжать видеть в другой стороне таких же, как и они, жертв ситуации, а не врагов, с которыми невозможен диалог. (...) Для этого понадобится, прежде всего, мирный контакт между представителями двух сторон“.

Неразрешенный конфликт в Нагорном Карабахе за последние 20 лет еще более углубил пропасть между армянским и азербайджанским обществом. То, что было обыденным опытом для “героев истории”, рассказанной в этой книге, – мирное, по большому счету, сосуществование с армянскими или соответственно азербайджанскими соседями, – для представителей молодого поколения с обеих сторон не только лежит в далеком прошлом, но зачастую клеймится как нечто с политической и культурной точки зрения невозможное и, следовательно, нежелательное.

Уже само по себе сотрудничество через герметически задраенные государственные границы требует мужества; для взаимопонимания в рамках общего проекта необходимо большое терпение, готовность к компромиссам и гибкость. Как ни как, авторы этой книги живут в обществах и в академических контекстах, где в каждом вопросе, связанном с карабахским конфликтом, доминируют совершенно противоположные нарративы и мельчайшие детали формулировок в каждой публикации чреваты конфликтами.

Я рад, что наши стипендианты и стипендиантки до конца прошли этот трудный путь и тем самым доказали профессиональную и личную зрелость. Я надеюсь, что этот пример придаст смелости другим молодым ученым с Южного Кавказа, которые смогут изучать историю и социальную современность вне политических и этнических категорий и вне зависимости от государственных границ.

Вальтер Кауфман
Фонд им. Генриха Белля

ВВЕДЕНИЕ

Нам удалось расстаться без войны – таков основной лейтмотив высказываний целого ряда политиков, принимавших в той или иной степени активное участие в процессах, предшествовавших распаду СССР. И хотя из перспективы южнокавказских республик подобное утверждение выглядит более чем спорным¹, однако материалы исследовательского проекта, которые легли в основу этой книги, связаны как раз с примером успешного преодоления конфликта. Правда, успех этого предприятия не является заслугой политиков или чиновников, а является скорее следствием гражданской инициативы, имевшей место в ходе процесса этнического размежевания населения во время армяно-азербайджанского конфликта.

Следует отметить, что специфику *этноразъединительных* процессов, связанных с распадом прежде единого политического пространства и формированием национальных государств в бывших советских республиках, пытаются анализировать многие специалисты. Нам представляется значимой, с одной стороны, точка зрения Роджерса Брубейкера², который предлагает рассматривать сложившуюся на постсоветском пространстве практику *этноразъединительных* процессов как *постимперскую* и считает правильным вписывать ее в широкий контекст аналогий с некоторыми другими распавшимися ранее политическими образованиями, такими как Османская или Австро-Венгерская империи. В целом, речь идет о том, что в результате коллапса СССР, как и после распада империй в конце Первой мировой войны «национальный принцип был применен на этот раз с безжалостной неукоснительностью посредством перемещения групп населения»³.

Вместе с тем, нужно все же отметить, что предлагаемая Брубейкером макромодель не может, да и не должна учитывать всех специфических особенностей того набора практик, которые имели место в процессах вынужденного этнического размежевания. Мы исследовали конкретный случай, когда жители двух общин в результате гражданской инициативы обменялись селами, избежав ужасов насильственной депортации, и, как возможного следствия этого, утраты имущества и угрозы своей жизни. Мы, естественно, понимаем, что само

1. Эта ситуация разных перспектив, которую предсказывал еще Раймон Арон, когда говорил, что «историкам будущего, быть может, покажется, что в дипломатическом поле, расширенном до масштабов планеты, отсутствие большой войны равнозначно большому миру» (Арон Р. История XX века: Антология. М.: «Ладомир», 2007. С. 68). Однако историками и, тем более, простыми обывателями в небольших национальных государствах на Южном Кавказе локальные войны воспринимаются как весьма масштабные. Впрочем, по степени своего воздействия на эти общества они таковыми и являются.

2. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма. Адрес в Интернете: <http://abimperio.net/scgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=576&idlang=2&Code=>

3. Арон Р. Там же. С. 27.

возникновение необходимости в подобной инициативе было обусловлено разгорающимся конфликтом, который определял повседневность жителей этих сел в Армении и Азербайджане и ход которого они не могли контролировать. Вместе с тем, в ситуации быстрой деградации советской власти и возникновения новой силы – национального движения – для жителей этих сел все же оставалось пространство выбора варианта исхода. Они нашли решение, дававшее надежду на сохранение целостности их общин и, насколько это было возможным, имущества.

Нужно понимать, что подобное коллективное решение было не только тяжело принять, но и еще сложнее реализовать на практике. Проект обмена селами в условиях с каждым днем все более разгорающегося конфликта потребовал от всех его участников высокой степени мужества, взаимовыручки, умения не поддаваться на провокации, сдерживать эмоции и, что самое важное, продолжать видеть в другой стороне таких же, как и они, жертв ситуации, а не врагов, с которыми невозможен диалог. Обе стороны будущего обмена, оказались заложниками конфликта, который подогревался политиками. Однако, отказавшись идти на поводу у обстоятельств и недальновидных решений чиновников и политиков, они смогли достойно выйти из сложнейшей ситуации, в которую силой обстоятельств оказались вовлечены. Для этого понадобился, прежде всего, мирный контакт между представителями двух общин – азербайджанской, из села Кызыл-Шафаг, и армянской, из села Керкендж. Между азербайджанской и армянской сельскими общинами, или, другими словами, между представителями, как уже было принято считать на тот момент, двух сторон нарастающего межэтнического конфликта был заключен гражданский договор. Договор был реализован практически без поддержки властных структур и, скорее, вопреки им. Этот гражданский договор сохраняет свою силу вплоть до наших дней.

Представленный далее текст описывает результаты исследования, которое параллельно осуществлялось азербайджанскими социологами в Керкендже (Шемахинский район Азербайджана), и армянскими социологами в селе, которое в момент обмена называлось Кызыл-Шафаг (район Калинино Армянской ССР), а ныне переименовано в Дзюнашох (Лорийская марза Армении). Исследовательский проект реализовывался в 2006–2007 гг. при поддержке Южно-Кавказского регионального бюро Фонда имени Генриха Белля (Германия).

Гражданский договор между азербайджанской общиной Кызыл-Шафага и армянской общиной Керкенджа формировался на протяжении первых месяцев 1989 года, вплоть до апреля. Основная идея договора, заключавшаяся в том,

что две общины осуществят мирный коллективный обмен своими селами, была реализована, в основном, в мае–июле 1989 года. Одним из важнейших условий договора было сохранение неприкосновенности кладбищ – азербайджанского в Кызыл-Шафаге и армянского в Керкендже. Это условие выполняется и поныне.

Цель сохранить в описываемой ситуации целостность каждой из общин была реализована с разной степенью успешности. Так, для азербайджанцев кызылшафагцев, две трети которых позже переехали в Баку и некоторые другие города Азербайджана, а несколько семей эмигрировали в Россию, компактность расселения в Керкендже все же сохраняется. За исключением нескольких семей все нынешнее население Керкенджа состоит только из кызылшафагцев, а само село выполняет функцию малой родины для всей общины.

В селе Дзюнашох в Армении сейчас проживают около 240 человек (80 домохозяйств, из них более десяти семей – керкенджцы). Керкенджцы живут большими семьями. Сюда же переехали в последние годы из-за социальных и экономических причин местные армяне из соседнего села Мецаван. В селе живут также армянские беженцы из Баку и из других сел Шемахинского района, обосновавшиеся здесь, как и керкенджцы, в начале 1989 года. Кроме того, здесь имеются также армянские переселенцы из Еревана и Грузии.

Начиная с 1992–1993 гг., керкенджцы стали активно выезжать из села. Миграция была вызвана экономическими и социальными проблемами, энергетическим и продовольственным кризисом в республике в эти годы. В большинстве своем керкенджцы уехали в северокавказский город Георгиевск (Ставропольский край РФ).

Проект мирного обмена селами в условиях вынужденного исхода выработывался в ходе демократического – практически всеми жителями сел – обсуждения путей выхода из создавшегося положения. Решение об обмене, продолжительные поиски подходящего для обмена села, заключение гражданского договора, создание комиссии для предварительной оценки домов – все эти коллективные действия, осуществляемые с согласия и при активном участии всех членов общин, дополнялись индивидуальными договоренностями между семьями, совершавшими непосредственный обмен домов.

Прежде чем перейти к подробной истории обмена, следует сказать несколько слов об армяно-азербайджанском карабахском конфликте, начавшемся в 1988 году, который был фактором развития описываемых событий. В результате конфликта произошло практически полное размежевание населения по этническому признаку. Сотни тысяч людей с обеих сторон стали беженцами.

Накануне распада СССР начались боевые столкновения, которые затем фактически переросли в войну. В мае 1994 года в Бишкеке было заключено перемирие между сторонами конфликта, которыми по документу являлись Азербайджан, Армения и Нагорный Карабах. Соглашение действует по сей день, и нынешнюю ситуацию можно охарактеризовать как состояние «ни войны, ни мира».

Следует отметить, что последовательность глав этой книги не связана строго с последовательностью событий. В каждой главе события изложены отдельно, с точки зрения армянских и азербайджанских исследователей. Каждая из участвовавших в проекте сторон несет ответственность только за свою часть текста и может не разделять точку зрения другого автора. Материалы, связанные с общиной азербайджанцев Кызыл-Шафага, ныне проживающих в Азербайджане в селении Керкендж, анализировали и описывали Севиль Гусейнова и Сергей Румянцев. Автором тех разделов, которые посвящены описанию событий со стороны армянской общины селения Керкендж, теперь проживающих в Армении в селе Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), является Арсен Акопян.

В книге рассказывается о том, как и в каких условиях возник сам проект обмена, а также о перипетиях его реализации. На основе анализа собранных полевых материалов авторы излагают свои выводы о результатах этого обмена, описывают сегодняшнее положение дел в общине и последствия обмена селами на существовании сообщества, а также приводят воспоминания кызыл-шафагцев и керкенджцев об оставленной родине.

ГЛАВА 1. ОПАСНОСТЬ У ПОРОГА

1.1. «Ситуация становилась все тяжелее и тяжелее»

Жителю Кызыл-Шафага, посетившему в Керкендже сама идея обмена селами по прошествии времени воспринимается как простая и понятная. Настали смутные времена и собрались «наш директор совхоза Байрам-муаллим, наши аксакалы, старики. Посоветовали, что будет лучше, если мы соберемся в одном месте (Захид-киши, 58 лет) [В тексте мы сохраняем распространенные в быту уважительные обращения: киши, муаллим – к мужчине, ханум – к женщине. – Авт.]. Этим местом и стало впоследствии селение Керкендж Шемахинского района Азербайджана, но обмену предшествовало немало весьма значимых событий, заставивших жителей Кызыл-Шафага покинуть свое родное село. Не только сам обмен, но и процесс принятия коллективного решения о совместном переезде длились долгое время и требовали участия каждого члена общины.

Обстановка в регионе начала накаляться задолго до осознания неизбежности исхода из родного села и до появления идеи об обмене. Как ныне вспоминает информант, в начале 1988

года⁴ по дороге на работу сельчанин Алы-киши, проезжая в машине через армянское село Шахназар, услышал от попутчика армянина: «*А вы не боитесь ехать в район?*» Этот вопрос очень удивил его: «*Я говорю, а почему я должен бояться, я только вечером оттуда вернулся. А что случилось, чего я должен бояться? То есть я совершенно не в курсе, что происходит. А он нам сказал: вы напрасно едете в район, вас там могут обидеть*». Как и для него, для многих сельчан и сейчас в воспоминаниях все произошло как бы вдруг. «*Едем мы по городу, ну, по району [районный центр Калинино – Авт.], ну городом называли, а находится он на такой ровной поверхности, издали э-э сколько видно, считай как отсюда до Баку, со всех сторон ровно. Смотрим, народ кипит, люди собираются и кричат, орут: «Мер Карабах, Мер Карабах, Мер Карабах», т. е. Карабах наш*» (Алы-киши, 72 года). И все же, несмотря на эти неординарные события, в первые месяцы никто еще не предполагал, что все пойдет настолько далеко, что дальнейшая жизнь в Армении станет просто невозможной.

**С.Гусейнова,
С.Румянцев**

4. Следует отметить, что по воспоминаниям директора совхоза Кызыл-Шафаг Байрама Аллазова массовые митинги с требованием о присоединении Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) к Армянской ССР начались в Калининском районе Армянской ССР в конце октября – начале ноября 1988 года.

Собственно, сами воспоминания кызыл-шафагцев о начале конфликта, естественно, не дают единой картины возникновения противостояния. Для кого-то это выглядело так: *«Началось там (в районном центре Калинино)... С митингов в нашем районе. А потом... Уже пошло... <> Уже начали людей выселять. Ну, наша деревня почти самая последняя выселилась. <> Держались, долго держались, последними почти уехали (Насиб, 45 лет).* Если в этом случае вся ситуация вспоминается как результат влияния событий, случившихся где-то в отдаленных местах, то воспоминания многих других сельчан выглядят иначе.

Гораздо чаще память рисует личное столкновение с неожиданно изменившимся поведением прежних добрых соседей: *«Я поехал в район, еще до беженства. Кому в голову придет [что возможно попадание в какую-либо неприятную ситуацию – Авт.]? Смотрю, с лозунгами скандируют – Карабах, Карабах! Как такое возможно?! А наши совхозные машины поехали в соседний совхоз за кормом для скота. Когда наши проезжали через армянское село, им преградили путь... Побили наших шоферов. Там был райком партии... Саакян, что ли. Он приехал, он пытался как-то предотвратить. Я сказал, ты все это говоришь, а что Ереван говорит? Ну, в общем, конфликт стал разгораться и достиг уже таких масшта-*

бов, что мы стали постепенно свой скот определять куда-то, продавать (Сулейман-муаллим, 75 лет). Это выражение – *постепенно продавать* – подразумевает и постепенность утверждения в сознании кызыл-шафагцев самой мысли о необходимости и неизбежности исхода.

Нередко в воспоминаниях сельчан фигурируют и имена тех, кого они считают «поджигателями» армяно-азербайджанского конфликта. *«Как звали этого писателя, армянина... Зорий Балаян! Вот он! Это он во всем виноват, все это верха начали!» (Алыкиши, 72 года).* Имя этого писателя стало для азербайджанцев уже неким маркером противостояния. Другим узнаваемым общественным и политическим деятелем является академик РАН экономист Абел Аганбегян. *«Я вернулся со школы домой днем пообедать, а дома жены не было. Она к соседям вышла. Дети в школе. Включил радио. Сижу один, обедаю. И вдруг слышу, что известный ученый Аганбегян выступил во Франции в сенате с речью о том, что если Нагорный Карабах передадут от Азербайджана Армении, то в Армении повысится хозяйство и т. п., улучшится жизнь. Когда я это услышал, я в это время чай наливал себе, стакан упал из рук и разбился. Очень я понервничал, как такое может быть! <> С тех пор у меня возникло чувство беспокойства» (Авды-муаллим, 69 лет)⁵.*

5. Здесь речь идет об интервью А. Г. Аганбегяна, советника Михаила Горбачева по экономическим вопросам, газете французских коммунистов «Юманите», которое имело место в середине ноября 1987 года в Париже. Он высказался в том духе, что в скором времени Нагорно-Карабахская автономная область должна быть передана в состав Армянской ССР. После этого интервью, в котором Карабах упоминался как «историческая территория Армении», эта проблема получила международную огласку.

Для самих кызыл-шафагцев переломным моментом стали события, приведшие к гибели старика-азербайджанца. Случилось это, видимо, 23 ноября 1988 года уже в непосредственной близости от самого села, в районном центре Калинино⁶. До этого все основные события нарастающего армяно-азербайджанского противостояния происходили по большей части где-то «там», и никто не знал, сколько в них правды, а сколько преувеличенных слухов. Пока отношения с ближайшими соседями-армянами не претерпевали масштабных изменений и существовал Советский Союз, все же теплилась надежда на то, что страсти улягутся: *«Нет, отношения остались прежними, какими были отношения, такими и остались. В других районах было, в Кировакане, Ленинанкане, Ереване и его пригороде, в Аштараке, в районе Севана. Там происходило что-то, говорили, что и людей убивали, но мы ничего этого не видели, мы не можем говорить об этом. Говорили и про то, что людей поместили в трубу и заварили ее и так далее. Но мы не видели этого, я не могу говорить неправду и сказать, что было что-то такое, что с нами что-то сделали. В нашем районе всего одного человека убили, одного старика. И все. А так в нашем селе и в соседних селах ничего такого... [не происходило – Авт.]»* (Алы-киши, 72 года). Однако одиноч-

ного убийства было уже достаточно для того, чтобы понять, что никто не может гарантировать безопасность азербайджанцев в Армении. Это убийство произошло где-то совсем рядом, каждый мог оказаться случайным знакомым или жертвы, или убийцы. Конфликт был уже здесь, рядом с каждым из них. *«И после этого ситуация становилась все тяжелее и тяжелее. Вот этот наш Байрам-муаллим, надо говорить правду, он очень... Он был на защите, он остановил... Как полководец, остановил. Ему несколько раз по – телефону угрожали, говорили - убирайтесь там! А он отвечал: ну, приходите, поглядим, что вы собираетесь сделать»* (Сулейман-муаллим, 75 лет).

Роль директора совхоза Байрама Аллазова была, по сути, ключевой в процессе обмена, и его воспоминания о событиях тех лет требуют отдельно-

6. Подробнее об этом убийстве старика - азербайджанца будет рассказано ниже в разделе, посвященном самообороне кызыл-шафагцев.

Фото 1. «Фотография Мамедакиши в собственном доме в Кызыл-Шафаге (Армянская ССР) незадолго до событий»

го рассказа. Именно с этого момента в жизнь кызыл-шафагцев стало приходить понимание неизбежности исхода. Обстановка постоянно накалялась. Ощущение опасности возрастало, в том числе и из-за отсутствия надежной информации. Началось с Азбаба [обозначение на азербайджанском языке местности в Армении на границе с Турцией – Авт.], люди бежали оттуда, потом из других азербайджанских сел. В общем, дошло и до Калинина, а там... Как это началось сильно... Ну в общем, как бы это сказать, с армянами <...> А потом до нас доходили всякие слухи, что армяне собираются нападать, например, в такой-то день ночью армяне собираются напасть на такую-то деревню, убивать людей» (Гюльшан-ханум, 52 года). Никто точно не знал, что происходит. Сельчане видели беженцев из других азербайджанских сел, и это зрелище наталкивало на печальные мысли об их собственной судьбе. «Через нашу деревню проходили люди из Азбаба и других деревень в Азербайджан. Я думаю про себя, куда они бегут? Куда идут они, а я пасу овец в поле. Смотрю, везут с собой шифоньер, стол и другие вещи» (Вейсал-киши, 78 лет). «Они жили среди армян. Их окружали армяне с трех сторон, и только с одной стороны Турция. А в Турцию они в то время идти не мог-

ли. Поэтому они выбрали путь через нас в Грузию, а потом в Азербайджан. Они <...> на забытых вещами машинах проезжали мимо нас. А мы всё удивлялись, зачем они уезжают, разве можно родину покидать. Откуда мы знали, что и нас такое ожидает» (Гюльшан-ханум, 52 года).

С каждым днем ощущение опасности возрастало: «Однажды ночью, что с нами случилось – один бог знает... Люди сказали... Я болела, соседка прибежала и говорит, <...> вставай, армяне убивают людей в Илмезли [соседнее с Кызыл-Шафагом азербайджанское село – Авт.]. Вставайте, пойдем в деревню [имеется в виду центр села Кызыл-Шафаг – Авт.]. Пошли мы, мой муж, я и она [дочь – Авт.]. Две младшие дочери и две невестки, они уехали в Ирганчай [соседнее азербайджанское село со стороны Грузии – Авт.] к родственникам, на следующий день вернулись. А мы приходим, глядим, о-о(!) весь народ собрался у магазина, огромная толпа. И вот, наш директор, он очень хороший человек, очень он стоял за своим народом. Ой, боже (!), сколько собралось народу, в основном мужчины, но и женщин можно было увидеть. У каждого в руках, у кого топор, у кого вилы. А в Илмезли так горят огни! Вовсю! Оказывается, это военные, военные едут на маневры. Из этой деревни Илмезли прискакал один на коне

и говорит: *Ай, Байрам-муаллим, не бойтесь, это маневры, это не армяне. Только после этого народ разошелся, тракторы, машины разъехались, такое творилось, упаси бог, в каждой машине по сто человек. Что нам довелось испытать из-за этих армян! Но могу поклясться собой, что ни одной девушке, ни одному человеку... слова единого не сказали»* (Майгханум, 75 лет). Кызыл-шафагцы уже

понимали, что их привычная жизнь непоправимо разрушается: *«Мы уже поняли, что нет смысла оставлять себя... Уже невозможно было ездить в район, боишься...»* (Эльмира, 37 лет) Однако до того, как окончательно созрел и был реализован проект обмена селами, нужно было еще жить с ощущением опасности. И в этой ситуации кызыл-шафагцы своими силами организуют оборону села.

1.2. “Сумгаит”: отсчет нового времени

Для армян села Керкендж Шемахинского района Азербайджанской ССР тревожная ситуация складывалась уже после сумгаитских погромов февраля 1988 г⁷. Одной из жертв этих погромов стал их односельчанин Габриел Трдатян,⁸ который жил в этом городе. Похороны Трдатяна прошли в селе под контролем милиции.

«Современная» история керкенджцев начинается именно с этого, и все интервью начинаются с этих событий. Габриел Трдатян не только односельчанин, но также и родственник – близкий или дальний – многих сельчан, и это отражается в восприятии событий недавнего прошлого. До сих пор среди керкенджцев бытуют

истории о гибели Габриела Трдатяна. Жители села с гордостью отмечают, что семья Трдатянов храбро сражалась против погромщиков.

Как говорит один из керкенджцев, после Сумгаита ситуация постепенно стала меняться и это чувствовалось: *«После Сумгаита всегда опасность была... Это было заметно, знакомый [азербайджанец] видит тебя, лицо отворачивает, в другую сторону идет, не хочет разговаривать с тобой, кто-то говорит такое, чего раньше не говорил... и ты видишь, что милиция не на твоей стороне...»*⁹.

Это чувство вынудило искать какой-то выход из сложившейся си-

А. Акопян

7. Погромы армян в Сумгаите (Азербайджанская ССР) 27-29 февраля 1988 г.

8. Действительно, в официальных списках погибших во время сумгаитских погромов армян упоминается также Г. Трдатян. В списках он упоминается как Габриел Трдатов, 1925 г. рождения (см.: Сумгаит, гласность, перестройка? Ереван, 1989).

9. Акопян А., Полевые записи. с. Дзюнашох, 2006. Далее если специально не оговорено, полевые материалы относятся к 2006-2007 гг., село Дзюнашох, Республика Армения.

10. В данном случае интересно то, что армяне собирались купить свинину у азербайджанцев-мусульман, которые, вероятно, давно уже были с ними в таких деловых отношениях. Азербайджанцу-мусульманину для собственных нужд не было необходимости держать свиней. Можно думать, что у них было частное «подпольное» хозяйство. По советским законам это было запрещено, а для мусульманина употреблять свинину вообще непозволительно. Поэтому такие отношения с армянами означали высокий ресурс доверия, ибо власть не должна была знать о такого рода деловых связях. Это становится очевидным в продолжении рассказа.

туации. Примечательно, что именно тогда зарождались идеи о компактном переселении в Армению или Россию с целью построить новое селение, а также об «обмене» с азербайджанским селом в Армении. Но эти «проекты» тогда еще не пользовались общественной поддержкой, потому что все же, как говорили керкенджцы, на такой исход они не рассчитывали. Слишком велика была надежда на советскую власть, к тому же такой выбор представлялся в то время слишком «тяжелым». *«А кому мы будем оставлять наших предков и родственников», – задумывались люди.* «Сумгаит» породил ощущение опасности, но это воспринималось как-то пассивно, к активным действиям пока еще не подталкивало, точнее, идея действовать активно тогда еще не возникла, несмотря на призывы отдельных людей.

Однако события развивались стремительно. Несколько месяцев спустя все изменилось. Напряженная ситуация складывалась уже осенью 1988 года. В ноябре в селах Керкендж и Мадраса приютились армяне, бежавшие из соседних армянских сел Шамахинского района (Калаханы, Сагиан, Мейсари и др.) и города Шемахи. В село Керкендж в основном пришли те семьи, у которых имелись родственники, большинство же беженцев временно приютились

в соседнем селе Мадраса – самом крупном армянском селении Шемахинского района. Как говорят керкенджцы, реальная опасность и тревога уже чувствовались.

17 ноября 1988 г. наш информант керкенджец и его односельчанин решили поехать в поселение Алят, чтобы договориться о покупке свинины¹⁰ для предстоящих праздников. В этом поселении среди азербайджанцев у них были знакомые. Когда они собирались вернуться, их знакомый азербайджанец, директор пекарни, сказал, что нас одних пускать нельзя: *«... боюсь, что вас зарежут... Потом он сказал: мой сын вас проводит, с вами будет... Мы говорили, что не надо, мы по другой дороге поедем, там была другая дорога...»* (муж. 1926 г.р.). Информант рассказывает, что до этого времени не было коллективного желания покинуть село, готовились к предстоящим праздникам, очевидно, новогодним. Примечательно также, что в конфликтной ситуации старые деловые и дружеские контакты со знакомыми азербайджанцами сохранялись.

Когда они уже были в пути и миновали несколько сел, продолжает наш рассказчик, вдруг их остановила машина одного знакомого азербайджанца. *«Этот знакомый был из органов (милиции – А.А.). Он спросил: «Откуда вы?» Этому не скажешь:*

оттуда. Сказали, что из города. Говорит, через Шамаху не езжайте, там вас режут, я сейчас вас провожу... Мы сказали, что поедем по короткой дороге. Он нас проводил... В селе было еще спокойно, но в эту ночь напали на армян Шемахи, Шестого совхоза и других мест. Армяне все оставили, бежали голыми, половина в Мадрасу, половина – в наше село».

Вспоминает информант, который в это время с братом Авагом и еще несколькими сельчанами – всего их было пятеро – пока еще работали около города Шемахи в мастерской, где обрабатывали камни: «Когда в Шамахе началось, на работе в обеденный час пришли [знакомые азербайджанцы], сказали нам, что в армянских кварталах погромы, в домах армян... окна ломают, на улицах нет армян. Вечером уже видим, что народ с верхней стороны [со стороны города] идет в нашу сторону, где мы работали, чтобы напасть на нас... Нет, драки не было. Были люди, что нашу сторону держали. С машиной хотели что-то сделать, ковер с машины срывали, взяли инструменты... Стычка могла быть, но у Авага был один знакомый в Шамахе, кому он продал свою машину... А это был сын шейха в Шамахе. Этот парень слышал, что здесь творится, и сразу же на этой самой машине приехал к нам... Было много народа.

Его прислушались и позволили, чтобы мы вышли... Мы сели в машину и выехали. Это было в последний раз... Когда достаточно поднялись по дороге и посмотрели назад, там, где мы работали, уже горело... Там [на работе] были пожилые люди, но они не смогли нас защитить» (муж. 1955 г.р.).

Наш собеседник, как и другие керкенджцы, в накаливании обстановки обвиняет представителей интеллигенции Азербайджана: «...их писатели, их артисты выступали на площадях... Один из их писателей – Вахабзаде, другой – Анар, председатель их Союза писателей, и еще Зейнаб Ханларова, народная артистка Армении,¹¹ выступали, что армян надо выгонять... Например, Вахабзаде сам говорил: почему шамахинские армяне не хотят уйти?.. Уже корни пустили там. В тот же день начали камни кидать на дома армян в Шамахе, разбивать стекла...» (муж. 1955 г.р.).

Постепенно, когда уже ситуация накалилась и появились первые беженцы из соседних армянских сел, в Керкендже атмосфера стала критической. Как описывает один сельчанин, «народ был в панике, боялись, что сейчас турки¹² нападут, сейчас начнется резня... всего можно было ожидать». Пожилая мать информанта стала инвалидом и скоро умерла именно в

11. Азербайджанская певица Зейнаб Ханларова (из Азербайджана) в советские годы получила почетное звание народной артистки Армении. Информант хочет подчеркнуть, что З. Ханларову этого почетного звания удостоила Армения, а она призывает выгонять армян.

12. В бытовой армянской речи азербайджанцев называют *т'урк'* («турок»). Это наименование не носит пейоративного значения. В речах наших информантов тоже азербайджанцы называются «турками». Поскольку такое название может привести к конъюнктурным и искаженным интерпретациям, по просьбе азербайджанских коллег в речах информантов я изменил слово «турок» на «азербайджанец». В тексте это измененное слово приводится в квадратных скобках, т.е. как слова не информанта, а как мое слово. В отдельных случаях, когда слово «турок» имеет стереотипное значение и передает определенный смысл, то оно сохраняется.

Фото 2. «Майга-ханум на пороге своего нового дома в селе Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Гусейновой

связи с описываемыми событиями. *«Самые плохие времена были во время землетрясения, землетрясения в Ленинакане [землетрясение в Армении произошло 7 декабря 1988 г. – А.А.]. Это было самое трудное время, 14 декабря скончалась моя мать. Она была здорова, все произошло из-за этого случая... Сестра моя подняла панику, что турки наступают, а дом моего брата находился на окраине села, бедная моя мать там и упала и сломала себе спину, но мне говорила: ...бери детей и уходи, я видела резню 18-го года».*

ГЛАВА 2. ГРАЖДАНСКАЯ САМООБОРОНА

2.1. «И тогда мы организовали самооборону»

В ситуации принятия коллективных решений не возникало практики принуждения тех, кто предпочитал для себя другой выход. Многие кызылшафагцы еще задолго до обмена пытались отдельными семьями перебраться в безопасные для азербайджанцев районы Грузии или непосредственно в Азербайджан. Ощущение тревоги за свою жизнь заставляло переезжать в соседнее родственное селение Ирганчай, которое располагается в непосредственной близости от Кызыл-Шафага (на расстоянии около 4 км.), в Грузии. Однако немедленно оставить хозяйство не представлялось возможным, и в минуты возрастающей опасности в безопасный Ирганчай переправляли в основном женщин и детей. *«И вот... мой муж с сыном нашим младшим нашли грузовую машину, подвезли к дому, вещи погрузили, а невестка беременная была, родить уже должна была, и двое маленьких детей, мальчики. Сели все в машину и уехали [в Ирганчай – Авт.]. В доме остались только я и муж. Господи, по ночам... Мы с ума сходили... А дома осталось*

две скотины, одна была предназначена для курбана [жертвенное животное – Авт.] и мешок муки. А по соседству у нас там была одна армянская деревня [Шахназар – Авт.]. Оттуда пришли к нам одна женщина и мужчина. Хорошие они. Я скажу, что среди них и очень много хороших было. И вот, во время всех этих событий ни одного слова не сказали нашим женщинам, детям, ни один камень в нашу сторону не был брошен. Говорит она мне: ай, сестра, вы что, с ума сошли, зачем вы уезжаете, кто-нибудь вам что-нибудь сделал? Я говорю, нет. Возьми муку, делай что хочешь, а скотину продай там у себя. А нам надо было сделать свои дела в райцентре, взять документы, деньги снять с книжки. Муж мой ездил в район, ему никто ничего не говорил. Так мы с мужем прожили еще в деревне месяца два» (Майга-ханум, 75 лет). Однако если отношения с соседями из армянского села Шахназар нередко еще долго оставались дружественными, то отнюдь не жители соседнего села определяли в целом положение азербайджанцев в Армении.

**С.Гусейнова,
С.Румянцев**

Видимо, ситуация менялась все же быстрее, чем люди успевали ее осмысливать. Однако, у кызыл-шафагцев, к их счастью, был необходимый запас времени на постепенный поиск приемлемого выхода из создавшейся ситуации. Дело в том, что во многом их ситуация определялась удачной близостью села к Грузии. Следует думать, что географическое расположение на границе сыграло заметную роль и

Фото 3. «Фотография Мамедкиши в дни самообороны жителей села Кызыл-Шафаг (Армянская ССР)»

в ходе самого процесса обмена. Например, по воспоминаниям сельчан, именно эта близость к районам Грузии, в которых компактно проживают азербайджанцы, во многом и позволила продержаться до того момента, когда сам обмен стал возможным: «С нами на границе с Грузией были азербайджанские села. Надо сказать, что это нас и держало. Поэтому мы очень поздно переехали. Они нам большую поддержку оказали, мы могли запастись оружием и другими вещами» (Сулейман-муаллим, 75 лет). Связи

кызыл-шафагцев с общиной ирганчайцев были чрезвычайно крепкими. Однако, можно все же предположить, что *держала* не столько собственно близость к Грузии, сколько надежда на то, что конфликт рано или поздно должен разрешиться. Ведь Советский Союз еще существовал, и было совсем непросто примириться с тем, что в стране, где их учили гордиться *дружбой народов*, вдруг придется бежать из своего родного села только потому, что родился азербайджанцем, а не армянином. Конечно, межэтнические отношения были далеко не всегда такими безоблачными, какими их рисовала советская пропаганда, но зато был значительный опыт вполне мирного соседского сосуществования. Да и никто тогда не отменял роли советской власти как гаранта безопасности собственных граждан вне зависимости от их этничности. Однако националистические страсти не только не успокаивались, но и все больше раскалялись. Времени же на поиск выхода оставалось все меньше.

Именно в это время погибает старик азербайджанец. Версия о его гибели от директора совхоза Байрама Аллазова, человека весьма осведомленного, выглядит следующим образом: «До начала ноября 88 года мы не чувствовали этих событий [т. е. нарастания межэтнической напряженности – Авт.]. 23 ноября, в райцентре

Калинино жил один старик, 90 лет. Его называли Карабогаз Мамед. Его убили... 23 ноября 88 года. Толпа... национальная толпа, как ее называть... Когда они после митинга проходили по улице имени Наримана Нариманова, [скандируя] турки¹³ уезжайте отсюда, вы не имеете права жить на нашей армянской земле. Этот старик не стерпел. Он дома один был. Оказывается, у этого 90-летнего старика дома хранился револьвер. Он взял – тарар, тарар [начал стрелять в воздух – Авт.]. А митинг все идет. И тогда в него камень бросили, попали в голову и убили его. <...> С этого дня... начался опасный момент в Калининском районе, и тогда мы организовали самооборону». Таким образом, это событие стало не только точкой отсчета для коллективного исхода, но и моментом, когда для сельчан актуализировалась необходимость коллективной самообороны.

Хотя основную ответственность за организацию самообороны взяла на себя руководители совхоза, само решение принималось всеми, в том числе и неформальными лидерами общины. «Аксакалы села, умные люди села собрались вокруг нас. Может, они [армяне – Авт.] будут нападать на наше село, давайте организуем оборону. Закрыли дорогу, которая шла из армянского села [Шахназар – Авт.] в наше село. Технику прямо поставили

наперерез, чтобы машины не смогли проехать, и ночную охрану организовал, круглые сутки. Организатором самообороны был я и председатель сельсовета. Сидели в штабе по очереди. Центр штаба находился в моем кабинете директора совхоза» (Байрам Аллазов, 72 года). Этот штаб работал постоянно, днем и ночью, координируя действия тех, кто стоял на импровизированных постах самообороны, непосредственно преграждая путь в село. «Байрам-муаллим, сельсовет у нас был Гусейнов Гумбат, вот он. Они организовали самооборону. Они и стояли вместе с нами и приходили проверять и подбодряли нас <...>. Мы тоже несли смену и по ночам. <...> спать было невозможно... Не спокойно. Мы ни на кого не могли рассчитывать. В деревне женщин нет, детей нет. Скот мы или распродали или перевезли в Грузию. Женщины тогда были в Ирганчае. В деревне остались одни мужчины, и мы должны были обороняться. Вот, допустим, хочешь поспать, говоришь, постой за меня, пожалуйста, пойдю несколько часов посплю» (Сулейман-муаллим, 75 лет). При этом сам факт того, что во главе самообороны стояли формальные лидеры общины, не предполагал отсутствие инициативы снизу. Как и в ситуации любого коллективного действия, предпринимавшегося сельским сообществом, нужны были лидеры, организаторы и руково-

13. В быту армяне, как правило, называют азербайджанцев турками. И здесь, по нашему мнению (С. Гусейнова, С. Румянцев), интерпретация этого слова зависит от ситуации, в которой оно звучит. Обращение турк в быту, часто несло в себе пейоративную коннотацию. «Ну, они, как бы, они... Как бы унижали этим словом... У них это как бы плохое слово.<...> ну, турки есть в Турции. У нас родственники живут там, в Турции. Но все равно как-то это знаешь, что он [армянин] не в хорошей манере говорит это слово, как что-то отвратительное такое. Турок!» (Насиб, 45 лет). Кроме того, в контексте конфликта обозначение «турки», на наш взгляд, безусловно, воспроизводит коллективный образ «исторического врага».

Фото 4. «Молодые женщины и дети пережидали опасные дни в соседнем селе Ирганчай (Грузия). Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Гусейновой

дители самообороны. Ими совершенно естественно стали официальные руководители общины, и, прежде всего, директор совхоза Байрам Аллазов. Ему уже многие годы кызыл-шафагцы доверяли управление общиной, и в самый тяжелый момент он не подвел, показав себя умелым руководителем и самообороны, и будущего проекта обмена селами.

«В трех частях деревни были установлены посты обороны». Практически все молодые мужчины в этот тяжелый и опасный момент оставались в селе и участвовали в коллективной самообороне. «Значит, часть людей, аскакалы, ездили на поиски деревни, а молодежь там остается на защите» (Сулейман-муаллим, 75 лет). Таким образом, кызыл-шафагцы, отправлявшиеся на поиски села, куда можно было бы коллективно переселиться, были относительно спокойны за ожидающих их дома односельчан.

Именно в этот момент возникает своеобразная изоляция села. «Из само-го Шахназара к нам уже тогда не могли ездить. Полностью связи с Шахназаром прекратились начисто. Мы через них не проезжали, ездили только через Грузию. Ездить в район было строго запрещено. Если была необходимость поехать туда, то мы ездили с военными. Вот, например, мне надо было съездить в район, у меня там в банке деньги оставались и их надо было снять. Невозможно поехать, а что делать? И как раз ко мне несколько людей пришло. Сулейман-муаллим, что будем делать? Я тут же пошел в военную часть. Да... Разрешите, пожалуйста. Ну, полковник вышел. Я ему говорю: товарищ полковник, ты нас расстреляешь или эти армяне? [Полковник спрашивает – Авт.] В чем дело? Я говорю, как в чем дело? У тебя что, глаза ничего не видят? Не видишь, что происходит, какая ситуация? Вот, выйди на улицу, погляди

– женщины, мужчины, так и остались. [Полковник, видимо, в некоторой растерянности – Авт.] А-а, что это такое?! Я говорю, я не знаю, что это такое, сам смотри, сам думай. Тогда он тут же приказал... одному, по званию старший сержант. Посадили нас в военную машину и короткой дорогой, по другой дороге, поехали мы в райцентр. Да, так что и такое случалось часто. Сложно было. <...> А среди этих военных и армянин был. Надо сказать, что его мой сын побил. Куда вы посылаете армянина? Разве можно было армянина посылать? Ему сказали, поди туда, он не послушался, тогда мой сын его и побил <...>. Но вообще-то на самообороне много стояло нас – и солдаты, и мы. Молодежь. Не спали по ночам» (Сулейман-муаллим).

Специфика момента определялась резким разделением все еще советских граждан на враждующие этнические сообщества. Конфликт пока не привел к ситуации, когда размежевание уже будет носить тотальный характер. Советский солдат, этнический армянин, еще мог быть командирован для охраны азербайджанцев, отправляющихся в район. Но потенциал взаимного доверия армян и азербайджанцев на бытовом уровне подвергся стремительной инфляции. Не могло возникнуть в этой ситуации и полного доверия к военным, как гарантам безопасности кызыл-

шафагцев, тем более что в их числе были этнические армяне.

«Здесь у нас в то же время стояла военная часть. Их часть располагалась в Калинино, а здесь пост их стоял, ну, как бы, один пост в одной деревне стоял, другие посты в других деревнях. Они защищали, и мы оборонялись» (Сулейман-муаллим, 75 лет). Присутствие вооруженных солдат советской армии не могло успокоить жителей села. Доверие к центральной власти и военным, как их непосредственным представителям, с каждым днем все больше утрачивалось. Рядом с постом, организованным военными, продолжали нести свое добровольное дежурство и кызыл-шафагцы. Они в полной мере осознали, что оборона их села – только в их руках и что в случае возникновения реальной опасности нельзя полагаться только на военных. «Знаете почему, потому что мы лучше знали, что происходит. А что военная часть! Допустим, на тебя напали, ворвались в твой дом, а что военной части до этого? Скажут, мы не знали. Т. е. особо-то мы им не доверяли». В ситуации зачастую оправданного недоверия к властям самооборона носила, по сути, временный характер. Эта мера предоставляла возможность продолжать поиски села для коллективного переселения. «Но в то же время мы продолжали искать деревню» (Сулейман-муаллим, 75 лет).

Главным оружием, которое должно было в случае опасности отразить возможное нападение, было практически только мужество самих обороняющихся. «Ну, может, были у кого охотничьи ружья или малокалиберные ружья. Может, у кого и пистолет был. Тогда кто мог открыто сказать, что у меня такое-то оружие есть. В общем, организовали самооборону, но никто на нас не нападал. <...> Ну, по телефону, ночью. Мне позвонили вдруг в два часа ночи. На армянском языке нецензурно выразились, как уличные пацаны. Ты что, кто ты такой, ты что генерала, героя из себя строишь, почему не уезжаешь, почему население здесь оставляешь? Ну, я в ответ, на каком языке они меня обругали, на таком же языке я им ответ дал. Вы, наверное, знаете, где мой дом находится, где я живу, приезжайте, поглядим кто кого» (Байрам Аллазов).

Даже если и находилось у кого-то огнестрельное оружие, к нему часто недоставало боеприпасов. «Однажды услышали мы, что машина едет. Дорога из Шахназара спускается на равнину и идет к нашей деревне. И эта машина как раз едет по равнине. Но ехала она, оказывается, с другой стороны. И думаем, что это за машина такая. В общем, людей много собралось, в том числе и мой старший сын был, который сейчас в Баку живет. А он у меня очень шустрый парень. И он пошел прямо в сторону

к этой машине. Не соображает, а что если вдруг у них автомат есть. Раз, и все! Идет прямо на них. В общем, остановил он их. А у самого в руках автомат, но пустой. Патронов-то в нем нет! [смеется] Те сказали, что они из грузинской деревни одной едут. Ну, хорошо, остановиться-то можно! Ты же видишь, что с оружием люди стоят, а вдруг стрелять будут. Вот такое событие произошло» (Сулейман-муаллим, 75 лет). Любая машина со стороны армянского села вызывала подозрение, и ее останавливали на постах самообороны. Однако подобные случаи были не часты, эпизодичны.

К счастью для обороняющихся, их село находилось по соседству с районами Грузии, компактно населенными азербайджанцами, что в значительной степени, видимо, и позволило избежать столкновения. В этом убеждены практически все участники тех событий. В этих условиях и сама изоляция села, учитывая близость к Грузии, не была тотальной¹⁴. Поэтому практически до самого обмена значительная часть кызыл-шафагцев оставалась в родном селе. «Да, женщины и дети были. Некоторые семьи отправили своих детей, стариков в соседнее село в Грузии, которое рядом». А большинство людей было в селе. Мы не боялись... потому что мы... думали, что за нас, за нашими спинами стоят... азербайджанские

14. Кроме того, в определенной степени сохранялись и поддерживались отношения с райцентром Калинино. В случае острой необходимости (как правило, это случалось, если возникала потребность оформить личные документы или снять личные денежные вклады, что было возможно сделать только в райцентре), эти проблемы так или иначе решались. Естественно, что определенные контакты поддерживались и между руководством Кызыл-Шафага и властями районного центра.

села, которые находились в Грузии, подряд азербайджанские села. Тогда они обеспечили горючим нас... Бензин, который мы не могли получать из райцентра, из Калинино. Соляжкой. Иногда продуктами, в магазин привозили продукты, люди получали, и так помогали. Они [армяне – Авт.] не рисковали... не рисковали нападать на наше село» (Байрам Аллазов). Многие сельчане и теперь вспоминают, что тогда по ночам на границе с Грузией можно было наблюдать очень оживленное движение транспорта и людей. В определенной степени это было, по их мнению, связано с тем, что азербайджанцы массово вынужденно покидали родные селения в Армении.

Оживленное движение через границу вызывало, как полагают сельчане, и вполне понятные опасения у армян. В Грузии по соседству находились сотни тысяч азербайджанцев, и к столкновению с ними никто в Армении не стремился. «Они очень верили в то, что нам помогают оружием. Даже люди поговаривали, что в этом селе один парень Ибад занимался тем, что привозил нам оружие из Турции. И вот все эти слухи их отпугивали. И потом из деревни Шахназар [населенной армянами – Авт.] была видна дорога, по которой днем и ночью шли грузовые машины в Грузию и обратно. Мы же [только личные – Авт.] вещи перевозили, (но) это еще более подтверждало слухи» (Сулейман-муаллим,

Фото 5. «Сулейман-муаллим, один из активных участников самообороны села Кызыл-Шафаг Армянской ССР в 1988–89 гг., а впоследствии и организаторов обмена.» Фото С. Румянцева

75 лет). В результате внезапная актуализация внутренней границы все еще единого советского пространства значительно увеличивала шансы кызылшафагцев избежать столкновения.

«Но они знали, что рано или поздно, но мы уйдем. Мы сказали, дайте нам время... Секретарь райкома почему-то нас уважал. Но мы все равно уедем, просто нам время нужно. Дайте нам возможность. Так мы и остались, но искали для себя деревню». Самооборона, наряду со счастливым географическим положением, позволила выиграть время и найти село в Азербайджане для переселения. Организация самообороны просуществовала, по воспоминаниям Байрама Аллазова, с ноября 1988 года до конца апреля 1989 года. В это же время, т. е. в конце апреля, из села ушли и военные, осуществлявшие охрану Кызыл-Шафага и которые, по воспоминаниям директора совхоза, состояли из курсантов свердловского МВД.

Фото 6. «Не пропускаем машину азербайджанца, - вспоминает И. Цатурян. Пост самообороны керкенджских армян (с. Керкендж, Азербайджанская ССР).» Фотографии из семейного архива керкенджца И. Цатуряна, сделаны дислоцированными в то время в Керкендеже военнослужащими советских войск

Надолго оставаться в селении все же не представлялось возможным, несмотря на то, что иногда имела место и определенная помощь со стороны местных властей, которые делали все возможное, чтобы избежать серьезных эксцессов. «Руководители района тоже помогли мне тогда. Особенно этот первый секретарь, которого избрали из нашего соседнего села. <...> Демикян Хачик. Он не допустил, чтобы у нас тоже

кого-то убили» (Байрам Аллазов). Но как доброжелательство отдельных представителей власти в Армянской ССР, так и возможности военных были ограничены скоростью развития конфликтной ситуации в целом. «Командант этого района был командиром войсковой части, в которой раньше служил мой сын [в одной из воинских частей РСФСР – Авт.] Когда я ездил навещать своего сына, тогда я с ним и познакомился. А теперь его назначили комендантом чрезвычайного положения в нашем районе. И он помог хорошо. И в последнее время он меня потихоньку вызвал. Сказал, Аллазов... Больше не надо думать... Сам понимаешь... Уже... Трудный момент, теперь вывод сам себе делай, я откровенно не могу сказать. Я же чувствую, что он хочет сказать, что давайте, уезжайте» (Байрам Аллазов). Впрочем, время иллюзий для кызыл-шафагцев уже давно миновало.

А.Акопян

2.2. «Народ уже взял в свои руки управление»: самоорганизация и самооборона армян Керкенджа

В тревожные дни конца 1988 г. для керкенджцев самоорганизация стала единственным выходом из сложившейся ситуации. Эта самоорганизованность не только спасала их в критических ситуациях, но так-

же была основным и единственным инструментом их переселения и обоснования на новом месте. Критическая ситуация, которая сложилась в ноябре-декабре 1988 г., выявляет интересные формы и механизмы

общинной и индивидуальной самоорганизации в нетривиальных условиях. Порождается «новая власть» в ситуации, когда, как охарактеризовал наш собеседник-керкенджец, «*советы умерли, Горбачев умер...*». Эта «власть» рождается в сельских обсуждениях, в дебатах с официальной властью, в разных переговорах и, в конце концов, в ситуациях, когда надо было принимать решения и неотложные меры для самосохранения. Это, очевидно, имело место именно тогда, когда в Керкендже и Мадрасе приютились армянские беженцы из Шемахи и соседних сел, которых потом азербайджанские власти отправили в Армению. Но тогда призыву властей отправляться в Армению жители Керкенджа и Мадрасы не подчинялись.

«Этой ночью уже в совхозе Ленина, в Шамахе, напали на армян, армяне оставили все и убежали с пустыми руками, половина в Мадрасу, а половина – в нашу деревню. Потом мадрасинцы пришли к нам, и мы договорились, что помирать так помирать, но по-человечески. Народ, молодежь из Мадрасы во главе с Софьяном Эдиком (раньше он был директором) пришел к нам и сказал: «Если на вас нападут, вы дадите нам знак, если на нас нападут, мы дадим знак, чтоб мы смогли прийти друг другу на помощь»», – вспоминает очевидец событий. Другой информант говорит, что они были

очень уверенными в Мадрасе, поскольку там народу, молодых, больше было, чем в Керкендже. Как отмечают керкенджцы, тогда районные власти предлагали, чтобы хоть детей и женщин отправить в Армению, но керкенджцы не согласились: *«Наши сельчане так не сделали, так не решили, где будем мы, там и [наши семьи]... Мы не пошли, мы остались, наши сельчане все остались...».*

События развивались стремительно. Описывается ситуация в конце ноября – начале декабря 1988 г.: *«Такой неприятный случай был, очень неприятный... Мать моя была на последнем издыхании, я поехал в Мадрасу, когда приехал секретарь [Шамахинского райкома – А.А.], а эти армяне из маленьких деревень Шамахинского района уже загрузили свои вещи в машины, чтоб ехать в Армению, тогда еще землетрясения не было, наверно, где-то 2-3 декабря было... Теперь, значит, приехал этот секретарь и проводит собрание [в Мадрасе]... вышел на балкон [конторы], говорит: «Ну, знаете что, нет государства, анархия, мы не можем удерживать... готовьтесь (говорит нашим деревням), я поговорил в Баку, приедут машины. Мужчины, пусть женщины возьмут детей и одежду...» Как будто нас отправляет на дачу. [...] И тут я попросил слова, поднялся наверх и говорю: «Мы никуда*

не поедет, наша деревня никуда не переселится». Он повернулся к нам и говорит: «Знаете что, нет государства, я не могу удержать их, если завтра что-нибудь случится...» А я ему в ответ: «Пусть наступают, никого не пытайся удерживать, пусть идут». И тут [азербайджанцы] [...] подумали: значит, они [армяне] уже настолько уверены в себе, в свои силы, что могут нам противостоять. Мы и на самом деле противостояли бы им. Я не говорю, может, они и смогли бы нас потом побить, но если бы в эту ночь наступили, мы бы их побили. Потом через несколько дней приехал секретарь и говорит: «Идите на работу, уже есть государство, все как надо». Я опять попросил слова: «Мы не останемся, мы уедем». «Станный ты человек: неделю назад говорил обратное». «Неделю назад так сказал, а сейчас так говорю. Дайте нам дорогу, мы покинем село, не останемся здесь!»».

Важным маркером самоорганизации стало игнорирование властей. Между тем неподчинение, сопротивление властям, уже не воспринимавшимся как органы советской власти¹⁵, которые могли бы обеспечить их безопасность, не было самоцелью, а предполагало собственные видение и действие в конфликтной ситуации. Вспоминает наш собеседник: «Получилось так, что сразу мы

оторвались от Азербайджана, получилось так, что как бы отдельное правительство было. Даже райком раза два пытался войти в село. Не пустили. Закрыли дороги и сказали: райкома-мрайкома не будет здесь, пока эти дела не успокоятся...» «Машины, горячее было в наших руках... все было в наших руках: водка, вино [имеются в виду совхозные – А.А.]...» Распределением и использованием этих ресурсов занимался «народ», как замечает наш собеседник. Горячее и машины использовались в целях самообороны – для дежурства, бутылок с зажигательной смесью и т.п. В этом контексте первой задачей было самосохранение, и самоорганизация в первую очередь решала эту задачу.

Наш информант-керкенджец (муж. 1951 г.р.) упоминал, что время делает эти воспоминания как бы художественными, но что все-таки даже эти воспоминания не могут передать того, что они переживали в эти тяжелые времена. Наш собеседник заметил, что когда в ноябре в Шемахе начались митинги, они уже начали ставить посты. Все знали, что в селе было человек 10-12 охотников, но с удивлением увидели, что «из каждого дома была одна винтовка», по словам другого информанта, было до 80 винтовок. Вместе с Мадрасой они организовали самооборону своих поселений. Посторонних в села не пускали.

15. Районные, республиканские власти воспринимались и отождествлялись по этническим маркерам – как азербайджанские, азербайджанцы.

Интересно также то, что все-таки не было четкого и жесткого разграничения между лидерами и общиной, и этот период характеризуется «народовластием», когда все решали «мы», или «народ». Это демонстрирует то, что легитимность лидеров была неоспоримой и выглядела такой естественной, что даже решения, которые выносили они, по большому счету не вызывали протестов. Это свидетельствует также о том, что в критической ситуации сообщество консолидировалось. Между тем механизмы взаимодействия в сообществе тоже подчинялись ситуации. Эти два маркера самоорганизации – групповая консолидация в «мы» и особые взаимоотношения в сообществе, где «народ друг друга понимал», характеризуют адаптацию общины к нетривиальным условиям под воздействием внешних неблагоприятных факторов. Эти маркеры самоорганизации присущи были также армянам Карабаха в условиях войны.¹⁶

Кто они были, лидеры керкенджцев, каков был их возраст, социальный статус, в каких «ячейках» сформировались они и взяли ли потом на себя ответственность за судьбу общины?¹⁷ К сожалению, по разным причинам нам не удалось собрать сведения обо всех лидерах (умерли или переехали жить в Россию), но все же некоторое представление о них мы получили.

Как показывают материалы, лидерство взяли на себя не представители административной, хозяйственной или партийной власти, а простые труженики села. В этом контексте в рассказах вообще не фигурирует «официоз», нет упоминаний о его положительной или конструктивной роли, а также о соответствующих ожиданиях от представителей сельских властей в этих процессах. Упоминаются только имена простых людей, без статуса, без каких-либо других «официальных» характеристик. На вопрос, кто были организаторы или лидеры всего этого, говорят «мы» или «старшие села». «... Народ уже взял в свои руки управление: молодежь в Мадрасе, молодежь в Керкендже», – описывает тогдашнюю ситуацию информант. Под молодежью он имел в виду людей среднего возраста (лет до 45), которых в селе было около 40 человек.

Фото 7. «Солдат внутренних войск СССР у поста самообороны керкенджских армян вместе с маленькими керкенджцами Н. Цатуряном и А. Варданяном (с. Керкендж, Азербайджанская ССР)»

16. См. об этом Шахназарян Н. «Наши горы прокормят нас!» Структуры повседневного выживания в постсоветском Карабахе, *Bulletin anthropology, minorities, multiculturalism. New series*, v. 1(7), No 1-3, 2003. P. 57-58.

17. О лидерах и лидерстве в Керкендже см. соответствующую главу.

18. Председатель колхоза [Керкендж, Мадраса]. Как говорил информант, председатель был родом из Керкенджа, но жил в Шемахе.

19. Андраник Озаян, Геворг Чауш – лидеры армянского национально-освободительного движения конца XIX – начала XX вв. в Османской Турции. Андраник был также генерал-майором царской армии, участвовал в Первой мировой войне, в эти годы сопровождал и обеспечивал отход армянских беженцев из Турции.

В описании событий официальные представители местной власти если и фигурируют иногда, то вне контекста лидерства. *“Председатель¹⁸ нашего села (тогда председателем называли), оставил и ушел... [Азербайджанцы – А.А.] подогнали машины, сказали, чтобы на них отправились в Армению, он [председатель нашего села – А.А.] с ними поехал, когда отравили... Председатель поехал с народом [имеются в виду беженцы соседних армянских сел и г. Шемахи – А.А.]. Это ... до землетрясения... вот в это время было...”*

Один из лидеров, Рафик Мартиросян, до 1987 г. работал бригадиром в совхозе, а после этого занимался водоснабжением, другой, Аваг Вардамян, был каменщиком. Обычно керкенджцы говорят, что их старейшины решали все, но это было не всегда так, потому что среди них были сравнительно молодые, например Аваг, к тому же не все пожилые мужчины участвовали в принятии решений. Интересен также еще один критерий: Рафик Мартиросян рассказывал о случае, когда с ним на переговоры с азербайджанцами ехал тот, кто не боялся.

Очевидно, что лидерство определялось по целому ряду критериев: это и старшинство, и решительность, и капитал доверия, и жизненный опыт и т.д. В этом контексте интересно, что именно Р. Мартиросян и А. Авагян

организовали установку памятника в селе в память погибшим в Великой Отечественной войне керкенджцам. Рафик Мартиросян – рядовой труженик с богатым жизненным опытом, и когда диктует ситуация, он смело берет на себя принятие важных решений. Начиная с 1988 г., его биография тесно переплелась с биографией общины, так как он был одним из лидеров-организаторов обмена.

Жесткого разграничения между лидерами и общиной все-таки не прослеживается. Вот как характеризует ситуацию один из наших собеседников: *«Руководители? Село почти что хотело, то и делало. Лидер... Да... Это не полк, которым, скажем, Андраник-паша командовал или Геворг Чауш¹⁹ [...] Нет, такого не было, народ друг друга понимал...”*

Интересен также другой аспект народовластия. Материалы свидетельствуют, что важными очагами и средой самоорганизации стали кварталы, по квартальным принципам организовывалась самооборона села. В этих кварталах ответственность взяли на себя соответствующие лидеры. Вспоминает один из керкенджцев: *«Самооборону разделяли на группы отрядов по кварталам. Одним из верхних кварталов руководил Вардамян Аваг... Нужным кварталом руководил: Шамо там был, Вова, Рафик, Мартиросян Рафик – это их квартал.*

...Они там были. В верхнем квартале был Егиш, Айрапетян Егиш... еще был Серож. [...] Было четыре квартала. Четвертый квартал – там был Макар... Это был их квартал. То был нижний квартал».

Каждая из этих сторон имела свои задачи, которые были обусловлены также и местоположением. Наш собеседник продолжает: «Четвертый квартал смотрел прямо на Мадрасу. Так лицо в лицо смотрит. А другой квартал, к примеру, на Калахану... Верхний квартал – это наш квартал, мы смотрели на село [азербайджанцев], соседнее село [азербайджанцев] Гягалу. Дорогу этого села контролировали, еще дорогу Ортабулага. Так получилось, что вся территория была под контролем». Примечательно, что квартальный принцип самоорганизации и самообороны характерным был также и для армян Карабаха во время конфликта.²⁰

Ожидание опасности было всегда. Как говорят информанты, в ноябре 1988 угроза нападения на село была реальной. Как говорил один керкенджец [муж. 1926 г.р.]: «...значит, [азербайджанцы] приготовились наступать на нас, потом пришел их шейх... Райкома не послушались, но шейх, который пришел, говорил: "Моим законом, моей религией клянусь, никто не вернется, вас всех зарежут". И мы решили погибнуть,

честное слово, а Аваг, царство ему небесное, говорит: «Мужики, помрем, но ни одного турка не пустим в деревню. До последнего будем биться, пусть нападают!».

По рассказу информанта, например, у подступов к селу, где они дежурили, в это время складывалась такая ситуация: «Потом, да, ее [жены – А.А.] брат и участковый пришли, ее брат спустился [с машины – А.А.], говорит: идут, идут. «Эй, кто идет?». Участковый говорит, еле их остановили, но остальные идут. А мы говорим, пусть идут, посмотрим, что будет. Мы... на обочине дороги, в саду, видим, подъезжает машина из Шемахи, 7-8 парней стоят на дороге, четверо с этой стороны, семеро – с той. Говорим: пусть идут. Машина подъехала, я первый подошел к ним и спросил, куда они едут. Он говорит:

Фото 8. «Защитники верхнего квартала села Керкендж»

20. Шахназарян Н., указ раб. С. 55-56.

Фото 9. «К подступам села Керкендж. Солдаты не пропускают машину»

«Я работник ОБХС, иду к Рамазанову». Я ему сказал, чтоб отогнал машину назад: «Какой ОБХС, есть Советский Союз, есть партия?.. Отгоняй машину назад!» Он начал отнекиваться, тогда вышли наши парни из сада с винтовками и говорят: «Разворачивай, не то сожжем машину!» ...развернул и поехал обратно. У нас живых потерь не было ...только наш материальный товар пропал».

Скором в селе появляются части МВД СССР. По рассказам керкенджцев, они были курсантами алма-атинского училища МВД СССР. Но самоорганизация и самооборона продолжались даже после прихода частей МВД в село. «После прихода курсантов до нашего отъезда мы эти позиции не оставили. До нашего отъезда <...>. Шесть месяцев

... до июня 1989 года» Наш информант продолжает: «До нашего прихода сюда мы в позициях были, несмотря на то, что уже пускали в село людей [представителей власти – А.А.] из района, Баку... но все-таки спрашивали, кто они...». Особой надежды на органы МВД СССР уже не было, даже части милиции не смогли контролировать происходящее.

В умах керкенджцев все это воспринималось уже как конфликт между «армянами» и «турками», который диктовал свою логику поведения. В этом контексте в историях керкенджцев в разной степени актуализируются события 1918 г. – вторжение турецкой армии в Восточное Закавказье, «армяно-мусульманские»²¹ стычки и конфликты.

21. В конце XIX - начале XX вв. тюркоязычное население Восточного Закавказья не имело общего этнонима и было известно под разными названиями – «мусульмане», «кавказские татары» и др.

Интересно, что эта актуализация иногда приводила к необычному поведению в критических ситуациях не только у армян, но и у азербайджанцев. По рассказу одного из наших собеседников, его деда в 1918 г. убили в родном селе, а убийцы были из соседнего селения Гягялу. В это время из Гягялу 15–20 человек зашли в Керкендж и убили в домах армян, не успевших бежать. Говорят, все погромщики умерли не своей смертью. Один из этих убийц уже в пожилом возрасте умер в своем доме, но в селе 6–7 дней не знали об этом. Он был одиноким, из его семьи никто в живых не остался. А в 1988-ом, когда ситуация была критическая, вдруг эту историю вспомнили в Гягялу: «... мулла этого селения созвал народ, собрание сделал, сказал: если ктонибудь из вас в это селение поедет и из этого села хоть один кусочек чего-либо принесет, пусть на меня не обижается, я его вышвырну из этого села. Вы хорошо видели, что с этим человеком случилось... Сейчас, если вы снова такие дела будете творить, представьте себе, что наше село во второй раз разрушите. Из этого села ни один человек в наше село не пришел». По словам другого информанта, председатель Гягялу даже сделал визит в их село в эти трудные дни и предлагал помощь, если, например, мясо нужно будет для мероприятий и т.д.

Но все же, по словам информанта, была опасность со стороны селений Чараан и Адманлу: *«Знаете почему? Поскольку из этих сельчан были полномочный и какие-то работники милиции. Они на Калахану пошли, на 6-й совхоз пошли... В наше село тоже пришли, но мы не пустили, пришли что-нибудь купить [имеется в виду, что армяне все равно уйдут, и им придется продавать дешевле – А.А.]... Народ собрался и сказал, что ничего не будем продавать, у нас нечего продавать. Это был уже февраль [1989 г. – А.А.]...».*

Ситуация 1988–1989 гг. для керкенджских армян не только сформировала жесткие и конфронтационные границы с окружением, но одновременно укрепила прежние дружеские связи, которые проявлялись по-разному. Например, с помощью близких друзей-азербайджанцев в эти критические дни приобретались даже необходимые боеприпасы.

Анализ показывает, что самоорганизация и самооборона керкенджских армян в критических условиях 1988–1989 гг. были на довольно высоком уровне. Можно вычленить отдельные этапы и компоненты в этом процессе: неподчинение, сопротивление азербайджанским властям, пытавшимся вынудить армян переселиться в конце 1988 г., самооборона как способ самосохранения и выживания в нетривиальных условиях, самоуправление

Фото 10. «Солдаты внутренних войск СССР в селе Керкендж»

22. Здесь не имеются в виду Нагорно-Карабахская автономная область и прилегающие к ней армянонаселенный Шаумяновский район и несколько селений Ханларского района.

в ситуации кризиса и недееспособности официальной власти. Если бы не самоорганизация и самооборона керкенджцев, обмен не состоялся бы, поскольку уже к концу 1988 года в Азербайджанской ССР не осталось селений, где жили бы армяне.²²

Самым важным аспектом самоорганизации было то, что она не стала

пассивной формой адаптации, а выдвигала и реализовывала проекты выхода из ситуации в условиях, когда влиять на общую ситуацию и справиться с ней было невозможно, однако оказалось возможным находить и использовать редкие и случайные шансы, чтобы достойно выйти из тяжелейшего положения.

ГЛАВА 3. ИДЕЯ ОБМЕНА СЕЛАМИ

3.1. «Все равно нам придется уехать в Азербайджан»

Уже к концу 1988 года пришло окончательное понимание, что переезд на новое место неизбежен, и заработали в полную силу механизмы принятия коллективного решения. Люди чувствовали, как ежедневно изменяется ситуация вокруг их поселения, становясь все более тревожной и заставляя ускорить поиски выхода из создавшегося положения. В их жизни начался период постоянных коллективных обсуждений. *«Да, всей деревней принимали решение. Все были согласны на обмен. В клубе собрались и решили»* (Авды-муаллим, 69 лет). *«Да, конечно, каждый день наш народ собирался в деревне, проходили совещания, велись разговоры. <...> Да, конечно, мы вместе пришли к решению. Собирались каждый день на разговоры, и пришли к решению переехать всем вместе»* (Захид-киши, 58 лет). Это были коллективные обсуждения людей близких, хорошо понимающих друг друга. Большинство тех, кто участвовал в этих событиях, уже и не припомнит многое из подробностей того, как работал этот коллективный

механизм принятия решений. Они только помнят об этих собраниях, что это *«ну, просто разговоры были»* (Захид-киши, 58 лет).

Очень часто это все, что удается восстановить в памяти о событиях тех лет. Сельчане не склонны оценивать свои действия как проявление гражданской инициативы. Несмотря на то, что события обмена — это, безусловно, очень важное для всей общины место памяти. Хотя их память и не хранит никаких других событий, которые даже отдаленно могли бы быть сравнимы с событиями тех трагических дней, сегодня для них это были только «обычные разговоры». Сама память о коллективных обсуждениях, как о чем-то обыденном, может указывать на то, что подобный способ принятия важных для всей общины решений не был для них непривычным²³. Вот только на этот раз повод для этих коллективных собраний и обсуждений был весьма необычным, и любое возможное решение было неизбежно связано с будущим изменением всего их повседневного мира.

**С.Гусейнова,
С.Румянцев**

23. Эрнест Геллнер, рассуждая о существовании феномена гражданского общества, который он считает спецификой только североатлантических социумов, указывает на то, что эти «общества живут по его законам, по крайней мере, с 1945 года, не отдавая — или почти не отдавая — себе в этом отчета» (Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политических исследований, 2004. С.23). Естественно, прямой перенос представлений о феномене гражданского общества на описываемый кейс недопустим. Именно поэтому мы говорим не о гражданском обществе, а только о гражданской инициативе. Здесь речь идет не столько о свободном индивиде, сколько о привычных механизмах коллективного принятия решений в сельской общине. Мы только указываем на то, что описываемые механизмы принятия решения имеют ряд внешних схожих черт с механизмами гражданского общества. Это, например, демократическая процедура принятия решения, которая в общине является во многом привычным действием. Но, несомненно, есть и значимые отличия.

Ход самих этих собраний, как и предпринимавшиеся усилия выработать общий для всех выход из ситуации, не подразумевали никакого давления на тех, кто предпочел для себя другой выход. *«Да, конечно, несколько раз аксакалы собрались и молодые ребята, поедем вот так вот совместно, так и сделали. Все, все, вся деревня. <...> Просто обсуждали. Какое голосование!* [имеет в виду, что голосование не проводилось – Авт.] *Кто захотел сюда приехать, сюда приехали, кто не захотел, в Гянджу поехали, в Баку поехали. Кому скажешь [укажешь – Авт.], куда ты поедешь?»* (Мамед-киши, 68 лет). Сама процедура совместного обсуждения формировалась, видимо, во многом стихийно. Наверняка все же срабатывала привычка советского человека к участию в разного рода коллективных собраниях и представление о способах их «правильного» проведения. Кроме того, в сельских общинах вполне привычным являются практики участия в совместных обсуждениях, когда может выработываться в той или иной степени общая позиция. И это не обязательно должны быть специальные собрания членов сообщества лишь с целью обсуждения какой-либо проблемы. Сельчане привычно собираются по поводу всех значимых событий, например на свадьбы или похороны. Вместе с тем, сама серьезность мо-

мента заставляла мобилизоваться каждого. Чем чаще власть демонстрировала свою неспособность влиять на события, тем большую значимость приобретала инициатива снизу. Необходимость сохранения общины – именно так память формулирует сегодня главную цель, определившуюся в ходе этих собраний.

К числу привычных практик выработки коллективных решений, распространенных в общине, можно также отнести и сбор всей, нередко большой, семьи, группы аксакалов или членов одного рода (азерб. «тайфа») с целью обсуждения и решения важных вопросов: *«Всем народом обменялись деревнями. Собрались аксакалы деревни, например, директор совхоза Аллазов Байрам, он и сейчас здесь. Он был, председатель сельсовета и другие аксакалы деревни. Народ собрался на собрание в деревенском клубе. Обсуждали, как нам поступить, чтобы не развалить общину, чтобы снова быть нам вместе на новом месте. Такова была воля всего населения деревни. Послали мы своих представителей сюда [в Керкендж – Авт.]. И здесь тоже, армяне этой деревни также все согласились на это. А потом уже каждый находил общий язык с тем, с кем обменивался»* (Авдымуаллим, 69 лет). За этим выражением «все согласились» скрывается главная особенность этих собраний, на

которые собирались практически все члены общины. Речь шла о важнейшем решении в жизни сообщества, и ответственность за его принятие и дальнейшую реализацию разделяли практически все. Через ежедневный плебисцит люди искали способы выхода из неожиданно возникшей и немислимой раннее ситуации.

Несколько выхолощенные воспоминания сельских жителей постоянно требовали от нас дополнительной рефлексии и уточняющих вопросов. Мы с трудом реконструировали длинную череду усилий, которые позволили найти собственно это новое место для поселения. Ездили наши

люди в Ханлар [район в Азербайджане – Авт.]. *«И я тоже в Ханларе был. Несколько дней мы оставались в Ханларе. Там была одна деревня, мы хотели с ней обменяться. Но, помимо нас, туда приехали еще и люди с 5-6 деревень. Там уже споры начались, кто обменяется, кто не обменяется. Уехали мы оттуда, поехали в Габалу»* [север Азербайджана – Авт.] (Захид-киши, 58 лет). Конечно, память рисует и другие причины отказа от этого варианта обмена: *«Да, поехали. В Ханларском районе была одна деревня. Нам не понравилась, еще хуже этой деревни была. Правда, там вода была, все было. (Но) здесь хотя бы Баку близко. Едем туда,*

Фото 11. «Село Керкендж (Азербайджан), 2006 г.» Фото С. Гусейновой

у меня сын там живет. У кого сын живет, сестра там живет или дочь живет. Совместно живем, да» (Мамедкиши, 68 лет). Таким образом, сам процесс поиска новой деревни был довольно длительным. Найти новую деревню оказалось предприятием не из простых, и многие попытки не приводили к желаемому результату.

Возможные варианты выбора места нового поселения были весьма ограничены, и в процессе реализации идеи обмена всем его участникам приходилось усмирять свои желания. Ряд воспоминаний предоставляет более подробное и детальное описание событий поиска нового места для поселения. Эти воспоминания ценны еще и тем, что позволяют нам увидеть всю специфику отношений с властями, от которых в значительной степени зависела судьба общины. «Созвали народ, провели собрание. Сказали, что все равно нам придется уехать в Азербайджан. Давайте не рассыпаться. Этот... район Габала, Куткашен [советское название города Габала – Авт.] туда много людей [из Армении – Авт.] уехало. Но там нас ожидали. Полковник Алиев Адиль и писатель Новруз Сулейманов. Он сейчас на радио работает, они посодействовали. Мы поехали проверить это место. Мы на своих легковых машинах поехали, наверное, машин 35-36, в каждой по 4 человека. И там первый секретарь,

он выступил, показал нам место на берегу реки, сказал: вот здесь стройте дома, я обеспечу вам все условия, камень дам, материалы. Построим вам дома, как там было, так и здесь будет. А до этого проживайте временно в пансионате» (Сулейманмуаллим, 75 лет). Это пример позитивного взаимодействия с властью. В тот момент и в той стране нашлись представители власти, которые в критической ситуации готовы были оказывать азербайджанцам из Армении помощь, понимая всю безысходность ситуации, в которой те оказались. Но, как мы увидим далее, таких чиновников или общественных деятелей было не так много.

Запас времени еще позволял кызыл-шафагцам предпринять попытку найти другое место для будущего проживания, которое бы их устраивало в большей степени. Было, вероятно, несколько причин отказа от предложения заново отстраивать деревню на совершенно новом месте. «Потом наши начали говорить, а здесь атомная станция поблизости находится [имеется в виду Габалинская РЛС – Авт.]. А я говорю, ну и что, пускай будет, она и не близко отсюда. Ну, в общем, не знаю по какому принципу мы уехали оттуда. Затем поехали в Ханлар, там задержались немного, а уже после сюда приехали, в Шемаху» (Сулейманмуаллим, 75 лет).

Впрочем, казалось бы, вообще значимых причин для отказа от строительства на новом месте не было, если память их не сохранила. Для многих теперь ретроспективно все представляется, как простое нежелание заново строиться. «А у нас, наверное, машин 60 было. Колонна целая. В деревне сколько машин было, почти все поехали. В каждой машине по 4-5 человек было. Поехали мы сначала в Куткашен. Нас там очень хорошо приняли. Разместили на турбазе там, на время. Приехал тогда еще райкомом называли, райком приехал, с нами побеседовал. <...> Азербайджанец. Очень хороший человек. Говорит, я вам по всякому помогу, где хотите здесь занимайте участки... Стройте деревню сами себе. Я помогу, с цементом, всем помогу. Живите здесь... хоть у речки, хоть где. А-а... Просто не знаю, что там было. В общем, нужно строить, (а мы) только там (в Армении) достроились. У нас там в деревне все дома были новые. Все, вот, двухэтажные дома понастроили» (Насиб, 45 лет). Они были строителями и могли возвести для себя новые дома. Но дело это было хлопотное, да и давали о себе знать, видимо, некоторое разочарование, усталость и неуверенность в будущем. Ведь только закончили строительство домов, а уже нужно все бросить и все начинать заново. На это было очень непросто решиться. «В

Куткашен поехали. А там райком сказал нам: «Я дам вам землю, где хотите стройтесь. Хотите у реки, у озера, где хотите. Построим деревню, раз уж вы хотите жить все вместе. Я вам помогу с материалами, стройтесь. А у нас народ все в основном мастера, работали в России... А потом так подумали, что нет, дом не так уж легко и построить. А потом уже наши это место. <...> Приехали наш директор совхоза, председатель деревенского совета в Шемаху и несколько аксакалов. Приехали, посмотрели на деревню» (Захид-киши, 58 лет). Были, конечно, и более веские основания для того, чтобы заново не строиться на абсолютно новом месте, но об этом позже.

Здесь же отметим, что отказ от строительства на новом месте был, по-видимому, верным решением еще и потому, что последовавший в скором времени быстрый коллапс СССР, сопровождавшийся распадом экономики и не менее скорой сменой власти (а точнее, целой серией смен власти в Азербайджане), наверняка просто не позволили бы председателю райкома сдерживать данные кызыл-шафагцам обещания. Кроме того, нужно подчеркнуть и то, насколько важным был человеческий фактор в той ситуации. Кто-то, как председатель райкома Куткашенского района, смог проявить волю и взять на себя ответственность:

Фото 12. «Село Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

поддержать будущих переселенцев, но многие оказались на это просто неспособны.

Они выполняли приказ, который мог быть губительным для тех, кто надеялся на помощь власти и не уезжал вовремя. Дни Союза были сочтены, но носители власти еще могли оказать помощь тем, для кого было неизбежно переселение. Однако приказ «сверху» был оставить все как есть, и немногие решались на то, чтобы проявить волю и преступить его. «Нас было несколько человек. А здесь (в Шемахе) тогда райисполком был и такой высокий голубоглазый работал первый секретарь. Мы зашли к нему, а здесь

(в Керкендже) тогда стояла военная часть и нас не пропустили в деревню. Я ему говорю, как такое может быть, армянам все позволяют, делают, что хотят, а нас здесь не пропускают военные, как будто мы убивать или взорвать кого-то собираемся! Не помню фамилию этого первого секретаря, зашли мы к нему поговорить. Поговорили с ним, я говорю, почему не даете нам разрешения пройти в ту деревню (Керкендж), вы первый секретарь, пусть нас проверят, обыщут и пропустят в деревню. Мы хотим деревнями обменяться... А помимо меня был еще директор школы Алиев Исахан и Оруджев Махаммед.

Да... И Исахан-муаллим тоже сказал что-то, и этот секретарь ему в ответ: «Эй, ты мужик, ты понимаешь вообще!» Немного... грубо ответил. А он ему в ответ: сам ты мужик! Так и сказал. Секретарь тут же: «Сейчас посажу!». А здесь на первом этаже располагался офицерский состав. Как только он это сказал, они встали на ноги друг против друга, я тут же между ними встал. Я говорю: садись на место, единственному слову поверю, что ты сказал, посажу. Этому я поверю. Это ты сделаешь (!), а что-то другое нет» (Сулейман-муаллим, 75 лет). Селение Керкендж, в котором все еще проживали армяне, охранялось войсками. Где-то в метрополии правители трещавшего по швам государства предполагали, что подобными мерами можно спасти положение дел, сведя контакты двух сторон к минимуму.

Кроме того, раз не было приказа сверху поддержать гражданскую инициативу кызыл-шафагцев, то ей следовало препятствовать. «Ты и не сможешь! Мы приехали... Мы что, хуже армян? Что вы хотите этим сказать? Подумайте хорошо, обратил внимание, когда по телевизору показали землетрясение, Горбачев поехал в Ереван, в Спитак. А там из-под развалин старую женщину 80-летнюю вынесли, ее первые слова к Горбачеву были: когда нам вернут Карабах! Она

умирает, в предсмертном состоянии, и ее предсмертные слова – Карабах! А ты что говоришь! Посажу! Что ты можешь сделать кроме этого, на что ты еще способен! Несмотря на это, мы все же смогли и эту деревню посмотреть и Мадрасу. <...> Нет, никакое(!) разрешение нам не дали. Мы секретной дорогой зашли в деревню. Зашел я в школу. Там военачальник находился. Вышел ко мне офицер, я и говорю ему: разрешите, пожалуйста, посмотреть деревню. А вы откуда? Мы из Армении, вот так-то. Он ответил – нет (!). Ни в коем случае! Почему нельзя? Ну, почему? Что мы сделали такого? Мы дома хотим обменять, вот и все! Ну... он мне: ты очень... рискованно разговариваешь. Я говорю: что эта за жизнь, в тюрьме и то лучше! Что это такое? Ну, в общем, посмотрели мы так на деревню. И уехали. Байрам-муаллим сам потом несколько раз приезжал, смотрел» (Сулейман-муаллим, 75 лет).

Эти воспоминания демонстрируют нам специфику ситуации, когда приходилось не только искать и принимать совершенно новые решения, но и когда их реализация требовала немалого мужества. Конечно, в ситуации безысходности неизмеримо легче было решиться на противостояние с властью. Но нужно понимать и то, что в те годы никто еще не предполагал, что через короткий промежуток

24. Скотт Д. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян. Крестьяноведение: теория, история, современность. Ежегодник. 1996, М.: Аспект Пресс, 1996. С.35.

времени Советского Союза уже просто не будет существовать. Никто не мог быть абсолютно уверенным, что столкновения с властью не приведут в будущем к каким-либо осложнениям. Сама же власть демонстрировала полное непонимание ситуации, пытаясь силой удерживать этническую чересполосицу. Один из главных брендов советской власти – дружба народов – терпел один удар за другим. Оставалось только имитировать интернационализм, охраняя его танками. Это делалось вместо того, чтобы, например, оказать помощь в обмене селами. Власть не была готова поступиться имиджем института, управляющего территорией «дружбы народов». Имиджем, который быстро рассыпался в прах, унося с собой все новые жизни и превращая в беженцев все больше советских граждан.

Впрочем, и сама власть была ограничена в своих возможностях. Сталкиваясь с представителями сельской общины, которая для власти ассоциировалась с советским совхозом, чиновники, по сути, попадали в ситуацию описанного Джеймсом Скоттом тихого сопротивления крестьян налогообложению. Кызыл-шафагцы не предоставляли «государству» открытого и явного повода для репрессий. Не было организаций, которые можно было бы запретить, никаких нелегальных лидеров, которых можно было бы

выследить и изловить или подкупить, никаких бунтарей, которых можно было бы отдать под суд, – было только несогласие в общем и целом»²⁴ с предоставленной им чиновниками ролью пассивных наблюдателей за разгорающимся конфликтом, который кызыл-шафагцам непосредственно и угрожал.

Чиновники просто умыли руки и оставили сельчанам только одну возможность – самим искать выход из ситуации. *«А тогда в 88 году... Я тогда уже в Сургуте жил, мать телеграмму прислала, что приезжайте, нас не то чтобы выселяют, выгоняют отсюда!»* (Мустафа, 40 лет). Родственные связи оставались действенными, несмотря на огромные расстояния, и сама специфика ситуации требовала мобилизации и участия всех, кто был к этому готов, где бы он ни находился в момент возникновения конфликта. *«Мы приехали. Даже из Москвы комиссия была. Вся эта деревня, сейчас нас мало осталось здесь, а тогда много нас там [в деревне в Армении – Авт.] жило. Вся деревня собралась в клуб, даже первый секретарь района приехал, из Москвы представитель <...> Фамилию я не помню, Волков или как-то. Приехал туда, он даже смотрел. Смотрел, короче... Его армяне, наверное, уговорили или чего, и он сказал, что я ничего не могу сделать, езжайте в свой Азербайджан. <...>*

Тогда мы приехали в Азербайджан. Первый раз Байрам-муаллим приехал сюда (в Керкендж), ну чтобы договориться деревню на деревню менять ради нашего кладбища. Там остается (кладбище), вот из-за этого мы меняли с этой деревней. Но после этого у кого возможность была, поехал, в городе квартиру купил. У кого не было возможности, в деревню. Вот» (Мустафа, 40 лет). Этот приезд первого секретаря помнят и другие жители деревни. Все же событие неординарное, и все воспоминания об этом визите демонстрируют как несомненную слабость самой власти, так и ее попытки имитировать скорое разрешение набравшего обороты противостояния.

Даже присланные из Москвы назначенцы не имели реальной власти, чтобы оказать какую-либо действенную помощь. Они, кроме того, оказывались в ситуации, когда весьма смутно представляли себе масштабы происходящего. «Я сам много поездил и в Ханларе был. Когда мы были в Ханларе, туда приехал представитель из Москвы. Нас трое было, мы пошли в райком. А пришли мы к двум часам. Они [чиновники в райкоме – Авт.] говорят, мы с утра ничего не ели, умираем с голоду. Там первый секретарь тоже был. А я встал на ноги, мне мои говорят, ты что делаешь. Я говорю, как что делаешь! Встал и говорю, подождите, пожалуйста. Вы

из Москвы приехали? Он говорит, да. А я говорю, а куда вы собрались? Секретарь райкома партии сказал, поест. Я говорю, ты не только о себе думай, а как же я? Ты только 3 часа голодный, а я сутками. Ты об этом не подумал? Этот приехавший из Москвы тут же сел обратно на место. Я к нему подошел, рассказал обстановку. А что он может поделать, что в его силах? Ну, в общем, поговорили». Этот разговор не мог ничего решить. Никаких реальных ресурсов для решения их проблем у этого представителя, казалось бы, все еще всесильной метрополии просто не было.

Все, что он мог, этот чиновник из Москвы, только помочь им переночевать на обратном пути домой. «На обратном пути, нам нужен ночлег. Мне говорят, посмотри, может получится, что-нибудь сделать. Пришли – очередь огромная, несмотря на это, я зашел без очереди. Он... Какой он был человек (!), стоило ему на меня посмотреть, он меня узнал, говорит: вы у меня были. Клянусь Аллахом! Я говорю – да, был. Какой вопрос ко мне имеете? Я говорю нам ночевать надо где-то, а нас много-то человек. Он тут же дал указание райисполкому, нас направили в клуб. Приехали мы в клуб. А в клубе... из деревни Лембели [пограничная с Грузией азербайджанская деревня в Армении – Авт.] люди, такие же как мы расположились. Там

поставили кровати, тахты. Но в помещении... так грязно, не убрано, окурки по полу валяются. И мы тоже зашли внутрь. Я говорю им, вставайте, пожалуйста. Они встали на ноги, самим интересно, кто это такой, откуда приехал. Я им говорю: как вам не стыдно, может быть, мы здесь не трое суток, а год проживем. Разве так можно жить? Мы беженцы, но мы же ведь люди! Беженец, что, не человек? Должна же быть чистота. Они так между собой, да он правильно говорит. Я позвал завклуба, сказал ему, чтобы на завтра пришла служанка и подмела здесь все. А с завтрашнего дня назначаем двух дежурных, каждый день, чтобы никого не впускали, допустим, часов до семи вечера. Потихоньку порядок установился. Потом ко мне пришли, говорят, у вас шумит кто-то, спать не дают. И действительно, смотрю, наши ребята громко разговаривают. Я им сказал: или прекратите разговоры или завтра убирайтесь отсюда. Закон для всех закон. Вот так было. Ну, а потом, мы уже приехали сюда [имеется в виду Керкендж – Авт.], заселили дома, постепенно, кто-то раньше, кто-то позже» (Сулейман-муаллим, 75 лет). Эта сценка из тех трагических дней начала беженства, которое для многих фактически длится до сих пор, весьма показательна. Причисление себя Сулейман-муаллимом к беженцам

- это, скорее, ретроспекция из наших дней. Однако, важна в этой сценке не попытка поместить себя в одну ситуацию с беженцами из Армении, а то, что среди кызыл-шафагцев было немало людей, которые и в самые тяжелые моменты жизни не теряли присутствия духа и самоуважения.

После начала конфликта встречи с представителями власти случались неоднократно. Но, как правило, никаких позитивных перемен они с собой не несли. «Из Москвы приехали... Из Центрального Комитета, фамилия его была Волков... Приехал, уговаривал, что куда вы уезжаете, вот армяне возвращаются в Баку. Во время Везирова [первый секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР в 1988-90-е гг. – Авт.] <...> Он вынимает одну газету, «Правду», «Армяне возвращаются в Баку». А у меня была тогда «Комсомольская правда», армянская газета, т. е. «Коммунист». И в ней статья, что когда произошло разрушительное землетрясение в Спитаке, в руинах одного дома экскаватор выкопал столько-то единиц ракет «земля-земля», столько пулеметов, боеприпасов. Это с одного подвала! Я говорю, товарищ Волков, а вы говорите, что... а там [имеет в виду, что на собрании присутствовали – Авт.] представители из прокуратуры Степанаванского района, Калининского района, из внутренних дел Армении

еще один представитель был. Трое армян. А этот Волков был Фарман Салманова друг. Он еще не был нефтянником в России. Он говорит, ваш Фарман Салманов меня сюда, со слезами сюда послал. Я говорю, товарищ Волков, ты прочитал да, это – «Армяне возвращаются в Баку». На, прочитай громко этот «Коммунист» армянский. Там на русском было написано. Там что написано? А он говорит, а что у вас, что ли оружия мало. Вчера в Баку изъято 1000 наганов. Наганы и ракеты «земля-земля» одинаковы, что ли? Говорит, в Дманисском районе [место проживания азербайджанцев в Грузии – Авт.], что ли, мало

ружей. Какие ружья! У них охотничье ружье и то собрали. Я говорю, конечно, если сосед с соседом дерется, если сосед со штыковой лопатой идет, то и мы должны с ножом. Конечно, у нас тоже есть [в смысле имеется в запасе – Авт.]. Ничего нет. А что сказать? Чего-нибудь сказать надо (смеется). Вот так» (Мамед-киши, 68 лет). Таким образом, власть не только не помогала, но и продолжала играть в свои игры, в которых люди, становились разменной монетой.

Если близость с Грузией и позволяла надеяться на то, что, по крайней мере, большинству удастся избежать самого страшного, в случае обостре-

Фото 13. «Село Керкендж (Азербайджан), 2006 г.» Фото С. Гусейновой

ния ситуации быстро перебравшись в соседнее село Ирганчай, то оставалась проблема утраты жилья и имущества. *«А уже во время гачагача (бегства), народ так и покидает деревню. Мы, нас четверо братьев... Мы там все еще жили, долго жили. Люди кто в Баку уехал, кто в Шеки. Не знаю, кто место нашел, кто дом. Мы же оставались там. А потом мы видим, что уже невозможно, в район уже не поедешь. <...> Да, жили, люди еще жили. Но на наших глазах люди выезжали из деревни. И мы тоже собрались, нанял машину, собрали все наши вещи и отвезли в Ирганчай. А там у нас украли нашу одежду, паласы. Ну, в общем, а потом сюда (в Керкендж) приехали»* (Алы-киши, 72 года). Остановка в Ирганчае – это все равно была только временная мера. Некоторые вывозили из ставшего опасным Кызыл-Шафага свои семьи. Но затем приходилось решать, возвращаться или ехать куда-то в другое место. Были семьи, которые, не дожидаясь коллективного обмена, покинули село. *«Вначале наша родня, где-то около 10 семей поехали в Куткашен и там поселились. А потом до них дошли новости, что вся наша деревня поселилась в Керкендже. Тогда они и переехали сюда. Некоторые в Белокане [район, расположенный на севере Азербайджана – Авт.] жили почти год прежде чем переехать*

сюда» (Мухаммед-муаллим, 52 года). Однако, единство общины все еще сохранялось, и была распространена установка на коллективный переезд тех, кто не захотел или не смог уехать в индивидуальном порядке.

Постоянное осложнение ситуации при отсутствии помощи от власти заставляло искать иногда сомнительные выходы. Поиски новой территории для совместного расселения иногда уводили мысли в куда более дальние края. *«Даже они так хотели, чтобы в Ростовскую область ехать. Даже они в Москву написали, что, мол, если мы приедем, нас примут? И как я понял, они даже ответ получили, что приезжайте в Ростовскую область, дадим вам пустой поселок отдельный, работой обеспечим. Приезжайте. Но потом народ сказал, что старики есть, женщины пожилые. Куда нам на чужую землю ехать, и так нас здесь выгоняют, через неделю из России выгонят. Поэтому уже не поехали, но зря, надо было уехать. Там лучше было бы»* (Мустафа, 42 года). Трудно сказать, насколько серьезно мог обсуждаться подобный проект. Но сама возможность этого демонстрирует быструю трансформацию сознания. Росла убежденность в том, что бедствия можно избежать, только находясь в политическом пространстве своей республики.

3.2. «Мы решили село с селом обменивать, чтобы село не разделилось»

А.Акопян

Как мы уже отметили, после сумгатских погромов в Керкендже зародилась идея о компактном переселении в Армению или в Россию. Но тогда эта идея не пользовалась популярностью, слишком велика была надежда на советскую власть. Но в декабре 1988 года, когда ситуация стала критической, керкенджцы начали искать в Армении соответствующие азербайджанские села для обмена. Вспоминает один из участников этих поисков [муж. 1955 г.р.], который вместе со своими односельчанами приехал в Калининский район Армении осмотреть села, пригодные для обмена.

«Я прибыл в Калининский район 27-го декабря 1988 г. ...Я был, сын дяди с отцовской стороны, имя его Шамил, сейчас он в России живет, были наши сельчане – Сергей, он около Эчмиадзина живет, в Звартноце, и один его родственник, имя его Анушаван. Мы пришли, осмотрели эти села. Правда, в этом селе [Дзюнашох, тогда Кызыл-Шафаг – А.А.] не побывали, здесь [в районе – А.А.] были села Эвли, Михайловка. Пошли, эти села осмотрели. Очень холодно было, мы не смогли бы там приспособиться».

Интересно, что фактор «холода» обсуждался и при выборе Кызыл-Шафага.

Правда, это было уже позже, когда первые керкенджцы ознакомились с Кызыл-Шафагом, но вначале этот фактор не был определяющим. По рассказу К.С., некоторые не были согласны, чтобы обменялись именно с Кызыл-Шафагом, потому что *«здесь как Сибирь; поэтому Авагян Анушаван сказал народу: «Давайте соберемся, вместе поедем в Россию, там село будем строить – или в Россию или, говорит, в Армению. Теплая чтобы страна была, здесь холодно, не выдержим». Но не поехали».*

В поиски вариантов обмена были подключены также керкенджцы, уже ранее уехавшие в Армению. Так, по словам информанта, один из их сельчан, живший в Армении, всю республику объехал, чтобы найти подходящее место. В это время даже предлагал временно поселиться в одном из азербайджанских сел Араратской долины, с учетом того, что можно будет позже переселиться, если появится более удобное место. Однако керкенджцам понравились место и природные условия. Поэтому они отвергли идею поселиться временно или постоянно в Араратской долине.

Нельзя сказать, что имелся какой-либо ясный заказ от имени села своим бывшим односельчанам, долгие годы

Фото 14. «Село Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

жившим в Армении, или, наоборот, что эта идея зародилась у тех керкенджцев, которые жили в Армении. Просто в это время идея казалась такой естественной, что была просто артикулирована и активизировала людей, в том числе живущих в Армении. Последние имели родственников в селе, и им была безразлична не только судьба своих родственников, но и села, общины. И индивидуальный выход из положения требовал общинного решения, а общинное решение подразумевало также индивидуальный выход из положения. Община не подавляла индивидуальность, просто в эти смутные времена было явное различие

коллективного и индивидуального. Именно приоритетность коллективных решений обеспечила соответствующий выход из положения каждому. Это было осознанным выбором.

О естественности и «всенародности» коллективного выбора и обмена говорит тот факт, что до сих пор люди говорят *«мы обменивали»*: *«Мы обменивали, мы хотели обменивать. Знаете почему? Мы решили село с селом обменивать, чтобы село не разделилось, чтобы переселение было легким...»*.

Керкенджцы остались в одиночестве: *«Поэтому, когда Сагиан ушел, Мейсары ушел, Калаханы ушел, 6-й ушел, из Мадрасы бежали, ушли, мы*

остались одни, только наши сельчане там остались. . .» Очевидно, что коллективные решения, по мнению сельчан, должны были обеспечивать по мере возможности «легкий» выход из ситуации, «без потерь». Сплоченность и единство не только стали основой выживания в критических условиях (самооборона, самоорганизация), но и также обусловили решения и цель относительно будущего («жить вместе»). *«Мы обменивались, сказали: вместе будем, вместе пойдем, вместе будем жить»*, – говорит информант.

Коллективное решение об обмене селами наложило соответствующие ограничения на индивидуальные обмены. Вот что говорит об этом один из наших информантов: *«Мы решили, что надо обмениваться селами. Несколько раз [азербайджанцы] приходили, чтобы дом купить, но мы не пустили. . . Например, пришедшие из Иджеванского района, Каджарана, Азарака, Амасии [районы и местности в Армении – А.А.] приходили, хотели дома купить в селе, дом приобрести, мы не пустили. . .»*. В этом контексте интересен конкретный пример, который приводит наш собеседник. По его рассказу, из Каджарана пришел азербайджанец и хотел свою квартиру поменять на сельский дом в Керкендже. А место Керкенджа и дома указал брат домовладельца, который жил в Баку. *«Не разрешили, не согласились, народ сказал: нет. Если один поменяет. . .»*

[Интервьюер: - Кто не разрешил?] *Мы. Народ сказал: не будешь менять»*. Возможности для индивидуального выбора предлагались, но при приоритете «коллективного обмена». Например, *«народ говорил, не будешь менять. Знаешь как? Если хочешь менять, подожди, мы уедем, потом хочешь продавай, хочешь меняй. Ну, вот так и было. . . Народ сказал, . . . чтобы село на село на сто процентов поменяли»*.

Не только керкенджцы стали искать соответствующее азербайджанское село для обмена в Армении, но азербайджанцы Армении тоже искали соответствующее армянское село в Азербайджане. Эти пути иногда пересекались. Вспоминает наш информант [муж. 1926 г.р.]:

«К нам много приезжали, были у нас и из Иджеванского района, сейчас вроде Хачпаром [Хачардзан – А.А.] называли эту деревню. («Прежде ее название было Полад», – говорит сын информанта.) Оттуда приезжали. Первая группа оттуда приехала к нам, чтоб обменялись деревнями. . . Потом они сказали нам, что их дома не идут ни в какое сравнение с нашими [имеется в виду, что их дома по качеству и количеству не совпадали с керкенджскими, были хуже – А.А.]. . . В этот момент мы не позволили, чтобы обмен состоялся. . . Был февраль 1989 года. Они бежали [из Армении], недалеко от совхоза Сабир имелись хлева, там и приютились. Это был Полад, как ты

назвал, [азербайджанцы] из Хачпара. Потом наши односельчане, мой двоюродный брат, сказал, что туда [азербайджанцы] приехали, если сможешь, поговори, чтобы с ними разменялись. Я сказал, что попробую.

Поехали. Я взял двух солдат из этих курсантов из Алма-Аты и поехал в этот совхоз Сабир, там у меня был знакомый. Пришел к нему и сказал, что пришел поговорить с этими [азербайджанцами]. Ну, солдаты со мной, меня же не... Автоматы солдаты зарядили: "Стойте на месте!"... [Азербайджанцы – местные – А.А.] сказали, чтобы мы отошли в сторону, и что они сами с ними [с приезжими – А.А.] поговорят, чтобы мы не вмешивались. Этот мой знакомый сказал, чтобы я подождал, пока он поговорит со своим братом, который был их шефом. Он был младшим братом шейха. Он по телефону связался с братом и сказал, что такой-то человек прибыл к ним и хочет повидаться с теми [азербайджанцами] и поговорить с ними. Тот сказал, чтобы он не водил меня туда, что те могут меня убить. «Тогда сделай что-нибудь!» – говорю я ему. Он велел мне подождать, пока он вернется. Пошел, зашел в хлев. Те, что были там, убежали и приехали сюда, а стояла зима. И вот позвали одного из них, и я пошел, чтобы с ним переговорить. А эти солдаты с автоматами там стоят. Я поздоровался и говорю:

«Мы с вами в одинаковом положении. <...> Давайте договоримся, приезжайте, посмотрите нашу деревню, а мы поедем посмотрим вашу, а потом обменяемся». Утром им нужен был пропуск, чтоб войти в нашу деревню. Я пошел, выписал для них пропуск. У нас в селе был один человек, сейчас он в России (и откуда только он появился?), вышел, увидел их, позвонил коменданту и говорит: почему их пустили, туда-сюда... Ну, военные были уже с нами... они нам: ничего, хочешь ввози, хочешь увози.

Приехали [представители Полада], а их выгнали [солдаты] из нашей деревни...

Я говорю [азербайджанцам]: «Видите ту деревню? Там никого нет». Это армянская деревня Кялахани. На каждом шагу источник, обширные земли, во всех отношениях лучше нашей деревни. Они [кялаханцы] тоже переселились в Иджеван. И они [что из Полада] переселились в эту деревню из хлевов того совхоза и поселились в домах армян. Потом приехали армяне и сделали обмен. Сейчас наши армяне там живут, ее [жены] сестра тоже там живет».

В поисках села для обмена очередная делегация керкенджцев поехала в Армению в феврале 1989 г. Как говорит один из участников делегации, на переднем стекле машины он поместил надпись «Арцах» - армянское название Нагорного Карабаха на армянском языке («жена писала»), чтобы в Арме-

нии не возникло проблем из-за азербайджанских номеров машин, чтобы поняли, что в машине армяне. Делегация керкенджцев направилась в Варденисский район Армении, где уже жил родственник одного из керкенджцев.

Интересно, что в составе делегации, поехавшей искать соответствующее село для обмена, как передал один из керкенджцев, были «старейшие, молодые, женщины, ... много людей поехало ... приблизительно ... 15 человек. [Интервьюер: - А какие женщины?] В. была, потом М., соседка, жена нашего родственника, но большинство были мужчины. [Интервьюер: - А по какому принципу женщины выбирались?] Ну, например, мужа не имела, сама поехала».

У делегации была предварительная информация о селах и о районе, куда они направились. Там им показали

азербайджанское селение Бахар, которое уже было пустым, его жители сами находились в поисках села для обмена в Ханларском районе Азербайджана. Представители этого села были с керкенджцами. Они должны были показывать село, дома. Но Бахар керкенджцам не понравился. Один из участников этой делегации вспоминал о Бахаре довольно мрачно: «Место было неподходящее, холодно было...» Он даже вспоминает, что «река вышла из русла, и улицы, центр — все было подо льдом». Хозяйственный уклад и климат Бахара керкенджцев не устраивал: «Чем мы там будем заниматься?».

Делегация вернулась в Керкендж. Подъезжая к селу, они узнали от милиционеров, что в Шемахе их ждет азербайджанская делегация из Армении. Это были кызыл-шафагцы.

Фото 15. «Всей деревней принимали решение. Все были согласны на обмен. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.»
Фото С. Румянцева

ГЛАВА 4. ГРАЖДАНСКИЙ ДОГОВОР МЕЖДУ ОБЩИНАМИ

А. Акопян

4. 1. Встречи с кызыл-шафагцами: переговоры, договор

В феврале 1989 г., когда экспедиционная делегация керкенджцев вернулась из Армении, на подступах к селу они узнали от милиционеров, что в Шемахе уже три-четыре дня их ждут несколько азербайджанцев из Армении, которых комендатура не пустила в Керкендж. *«Позвонили, мол, [азербайджанцы] приехали, – вспоминает один из лидеров и старейшин Керкенджа, – я сказал, знаете что, утром приедете в село, тогда и поговорим...».*

На следующий день, как рассказывает информант, он отправляется в Шемаху, встречается с приехавшими азербайджанцами и договаривается с комендатурой, чтобы кызыл-шафагцев пустили в Керкендж. Дает расписку в райисполкоме, что он отвечает за их жизнь, что с ними ничего не случится, берет пропуск в комендатуре и вместе с делегацией Кызыл-Шафага возвращается в село. Азербайджанская делегация, в составе которой было четыре человека, несколько дней оставалась в Керкендже в домах армян. В составе азербайд-

жанской делегации, по сообщению информанта, были директор совхоза, председатель сельсовета, главный инженер и шофер.

Вот как описывает информант [муж. 1955 г.р.] первые контакты населения Керкенджа с азербайджанской делегацией Кызыл-Шафага: *«Народ говорил... Да, собрались у конторы... у нас была контора, перед ней собрались, народ говорил. [Интервьюер: - А что говорили?] Как они не хотели приехать в Азербайджан, так и мы не хотели наши дома оставить. У нас была 400-летняя история нашего села».* Местом обсуждений служили часто посты керкенджцев, где в эти холодные зимние дни было тепло благодаря газовым печкам, и азербайджанская делегация проводила время также и там. Так проходило знакомство керкенджцев с представителями Кызыл-Шафага.

После этого делегация керкенджцев вместе с кызыл-шафагцами отправляется в Армению, чтобы осмотреть Кызыл-Шафаг. В составе делегации было четыре человека. Они были

старейшинами, хотя по статусу были простыми крестьянами. Интересно, что керкенджцы тоже останавливаются в домах азербайджанцев-делегатов, приехавших в Керкендж, кроме одного, который ночевал у будущего хозяина своего дома в Керкендже. Переговоры представителей двух общин состоялись в помещении сельсовета.

Какие вопросы обсуждались на этих переговорах? Например, как говорил наш информант и участник этих переговоров, он им сказал, что «наши», т.е. керкенджские, дома по сравнению с вашими (кызыл-шафагскими) старые, да и по количеству домов ваше село превосходит Керкендж. Однако это обстоятельство не стало препятствием для переговоров.

Обсуждались конкретные механизмы переселения и принятия решений. После встречи лидеров, когда уже была достигнута принципиальная договоренность, надо было получить одобрение «народа». Как подчеркнул наш информант, окончательное решение было за «народом», и поэтому керкенджцы должны были сначала сами осмотреть возможное место переселения: «Когда мы пришли сюда [в Кызыл-Шафаг – А.А.], то поговорили с директором, председателем, мы сказали, что приедем, чтобы поменять, но только сделай так, организуй народ и отправь людей, ... чтобы «на-

род» с «народом» поменял, т.е. чтобы осмотрели дома, договорились...».

По словам одного из участников переговоров, до начала реального процесса обмена состоялось пять-шесть встреч лидеров общин.

После принятия решения об обмене стали обсуждаться его детали,

Фото 16. «Азербайджанское кладбище в селе Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

в первую очередь вопрос о сохранении кладбищ. Стороны договорились сохранить кладбища, т.е. армянское кладбище должно было быть сохранено в Керкендже, а азербайджанское – в Кызыл-Шафаге. «Мы не знали, что будет так [как стало теперь – А.А.], думали, что сможем потом свободно посещать наши кладбища», – говорит наш информант. Он вспоминает, что когда в августе 1989 года покидал Керкендж, он еще раз напомнил аксакалам Кызыл-Шафага о сохранении кладбищ, и тогда один из них поклялся на Коране, что так оно и будет. По словам другого информанта, они об-

Фото 17. «Армянское кладбище, село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Гусейновой

менивались с Кызыл-Шафагом именно потому, что те согласились сохранить наше кладбище. В общие рамки договоренности входило и то, чтобы соответствующее государственное имущество без потерь было передано другой стороне. В конце концов, так это и было сделано, и все было оформлено по закону.

Договоренность об обмене и о других условиях была устная, но присутствовала и ритуальная составляющая, как бы закреплявшая договоренность. Как сообщает информант, уже потом они передали новым владельцам план села: *«Карта нашего села сохранилась, передали этим... В наших границах [Керкенджа] они наши земли взяли»*. Весь переговорный процесс шел за столом, за «хлебом». *«На вершине холма [в Кызыл-Шафаге, где находилось святилище, а сейчас стоит еще и часовня – А.А.] несколько раз сидели. Один парень из нашего*

села грустно пел на их языке. Народ плакал... Да, [азербайджанцы] плакали... Два-три раза на холме сидели, рядовых они [азербайджанцы] туда не пускали. Те были далеко-далеко. Кому следовало, тот и приходил. Директор... шефы приходили...».

Говоря о договоре обмена, надо иметь в виду, что это был не какой-нибудь одноразовый акт, когда люди садятся и все решают зараз, а это был процесс, в ходе которого выкристаллизовывался договор (например, пункт о передаче карты или требования сохранения кладбищ) и были задействованы конкретные механизмы реализации. В общем контексте обмена стороны договаривались также о том, чтобы избежать конфликтных ситуаций в период, когда в селах во время переселения армянам и азербайджанцам пришлось бы жить смешанно. В общении лидеров общин укреплялось взаимное доверие.

Еще одним важным аспектом обмена стало то, что стороны пытались помогать и поддерживать друг друга²⁵. Именно благодаря этому были преодолены многочисленные трудности. Необходимость помогать друг другу в процессе обмена была продиктована не текстом, но логикой договора, осознанием практической полезности сотрудничества и просто человеческим взаимопониманием в контексте общей беды.

25. Об этом см. в следующей главе.

4.2. «Вы там наше [кладбище] сохраняйте, а мы ваше сохраним»

С.Гусейнова,
С.Румянцев

Для тех, кто оставался в Кызыл-Шафаге, ожидание новостей становилось нередко настоящей мукой. «Когда наши ездили по районам Азербайджана в поисках села, мы все, те, кто остались в деревне, с нетерпением ждали результатов, с какими же новостями они вернутся. Лишь бы нам уехать отсюда поскорей, и, клянусь Аллахом, уже так это изводило нас, что мы только и думали о том, чтобы ну хоть какое-то место нашлось для нас, чтобы хотя бы пристроить наших детей» (Гюльшанханум, 52 года). Нужно было принять решение и, к счастью, поиски уже довольно скоро увенчались успехом.

Можно только предположить, что если бы каждая семья предпринимала собственную попытку выйти из ситуации, уезжая в Баку или Шеки, как, впрочем, некоторые и поступили, это значительно бы облегчило общую задачу переселения. Но уже была выработана совместная установка на необходимость коллективного обособления на новом месте, и приходилось искать целую деревню. «Ну, мы искали место... Мы же ведь деревнями обменялись. Из тех, кто из Армении... единственная деревня, которая вот так вот обменялась деревнями, это наша деревня. А остальные все рас-

сеялись, кто по разным районам, кто в город. Наша деревня... это в основном жители той деревни, почти все» (Захид-киши, 58 лет).

Сейчас жители села уже с трудом вспоминают, как собственно была найдена деревня в Шемахинском районе. Да и в целом не просто представить, как это происходило при полном отсутствии информации и нередком противодействии властей. «Наши люди приехали в Шемаху... Наши передовые люди приехали. А здесь... Русские поставили военный пост у подножия к деревне, не позволяли входить в деревню. А потом, когда договорились, мы зашли в деревню и примерялись, какой дом с чьим домом подходит» (Вейсал-киши, 78 лет). Приезд поисковиков в Шемаху не был случайным, поскольку кызыл-шафагцы уже знали, что в этом районе располагается деревня, с которой возможен обмен.

Сами кызыл-шафагцы, нынешние жители Керкенджа, в большинстве довольно смутно представляют себе, каким образом удалось узнать о существовании этой деревни. Для кого-то этот поиск представляется как экспедиционная поездка без определенной цели. Представители кызыл-шафагцев

Фото 18. «Азербайджанское кладбище в селе Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

якобы ездили по Азербайджану, пока не нашли подходящую деревню. «Почему именно в Керкендж? А вот этот наш Байрам-муаллим, <...> а также несколько человек из деревни ездили из деревни в деревню, искали место (землю) в Азербайджане, хорошую, пустую деревню, для того чтобы переселить наших. После Байрам-муаллима, половина деревни переселилась сюда, а уже потом и я переехал, обстроились и живем сейчас» (Алы-киши, 72 года).

Другой вспоминает, что, видимо, все было несколько иначе и «здесь один парень служил с парнем из этой деревни, и так через него нашли. Вместе служили в армии» (Мамед-киши, 68 лет). Еще кто-то задумается: «Узнали как?..» – и вспомнит, что «сын Байрам-муаллима учился в Баку. Его сосед был

из этой деревни. Армянин. Вот почему именно эта деревня» (Захид-киши, 58 лет). Для некоторых история поиска Керкенджа обрастает разными подробностями. Так, мы узнаем, что «Керкендж Байрам-муаллим нашел. Здесь главную роль играл он. Даже в Армении самый последний поселок – это наш поселок вышел. Наша деревня. Байрам-муаллим приехал в Азербайджан, в Ханларский район. <...> Байрам-муаллим приехал к первому секретарю Ханларского района. Он [секретарь райкома – Авт.] сказал, что... Тогда он на стороне армян был, я не знаю, какой-то секретарь. Он сказал: у нас своих армян хватает, вы что приехали. И тогда он обратно приехал. Потом по каким-то каналам он этот поселок нашел. Вот, сколько беженцев есть, только наше

село обменялось! Только наше! Это ради наших кладбищ. Байрам-муаллим с ними договорился, чтобы... Их дома по сравнению с нашими курятник, какие у нас дома были! Он сказал, чтобы ради этих кладбищ, чтобы не трогали, давайте обменяем. Мы обменяли, теперь у нас договор есть. Они наше кладбище не трогают, а мы ихние не трогаем» (Мустафа, 40 лет).

Все эти довольно противоречивые истории объединяет только упоминание о той важной роли, которую сыграл Байрам-муаллим, человек, который уже долгие годы руководит общиной и пользуется непререкаемым авторитетом. Так или иначе, но он, видимо, был единственным, кто обладал достаточно разветвленными связями, чтобы получить необходимую информацию. И эту информацию он получил от своего сына, который к тому времени жил в Баку. В том, что кызыл-шафагцы нашли именно Керкендж, было много случайного. Неслучайным был только сам проект обмена, к которому они целенаправленно шли. «Это село нашел я. Я в те годы учился в нархозе. У меня был один знакомый армянин. А в тот момент наши люди решили найти подходящее село для обмена. Они ездили и по Куткашену, и по Белакану, и по Ханлару. А я знал, что у него родители жили в какой-то армянской деревне. Тогда я спросил у него про их село. Он сказал, приходи на Хутор [район в Баку

– Авт.], там поговорим. В Керкендже, в основном, жили пожилые люди, а их дети жили в Баку. И очень много керкенджцев жило тогда на Хуторе. Ну, в общем, я приезжаю на Хутор, мы договорились встретиться возле <...> станции электрической. Приезжаю туда, а там меня уже ожидает толпа. Человек сто. Ну, я им все рассказал. Что за деревня, в каком районе, каково расстояние от деревни до райцентра, какое у нас там хозяйство, что у нас дома почти у всех новые, в общем, все разъяснил. Объяснил, что наши люди хотят обменяться с каким-нибудь армянским селом. Они остались довольны, но решили сперва посмотреть на Кызыл-Шафаг. И так началось. Они приехали, человек 5, посмотреть на наше село, наши поехали смотреть

Фото 19. «Армянское кладбище в селе Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Гусейновой

Фото 20. «Азербайджанское кладбище в селе Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

Керкендж. Вот так и обменялись» (Мадар, около 40 лет). Таким образом, сын председателя совхоза сыграл заметную роль в свершившемся обмене.

После того, как была найдена деревня в Азербайджане, между представителями двух общин был заключен предварительный договор, который предусматривал определенные правила неприкосновенности значимых для сельчан мест памяти, важнейшими из которых были кладбища. «Они там наши могилы охраняют, а мы здесь ихние охраняем. Да, единственное, что кладбище здесь ихнее сохранилось, там наше сохранилось» (Насиб, 45 лет).

Процесс утверждения договора сопровождался обрядом «ehsan» (дословный перевод с азерб. — «поминки»). Этот традиционный обычай

поминовения памяти усопших может служить и как обряд, подтверждающий нерушимость заключаемого договора. В Кызыл-Шафаге директор совхоза специально с целью проведения обряда «эйсана» «*резал хороший упитанный скот*», и затем уже на самом кладбище была проведена коллективная трапеза. «*Армяне тоже участвовали в этих поминках. Которые отсюда [имеется в виду армяне села Керкендж – Авт.] уехали, они тоже участвовали, наши тоже участвовали. Но мы им обещали, чтобы наше кладбище <...> не трогали, мы тоже будем ваше кладбище сохранять. И они сохраняют, и мы сохраняем. <...> И даже решили, что в год, в какой месяц мы можем приехать к своим [имеется в виду, азербайджанское кладбище в Кызыл-Шафаге – Авт.], покойных проверять, когда они могут приехать сюда [в Керкендж] своих [т. е. проверять сохранность кладбища – Авт.]» (Байрам Аллазов, 72 года).*

Проведение совместной между представителями обеих общин трапезы на территории кладбища, т. е. в непосредственной близости от могил предков, как бы освящает этот договор. Так поступали задолго до «нас» «наши» предки, останки которых лежат в этой земле, и эта традиция, освященная древностью, позволяла надеяться на успешное соблюдение договора на долгие годы. Традиционные ритуалы

сохраняли свое значение в совершенно новых условиях межэтнического конфликта²⁶. «Покушали вместе [имеется в виду с армянами из Керкенджа – Авт.]. Молла там был. И попрощались, и сказали, что вы там наше [кладбище] сохраняйте, а мы ваше сохраним. Пока сохраняют». (Мамед-киши, 68 лет). В той ситуации никто, никакая власть не могла дать этих гарантий сохранения неприкосновенности кладбищ. Это могла быть только добрая воля самих людей. Каждая сторона может надеяться на выполнение договора, только выполняя свою часть соглашения. Наверное, политикам и чиновникам не мешало бы поучиться у этих людей способности договариваться.

Собственно договор также подразумевал и возможность отслеживания его исполнения. Были обозначены даты, когда желающие с обеих сторон могли посещать кладбища в оставленных селениях. Это еще одна чрезвычайно важная составляющая проекта обмена. Никто и не предполагал, что разъединение достигнет таких масштабов, что невозможно будет даже посещать могилы предков, что произойдет распад единого пока еще государства, что через короткий промежуток времени разразится война. Наверное, до конца никто так и не верил в то, что уезжает навсегда. Перед отъездом многие кызыл-шафагцы, успели еще получить определенные

предусматриваемые советскими законами денежные компенсации за свои дома. Эти выплаты были связаны с разрушительным землетрясением в Армянской ССР, случившемся в декабре 1988 года. «Каждый дом имел... цену, знаете какую цену – госстрах. Согласно этой цене... платили. Всем. В общем, в одном нашем селе осталось всего лишь два или три дома, которые не застраховали, их хозяев не было в селе. Остальные все подпадали, все. Люди взяли деньги, подписались. Ну, 10 процентов так оставили» [имеется в виду, что эту часть суммы оставляли чиновнику, который производил выплату страховок за дома – Авт.] (Байрам-муаллим). Теперь предстояло осуществить переезд всей деревней, и на повестке дня стоял вопрос обмена уже конкретными домами.

26. На наш взгляд, приспособление старого обычая к постоянно изменяющимся условиям и ситуациям нужно рассматривать, скорее, как правило, нежели исключение. Здесь можно только согласиться с Джеймсом Скоттом, который указывает на то, что «было бы неправильно представлять обычаи как законы. Обычаи лучше понимать как действующие практические договорные отношения, которые непрерывно приспособляются к новым экологическим и социальным обстоятельствам, включая, конечно, и отношения с властью». Скотт Д. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. С.60.

Фото 21. «Старая часть армянского кладбища на фоне памятника воинам ВОВ, село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Румянцева

ГЛАВА 5. ОБМЕН

А. Акопян

5.1. “Мы обменивались с Кызыл-Шафагом...”

После встреч лидеров общин и переговоров в Кызыл–Шафаге в феврале 1989 года были сделаны шаги, чтобы «народ» с «народом» договорился, поскольку «глобальные» вопросы решали лидеры, а конкретные проблемы, связанные с обменом домов, решались уже на индивидуальном уровне.

После встреч старейшин керкенджцы поехали в Кызыл-Шафаг. Аналогично поступили и кызыл-шафагцы. Но до этого следовало проделать определенную работу, чтобы как-то ориентировать жителей. И тут в Керкендже появляется «комиссия» из Кызыл-Шафага, которая стала предварительно записывать соответствующие дома для обмена. Так же был организован просмотр Керкенджа. Вот как описывает этот процесс информант [м. 1951 г. р.] из Керкенджа: *«[Азербайджанцы] приехали в наше село на машинах, в двух автобусах. 60 домов, из каждого дома по одному человеку, приехали из этого села, смотрели дома, записывали, кто на чей дом может поменять... Это было в марте [1989 г.]»*.

Здесь пересекаются коллективный и индивидуальные подходы, но все-таки, как показывают материалы, индивидуальный подход доминировал. Решение принимали конкретные семьи по договоренности между собой, а решения «комиссии» были рекомендательными. Было много случаев, когда, видя соответствующие дома, стороны не соглашались на обмен, сами выбирали другие варианты и договаривались. Обсуждали также денежные компенсации и т.п., если дома не соответствовали каким-либо критериям.

Рассказывает наш собеседник [м. 1951 г. р.], который, увидев предлагаемый «комиссией» дом в Кызыл-Шафаге, не согласился на обмен, поскольку этот дом находился в центре села, а он хотел, чтобы дом был на окраине, потому что, по словам информанта, так легче заниматься сельским хозяйством и скотоводством. Для выбора подходящего дома он два дня пробыл в Кызыл-Шафаге у уже переселившихся сюда родственников (в это время в селе

еще оставались азербайджанцы). Ему удается выбрать подходящий дом и договориться с его хозяином об обмене и предстоящей встрече в Керкендже, чтобы тот тоже посмотрел его дом. Как говорил информант, этот хозяин хотел отдать дом в Госстрах, но директор совхоза не позволил. Через 10 дней партнер по переговорам приехал в Керкендж, чтобы посмотреть дом нашего информанта. Когда в Керкендже он увидел дом нашего собеседника, то с трудом, но все же согласился, а также хотел взять денежную компенсацию, поскольку его дом был новым, а этот старым. Но И. сказал, что *«денег-менег у него нет... Обмениваем, как есть, пятеро детей у тебя, пятеро у меня. У него было четыре сына и одна дочь, а у меня – один сын и четыре дочки, – рассказывает наш собеседник. – Потом он согласился, мы пили, да, стол накрыли... Еще два [азербайджанца] были с нами»*. Как наш собеседник в Кызыл-Шафаге, так и этот человек в Керкендже на ночь остается у своих односельчан, которые уже переселились. На этой встрече стороны договорились также о сроках переезда: 14 июня азербайджанец должен был переселиться в Керкендж, а наш информант на той же машине 15-го июня должен был уехать в Кызыл-Шафаг. Позже наш информант передумал и уехал днем раньше.

При выборе места нового дома другой информант рассказал, что для него критерием служило то, чтобы *«школа была близко, имелась вода, а также чтобы двор не был виден со стороны улицы»*. Поэтому на дом, включенный «комиссией» в список, наш собеседник не согласился, несмо-

тря на то, что предлагаемый дом, по его словам, был хорошим, хотя воды во дворе не было, и за ней надо было ходить на другой конец улицы.

По словам одного из информантов, если сопоставить эти два поселения – Керкендж и Кызыл-Шафаг, то в последнем около 60 домов остались бы свободными, даже если весь Керкендж переселился бы сюда. В этих домах поселились армянские беженцы из Баку, так что на селе свободных домов не осталось. Надо также отметить, что имелись дома, которые

Фото 22. «Дом в селе Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

местные азербайджанцы передали государству, получив компенсацию, или, как говорили информанты, передали в Госстрах.

Как рассказывает информант [муж. 1926 г.р.], во время переговоров, осмотрев Кызыл-Шафаг, один чиновник, «управляющий совхозами»,

был единственный случай, когда в Армении районные власти вмешивались (в негативном смысле) в действия переселенцев или становились причиной недоразумений. Очевидно, что препятствия (если они и были) чинились низшими или средними чинами, на более высоком уровне аргументы керкеджцев признавались убедительными. На этом активная роль властей заканчивается, во время процесса обмена не было никаких преград, связанных с оформлением документов, пропиской и т.п.

В Азербайджане было намного сложнее. Преграды здесь возникли именно тогда, когда уже все было договорено между общинами и процесс начал переходить в реальную фазу. Эти преграды чинили именно власти. Вот как это происходило, согласно рассказу информанта: *«В конце было так: их [азербайджанцев Кызыл-Шафага – А.А.] директор и еще три-четыре человека, директор совхоза, председатель сельсовета, их инженер, их аксакалы пришли... Нам сказали, что им не позволяют [в Шамахе], чтобы дома, село обменивали со здешними... Хотели, чтобы наши дома были проданы. Наше место хорошее, земли много. Райком не позволял, Шамахинский райисполком...»*. Потом обе стороны проводили «работу», чтобы обмен осуществился. Азербайджанцы Кызыл-Шафага обратились к

Фото 23. «Дом с надписью 1972, село Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.»
Фото А. Акопяна

спросил их: *«Что вы здесь делаете? Мы дома будем забирать для государства, для армянских беженцев из Карабаха»*. *«Но наши дома там остаются, – сказал наш информант, затем добавил как веский аргумент, – Это ложь. Если народ Карабаха идет сюда, то почему ребята воюют, гибнут. Если Карабах будет опустошаться, для кого они умирают. Не правда ли?»*. Наши материалы показывают, что это

ректору Азербайджанского педагогического института академику Асаду Курбанову. *«Асад Курбанов позвонил им [шамахинским районным руководителям – А.А.], сказал: люди общий язык нашли, между двумя республиками, два села обмениваются. Почему не позволяешь? [обращение к первому секретарю райкома – А.А.]».*

Немало усилий потребовалось и для Шемахинского райкома. *«Потом я пошел к первому секретарю, – продолжает информант, – поднимаюсь... второй секретарь была русская женщина, знала меня долгие годы по работе, я бригадиром работал. Она сказала мне: иди, за горло возьми [первого секретаря], требуй, чтобы позволил... Там были знакомые мне [азербайджанцы], они отводили меня в сторону и говорили: «Готовятся... торопитесь, скорее уезжайте, быстро уходите». Эта женщина мне сказала: «Торопитесь, я тоже... [собираюсь уезжать – А.А.]. Сейчас, по-моему, она глава общины молокан в Баку...».*

В конце концов, усилия все-таки дают результат, но азербайджанцы Кызыл-Шафага пока еще должны были решить какие-то связанные с обменом вопросы в Баку: *«Они поехали в Баку... Сказали [керкенджцам], готовьтесь, чтобы при возвращении сели бы за стол». Застолье состоялось в доме нашего информанта, по рассказу которого все было отлично,*

шашлык, вино, водка, хотя один из азербайджанцев, самый старший, не пил, мотивируя свой отказ тем, что стар.

После этого начался реальный обмен. Но преграды еще были. Вначале три-четыре семьи приехали из Кызыл-Шафага в Керкендж, но вла-

сти [комендатура, райисполком] не позволили им войти в село. И опять *«пошли в райисполком!»,* вспоминает информант, добавив, что там состоялся горячий разговор с представителями власти. Этот разговор дал результат. *«С мая началось [переселение]. 9-го мая, там у нас так было принято... Мы всегда в День Победы ходили на кладбище. Народ ходил на кладбище... Трудное дело, очень трудное...*

Фото 24. «Дом с надписью 1959, село Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

Потом началось переселение. Вначале они приехали, но их не пустили, я пошел в райком. . .».

В последний момент, когда все уже было готово, вдруг снова возникли какие-то преграды. *«Я выехал 17-го мая. Был у нас один человек, парткомом был, потом председателем. Пришел в наше село: «Слышал, что завтра уезжаете». Призвал: «Не продавайте, не обменивайте». Я сказал, что завтра уезжаю. «Ни в коем случае не уедешь». Я сказал: «Уеду»»* Позиция административного представителя могла быть обусловлена указанием сверху, поскольку шел 1989 год. Союзными органами было принято решение запретить переселение и вернуть беженцев обратно.²⁷ Но все-таки получилось. Как говорит информант, тогда уже все было готово для обмена – дома, договоренности, машины. . .

В Керкендже, по словам информантов, оставались до последнего момента несколько семей, которые хотели продать свои дома и поэтому не участвовали в обмене. *«. . . Они хотели свои дома в Госстрах отдать, как это сделали здесь [азербайджанцы]. После нашего отъезда они остались и не поехали в село [Кызыл-Шафаг]. . . Вначале мы говорили: до нашего отъезда из села не продавайте свои дома. . . Такова была правда, таков был закон. . . в нашем народе».* Но когда оставшиеся, по словам информанта,

попытались оформить передачу домов Госстраху, то там стали затягивать с документами, поэтому они своего не добились. В это время в райкоме им говорили, что уже не состоянии их защитить. Во всем Шемахинском районе армян больше не осталось. . .

Информант рассказывает о судьбе оставшихся, которые не прислушались к словам остальных, когда уже очевидно было, что надо уезжать. Об этом неоднократно предупреждали его друзья-азербайджанцы, жившие в Шемахи – врач, владелец ресторана и другие. *«В сентябре [1989 г.] из нашего народа около двадцати человек остались там. Хотели дома продать. [Азербайджанцам] дома продать. В этот момент ситуация ухудшилась. Они бежали через Дербент. Они говорили: подождем, виноград собираем. . . У нас собственные сады были. Я сказал: вы оставайтесь собирайте, я не буду ждать, я уйду. Их дома остались. Они деньги собрали, дали участковому, тот приехал на машине. . . отвез их в Дербент и высадил. . .».*

В мае 1989 года первые керкенджские семьи появляются в Кызыл-Шафаге. В это время азербайджанцы уже собрали свои вещи и ушли в соседнее селение Ирганчай, в селе оставалось около 50 человек. Однако вся администрация осталась: *«директор, инженер, техник, зоотехник, бухгалтер».* Процесс обмена пошел интенсивно. *«Мы не сразу выез-*

27. О решении Совета министров СССР см. газ. "Хорурдаин Айастан" - орган ЦК КП Армении, ВС и Совета министров Армянской ССР, 1989, N 96.

жали, не сразу», – говорит информант, добавляя, что этот процесс тоже регулировался, но как показывают материалы, уже на индивидуальном уровне, люди сами договаривались между собой о сроках и т.д.

Интересно, как решались транспортные проблемы и транспортировка вещей. Как говорили информанты, одна и та же машина привозила армянскую семью и увозила азербайджанскую. В основном были задействованы машины одного государственного предприятия (информант называл это предприятие «ПМК»), которое находилось в Шамахе и в советское время занималось грузоперевозками. Все документально оформляли (путевка и т.п.), чтобы на дорогах «не мучили», потому что было трудное время – «я говорю об апреле, мае и июне месяцах», – сообщает информант.

По словам этого же информанта, он нанял в Шамахе КамАЗ, который уже бывал в Кызыл-Шафаге. По его словам, он пошел туда, зашел в бухгалтерию, сказал: «Эта машина мне на одни сутки нужна, в Армению вещи должен увезти...». Оформили документы, вызвали шофера и сказали: «Поедешь в Армению». За это тоже надо было платить – формально (конторе) и неформально (шоферу). Но наш информант все деньги отдал шоферу, чтобы он заплатил. Цены за перевозку резко повысились соответ-

ственно рыночной логике. «Раньше везли за 350 рублей, потом подняли до 450, а потом до 600. Деньги для конторы и шофера – все вместе», – говорит наш информант, который нанял машину для перевозки вещей, а с семьей они сели в «Волгу» соседармянина и поехали в Кызыл-Шафаг. Вообще-то день приезда тоже был обговорен. Но по разным причинам эти сроки не всегда соблюдались. Один из наших информантов приехал на один день раньше, и это имело для него определенный смысл: «Мы договорились на 15 июня, чтобы он на машине приехал [в Керкендж], а я поехал на его машине...» Но потом он подумал, что так плохо получается: «Чтобы турок пришел и меня из дома выгнал?! Я сказал: - Я первым уеду. Отсюда машину возьму и поеду».

Тяжело было покидать родной дом. В последний момент возникает потребность сохранения символических предметов памяти о доме. Для нашего информанта это была старая надпись с крестом на фасаде дома. Надпись сделал его дед еще в XIX веке, на ней был год постройки дома. Наш информант попросил нового хозяина своего дома, чтобы тот, если не сможет сохранить надпись или если будет перестраивать дом, не уничтожал бы надпись, потому что грех разбивать камень с крестом, он попросил его просто «спрятать» камень под землей.

Интересен рассказ об обмене В. [жен. 1950 г.р.], одинокой женщины, матери пяти детей, муж которой умер за год до того. По ее словам, изначально ее дом предлагали обменять с тем, который был на окраине, но ей этого не хотелось, поскольку у нее были маленькие дети. *«Приехали в центр села... этот человек сказал: - Пойдем, посмотри мой дом».* Дом ей подошел, и впоследствии она обменяла свой дом именно на этот. По словам информанта, хозяин этого дома держал скот, звали его Махмуд Алиев. По

отметить годовщину смерти мужа, приехал [азербайджанец] с вещами...», – рассказывает информантка, вспоминая, что она приняла его с семьей хорошо, накрыла стол. В этот же день она с детьми уже покинула дом, переночевав у соседа [армянина], а на следующий день покинули Керкендж. *«Мы уже покинули [родной] дом, плача посетили могилу мужа, вместе с пятью детьми, потом приехали сюда»,* – так описывает информантка свой переезд в Кызыл-Шафаг, добавив, что *«нет ничего хуже выселения».*

Фото 25. «Дом в селе Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

воспоминаниям информантки, позже азербайджанец с семьей и вещами приехал в Керкендж, не предупредив ее заранее. Поэтому она некоторые свои вещи оставила там, потому что в тот момент не была готова к переезду, несмотря на то, что уже шесть месяцев назад она отправила большую часть вещей в Армению к родственникам. *«В день, когда я собиралась*

По рассказу другого информанта [муж. 1935 г.р.], выбирать дом в Кызыл-Шафаге поехали младший сын и жена, а до этого домовладелец еще в Керкендже показал ему фотографии дома. Дом был подходящий, и они согласились на этот вариант. Эта семья была среди тех, кто покинул Керкендж позже остальных, потому что оставались нерешенные вопросы с работой, документами, в том числе с передачей сельского клуба новым владельцам. Ситуация стала совсем тяжелой. Например, чтобы поехать в Шемахи, необходимо было сопровождение солдата. По словам информанта, они около 20 дней жили вместе с азербайджанской семьей, с которой обменялись домами. Правда, азербайджанская семья уже жила в доме, а они – в гараже. Однажды ночью, чтобы избежать возможных опасностей, они

с женой на собственной машине покинули дом, оставив вещи в надежде, что потом вернуться и заберут. Но этого уже не случилось. Наш информант вспоминает просьбу бывшего хозяина дома в Кызыл-Шафаге, чтобы они не стерли надпись “1959” на наружной стороне стены дома, потому что дату постройки дома сделал его старший сын. Надпись до сих пор сохранилась.

Как показывают материалы, уже в мае 1989 года в селе Кызыл-Шафаг появляются первые армянские семьи из Керкенджа, а к июлю уже все участвовавшие в обменном процессе керкенджцы переселяются в Кызыл-Шафаг. Кроме керкенджцев, здесь обосновались также армяне-беженцы из других мест Азербайджана, в основном из Баку.

5.2. «Каждый по своему вкусу, пускай едут, посмотрят и свой дом меняют!»

После того, как был заключен предварительный договор с жителями Керкенджа, пришло время организовать собственно обмен домами. Уже после того, как кызыл-шафагцы съездили в Керкендж, Байрам Аллазов вновь «проводил собрание. Я говорю опять, не вмешивайтесь, не говорите, что вот вы идите, в этом доме сидите, вы идите с кем-то меняйте дом. Проводили собрание... Создали комиссию... Комиссию... 7 человек. Прислали сюда (в Керкендж). Идите, посмотрите, какие в этом селе дома».

Практически все хранят память о том, что отправка комиссии в Керкендж была важным этапом в реали-

зации проекта обмена. *«Потом как бы комиссия от нас приехала сюда. Эта комиссия начала ходить по деревне, смотреть, какой дом с кем поменять. Скажем, там в деревне у меня дом маленький, да! Я же здесь не могу претендовать на двухэтажный дом. Маленький как бы на маленький, большой на такой же... Ну, конечно, здесь самый лучший дом – это у нас самый плохой дом. Как можно сверить! А так все равно же... Немножко по началу это все организовали, а потом уже жители как-то сами начали приезжать, эти сюда, эти туда, но все равно поэтому мало пошло. <...> Ну, так все равно поменялись. <...> Комиссия была большая, наверное,*

*С. Гусейнова,
С. Румянцев*

Фото 26. «Фотография бывшего дома Алы-киши в селе Кызыл-Шафаг (Армянская ССР)»

машин 15 приезжало сюда. В комиссию входили, как бы, со всех фамилий были люди там. Не так чтобы, скажем, 3-4 человека каких-то приехали... Там они могли бы приехать, себе хорошие дома написать, а кому-то плохие. А так со всех фамилий как бы было, даже два человека с каждого рода. Мне кажется, с каждого рода своя машина приезжала и свои люди там в этой машине» (Насиб, 45 лет).

Эти умные люди, которым доверяли все сельчане, были избраны на общем собрании. «Открытым голосованием. Предлагали. Люди сами голосовали. Я **волей народа** все вопросы решил. Да, волей народа. <...> Значит, предлагали и отца, и сына... в составе этой комиссии. Я был против. Я говорю, слушайте, отец и сын, обоим нельзя. Но все равно народ голосовал. Нет, оба будут. Ну, будут, будут... Я против был! Зачем и сыну,

и отцу быть членом этой комиссии? Но народ говорит – нет, оба должны быть. Вот так все демократическим... видом» (Байрам Аллазов).

Конкретный обмен домами был оставлен на усмотрение самих жителей деревни. «Комиссия» после возвращения объявила о том, что она предварительно определила, кто из жителей с кем из керкенджцев может обменять свой дом. «Ну, приехали, сказали, комиссия посмотрела. Даже они отметили, что этот человек с этим армянином может обменять, этот человек с другим. На это я тоже тогда был против. Я говорю членам комиссии, нельзя говорить, никого мы не будем заставлять. Каждый по своему вкусу, пускай едут, посмотрят и... свой дом меняют» (Байрам Аллазов).

Выбор был совсем нелегким. Собственные дома казались кызыл-

шафагцам гораздо лучшими, чем те, на которые им приходилось обмениваться. «А у нас такие дома были! Большинство двухэтажные, туф, камень! Канализация... В каждом доме! Паровое отопление! <...> Несмотря на то, что в нашем селе была вода, 19 км проводил водопроводные линии... Питевую водопроводную линию!» (Байрам Аллазов). Весь этот привычный и долго благоустраиваемый мир было необходимо оставить. «Потом наши поехали, договорились с этим домом [с хозяевами дома в Керкендже – Авт.]. Обстроились. Я приезжаю, смотрю – что это такое?! Вот эту и эту стену мои сыновья построили и еще сади, здесь только вот это было [одноэтажный дом, довольно старый – Авт.]. Вы что, с ума сошли, как можно было такой прекрасный дом обменять на такое! А что уж поделаешь» (Майга-ханум, 75 лет).

Главной проблемой, с которой сразу столкнулись кызыл-шафагцы, была элементарная нехватка домов. «Та наша деревня была большая, 300 с чем-то семей. А здесь около 120 семей, домов было. Многие переехали сразу в Баку, все переехали. Знаете, некоторые приезжали сюда, смотрели дома, сравнивали, а потом обменивались домами. А у них дома не совпадали. И потом, наших людей больше было, поэтому они сразу в Баку и переехали, а мы здесь остались» (Захид-киши, 58

лет). Неравенство деревень подтолкнуло кызыл-шафагцев к тому, чтобы обменяться с соседней с Керкенджем деревней Мадраса, но в момент реализации проекта это оказалось невозможным. «Вот здесь предложили так, чтобы они искали дома, и мы тоже искали. Мы сюда приехали, что вот эта деревня [готова к обмену – Авт.]. Нас в Мадрасу не впустили. <...> Потом месхетинским туркам давали Мадрасу. Ну, мы вынуждены были с этой деревней обменяться. У нас было 326 домов, а здесь... 160 или сколько» (Вейсал-киши, 78 лет).

В целом, видимо, и армяне, и азербайджанцы приезжали в места будущего расселения с тем, чтобы установить личный контакт с хозяевами подходящего дома и договориться об обмене. Уже становилось затруднительным ездить друг к другу. «Нет, первыми мы приехали. Они не могли ездить туда. Надо было ездить через Грузию, а они боялись. В Грузии же азербайджанцы жили, по той дороге, которую им надо было проходить. Борчалы называется. Им надо было проходить через Борчалы, населенный азербайджанцами. Мы приехали сюда... поговорили с ними... Но они сами в одиночку не ездили, мы должны были их сопровождать. Ну, привезли их, они посмотрели на дома, кому какой дом понравился, то и выбрали» (Захид-киши, 58 лет).

Для многих сельчан воспоминания о том времени носят очень эмоциональный характер. «А-а как выбрали (!). Уже такой дом не был (!) [имеет в виду, таких хороших домов, как в Кызыл-Шафаге – Авт.]. Здесь всего два или три дома было хороших, остальные вот гниль строящая. Вот, например, у меня дом двухэтажный был. Тот [в Кызыл-Шафаге], построил, дворец был, обменял я на конюшню вот эту. В вынужденном порядке... А то они дом строили что ли здесь? Нет, не строили. Это тоже мы сами строили, это думаешь армяне сделали!» (Мамед-киши, 68 лет).

Часто можно было услышать, что «честно сказать, у меня там был новый дом. Э-э, только построил. А здесь какого года дом и не известно, и рушится он. Передняя часть более-менее нормальная, а задняя часть вообще рушится». Сожалели о только построенных или заметно обновленных домах: «Построил новый дом, обстановка, ванная, кухня, летняя кухня, зимняя кухня... А армянин же хитрый. Понравилось, вот и обменялся» (Захид-киши, 58 лет). Стереотип хитрого армянина дополняет ощущение безысходности²⁸.

В рассказах об обмене высокое качество оставленного дома демонстрируется и описанием впечатления от него, произведенного на приехавших для обмена армян. «Армянин приезжал ко мне туда. <...> Да, приехал туда ар-

мянин, вот хозяин этого дома приехал туда, значит. Хозяин дома посмотрел на мой дом... Посмотрел на мой дом... Обомлел. Двухэтажный дом, потом, железный гараж <...>, во дворе деревья, а урожай такой в том году был! Невиданный! Говорит, я в этом доме буду жить. А я спросил, а у тебя какой дом? Он сказал, вот такой-то дом, виноград во дворе. Уехал я оттуда... И армянин тоже приехал сюда, посмотрел на этот дом, в общем договорились. <...> Так и обменялись. <...> Вначале армянин приехал к нам. Мы с ним поговорили, он говорит у меня одноэтажный дом, а у тебя двухэтажный. Потом мы обменялись, без денег, без ничего» (Алы-киши, 72 года).

Были и те, кто предпринимал не одну поездку с целью найти подходящий дом, а приезжал «два раза. Первый раз после Ханлара поехал, а второй раз уже после того, как разрешение получили (заехать в Керкендж), я приехал посмотреть на дом. Вначале послали сюда несколько человек, чтобы они определили, кому какой дом достанется. Но у нас было 350 домов, а здесь 130, как разместить? Тогда я сюда не приезжал, для меня определили один дом. А когда я уже сам приехал и увидел этот дом, я сказал, нет, меня не устраивает такой дом. У меня дом двухэтажный, новый, современный. Я не меняюсь. Я хозяин своего дома, я не меняюсь. <...> Этот армянин [с кото-

28. Здесь следует отметить, что по нашим наблюдениям, стереотип «о хитром армяине» в большинстве случаев не несет в себе пейоративной коннотации. Это положительный стереотип, чаще всего выполняющий сравнительную функцию, через которую понижается самооценка самих азербайджанцев. «Нам» бы столько же хитрости, и «мы» бы жили тогда не хуже армян, но увы...

рым ему «назначили» меняться – Авт.] *приехал ко мне в деревню, посмотреть на мой дом. Я говорю, дом мой, я не меняюсь. Ну, у него дом меньше моего, а у меня современный, двухэтажный. Потом приехал этот армянин [другой, с которым он уже готов был обменяться – Авт.] и сказал: теперь ты приезжай ко мне и на мой дом посмотри. Ну, я приехал, посмотрел на дом. Хороший дом, ничего, можно жить. Я дал свое согласие, и уехал обратно. После этого к нему много желающих приезжало, обменяться или купить, он говорил – нет, я дал слово, если тот придет и скажет, что не хочу, тогда да, а так нет» (Сулейман-муаллим, 75 лет).*

Для некоторых обмен был, таким образом, более, для других менее удачливым предприятием. Безвыходность ситуации заставляла идти на неравный обмен. Но в проникнутых горечью воспоминаниях, можно было прочесть и другое: очень трудно прижиться на новом месте деревенскому жителю. Это стало особенно трудным, когда пришло понимание того, что возвращение будет невозможным. Дом – это первое и очень важное место памяти, но только не для них. Это не их память. Стены домов так во многом и остались для них чужими.

Договор перестал носить коллективный характер и рассыпался на множество индивидуальных контактов и решений. Эти контакты не на

уровне политиков или чиновников, а между простыми гражданами, попавшими, по сути, в одну и ту же беду, были куда более действенными, чем попытки властей развести враждующие стороны. Граждане были способны договориться, политики – нет.

Основная часть кызыл-шафагцев переселилась в Керкендж в течение двух месяцев в мае и июне 1989 года.

Для многих воспоминания о датах переезда связаны с определенными циклами жизни. «Когда виноград был зеленым» (Шура-ханум, 71 год). «Мы переехали в июне 29-го. Когда я приехала, школа была закрыта из-за каникул. Потом из Шемахи приехал директор Асаф, собрали учителей, и школа открылась 1 сентября. Дети пошли в школу. И все наши учителя, деревенские» (Эльмира, 37 лет). По воспоминаниям председателя совхоза, именно он стал тем последним азербайджанцем, который покинул

Фото 27. «[Алы-киши] во дворе своего нового дома. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Гусейновой

Фото 28. «Сельская школа приняла новых учеников и учителей уже в сентябре 1989 года. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Гусейновой

Кызыл-Шафаг и приехал в Керкендж: *«Самым последним. В 1989 году 15 августа я взял приказ о снятии с работы председателя колхоза. <...> В связи с переходом на другое место жительства»* (Байрам Аллазов). Для коллективной памяти кызыл-шафагцев до сих пор огромную роль играет тот факт, что *«самое, самое... позднее в республике (Армянская ССР) мы освободили [оставили село – Авт.]. Так говорится, не освободили, самими последними мы ушли оттуда»*. В памяти кызыл-шафагцев сохранилась гордость за то, что *«все же самым последним из Армении ушло наше село, самым последним»* (Захид-киши, 58 лет).

Здесь нужно помнить специфику той ситуации и особый характер обмена. Все эти события происходили еще в те годы, когда устойчивость советской власти практически не подвергалась сомнению. В общем пространстве Советского Союза коллективный

переход на новое место жительства целой сельской общины требовал соблюдения необходимых формальностей. Весь обмен документально был оформлен так, что одна сторона как бы сдала все дела и хозяйство другой стороне. Должности на новом месте чаще всего соответствовали тем, которые сельчане занимали в своей родной деревне. По сути, вся эта ротация была оформлена в духе ставшего идиоматическим в советские годы выражения – «пост сдал, пост принял». Сама документация, естественно, не отражала деталей и характера коллективного обмена. И только память людей о событиях тех дней позволяет нам понять подоплеку тех событий.

Итак, Байрам Аллазов, до последнего оставаясь в родной деревне, занимался не только оформлением оставляемого сельчанами хозяйства, но и снятием и утверждением в должностях вновь прибывающих. *«Который приехал отсюда туда армянин [т. е. армянину из Керкенджа – Авт.]. <...> Сперва хотели местному армянину дать [должность председателя совхоза – Авт.]». Речь здесь идет о неприятной истории со старой машиной-водовозом, которую директор совхоза Байрам Аллазов пытался оставить за хозяйством кызыл-шафагцев. *«Я водовоз хотел привезти сюда. Списали все законно. Хотели этот водовоз привезти сюда.**

Эти местные армяне почти (на) год дали мне помощника [принимал постепенно хозяйство в Кызыл-Шафаге – Авт.]. Я не мог ездить по другим местам, чтобы дела делать для хозяйства. Хотели после меня его назначить. Этот водовоз ... Он узнал, где я спрятал. Он притащил в гараж. И из-за этого, (из) принципа я не допустил, чтобы его назначили. Первый секретарь райкома партии, мой друг был... Он был директором совхоза соседнего села. <...> Я ему сказал, что ему не надо давать, этому приезжему армянину (из Керкенджа) дайте. И дал он ему (должность)» (Байрам Аллазов). Эта история с водовозом демонстрирует нам, как продолжали работать личные связи несмотря на набиравший обороты межэтнический конфликт. Очень многие продолжали видеть друг в друге друзей, соседей, а не врагов, и отношения взаимопомощи были вполне естественными.

Собственно в Керкендже остался всё же один житель, который прожил здесь уже 40 лет. Это был Рамазан-киши, ему сейчас 79 лет, и его привычно называют лезгином. Сам же он уточняет, что «нет, не лезгин, я лакец». Ему предлагали уехать вместе со всеми, но он остался. «Армянские ребята мне сказали, давай поезжай с нами. Я им ответил, куда я поеду, я же не армянин. Я – Таджигутаев Рамазан Джакаевич, а ваши – Петросян, Аване-

сян, Вартамян, а меня там потом не убьют, увидев мою фамилию? (рассмеялся) Я не поеду».

Из рассказов Рамазан-киши мы узнаем, что для многих армян и после переезда в Кызыл-Шафаг скитания не закончились. «Им там, армянам, не понравилось. Местные армяне не давали им житья. Поэтому они даже и не стали там жить. Уехали все в Россию, в основном в Георгиевск, Прохладный, Нальчик. Их там всего пять или шесть домов осталось, остальные все разъехались, но большинство их живет в Георгиевске, в Прохладном, Пятигорске. <...> Не смогли они там житья. Те местные армяне им говорили, что вы не армяне, вы азербайджанские армяне, вы мусульмане, вы не армяне». Нужно сказать, что не закончилась в тот момент и история переселения для многих азербайджанцев, которые потом перебрались в Баку, Гянджу или даже в Россию.

Фото 29. «Бывшее здание магазина, работающего в период обмена селами. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Гусейновой

ГЛАВА 6. ЛИДЕРЫ И ОРГАНИЗАТОРЫ ОБМЕНА

**С. Гусейнова,
С. Румянцев**

6.1. «Если на небесах Бог, то на земле без человека, который руководит, жить невозможно»

Сам факт происшедшего обмена в момент наивысшей для существования общины опасности позволил выявить единого лидера, с деятельностью которого в значительной степени и связывают сам успех предприятия. Речь идет о тогдашнем директоре совхоза Кызыл-Шафаг, а ныне председателе муниципалитета села Керкендж – Байраме Аллазове. Практически во всех интервью сельчане всегда упоминали именно его, как человека, без которого было бы невозможно сохранить общину. Таким образом, для того, чтобы глубже понять происшедшие события, необходимо обратиться к воспоминаниям признанного лидера общины. Но прежде необходимо сказать несколько слов о специфике структуры лидерства в сообществе кызыл-шафагцев.

Несмотря на то, что данное сообщество может характеризоваться прочной структурой привычных статусов и взаимоотношений, которые черпают свою силу в памяти о настолько давнем совместном бытовании, что

истоки ее уже никому и не вспомнить, назвать его традиционным было бы ошибкой. Безусловно, это привычное совместное бытование покоится в том числе на довольно жестком закреплении гендерных и возрастных ролей. Все важные решения (особенно в публичной сфере) принимаются и, что важно, реализуются мужчинами, которые одновременно являются и основными кормильцами своих семей. Возраст и вместе с тем личный авторитет в общине (аксакал) становится значимым критерием приобретения права на участие в принятии коллективных решений. *«Там у нас было много мудрых стариков, аксакалов, мулл. К моему свекру приходило много людей. Он был ну как мулла, молились у нас дома»* (Лейла-ханум, 67 лет)²⁹. Однако, эта власть института аксакалов мирно и привычно сосуществует и взаимодействует с формальной структурой власти (т. е. в советские времена с директором совхоза, председателем сельсовета и т.д., а ныне с руководителями муниципали-

29. Несмотря на то, что сообщество кызыл-шафагцев в значительной степени эндогамно, оно все же достаточно открыто. В частности, мужчины нередко заключали браки с женщинами из других местностей. В данном случае, фраза приводится из интервью с Лейлой-ханум, аджаркой-христианкой, родившейся в Батуми в 1939 году. С будущим мужем, азербайджанцем из Кызыл-Шафага, она познакомилась в Тбилиси.

тета), которую, по обыкновению, контролировали представители той же общины. Долгосрочных назначений на какую-либо должность чиновника, не имеющего к общине отношения, в селе, как правило, не происходило³⁰. В этой ситуации формальный руководитель общины, неизменный с 1968 года, совмещает с занимаемой позицией еще и статус харизматического лидера – уважаемого аксакала. Кроме того, сохраняется довольно жесткое разделение на роды (тайфа), родственно-эмоциональные отношения внутри которых поддерживаются на высоком уровне. «Да, действительно. Особенно если из одного тайфа. Все друг друга очень любят. Ходят друг к другу. Если кто заболит. А когда свадьба, то всю ночь родственники собираются и готовят еду. Если свадьба в деревне, то все приезжают из Баку и наоборот» (Ирина-ханум, 41 год). Наиболее видные и яркие представители каждого «тайфа» могут на коллективных обсуждениях репрезентировать весь свой род, даже не будучи аксакалами.

Описанные черты сообщества кызыл-шафагцев, некоторые из которых легко можно было бы обозначить как традиционные, не должны вводить нас в заблуждение. Советская модернизация наложила свой неизгладимый отпечаток на повседневные практики жителей села. Быстрая индустриализация и сопряженная с ней урбанизация приводила к оттоку многих жителей общины в города (прежде всего в Баку). Кроме того, в советское время в связи с переизбытком рабочих рук в деревне и относительно низкими заработками значительная часть мужского населения включилась в практики шабашничества и уезжала на заработки, в основном в Россию. В период расцвета этого вида деятельности из жителей села было организовано несколько десятков вполне автономных строительных бригад. Заметная часть трудоспособного мужского населения постоянно выезжала на заработки. «Не то чтобы молодняк, лет до 50-60 почти вот так. Это можно сказать с 18 до 60 все уезжали на заработки» (Насиб, 45 лет). Таким образом, значительная часть мужского населения общины имела длительный опыт проживания за пределами села и республики. Кроме того, каждый успешный бригадир, большинство из которых не имело статуса аксакалов, являлся, тем не менее, признанным лидером не только в бригаде, но и в общине. «Слушались бригадира, хотя он свой был. Захид, это мой двоюродный брат, он у нас был бригадиром. Когда я в Оренбурге работал, с ним я работал. <...> Бригадир зимой ездит, скажем, догваривается насчет работы. <...> За сезон. Он уже знает, какую работу

стриализация и сопряженная с ней урбанизация приводила к оттоку многих жителей общины в города (прежде всего в Баку). Кроме того, в советское время в связи с переизбытком рабочих рук в деревне и относительно низкими заработками значительная часть мужского населения включилась в практики шабашничества и уезжала на заработки, в основном в Россию. В период расцвета этого вида деятельности из жителей села было организовано несколько десятков вполне автономных строительных бригад. Заметная часть трудоспособного мужского населения постоянно выезжала на заработки. «Не то чтобы молодняк, лет до 50-60 почти вот так. Это можно сказать с 18 до 60 все уезжали на заработки» (Насиб, 45 лет). Таким образом, значительная часть мужского населения общины имела длительный опыт проживания за пределами села и республики. Кроме того, каждый успешный бригадир, большинство из которых не имело статуса аксакалов, являлся, тем не менее, признанным лидером не только в бригаде, но и в общине. «Слушались бригадира, хотя он свой был. Захид, это мой двоюродный брат, он у нас был бригадиром. Когда я в Оренбурге работал, с ним я работал. <...> Бригадир зимой ездит, скажем, догваривается насчет работы. <...> За сезон. Он уже знает, какую работу

30. Кызыл-шафагцы вспоминают только о трех назначениях в их село в советские годы председателей не из местных. Но оба проработали только короткие сроки и в деревне не ужились. «Да, было такое. Кажется в (19)59 году, когда был совхоз, армяне назначили к нам директором турецкого армянина. Он из Турции бежал. Пожилой был человек, Папавян. Год он проработал и не смог, наши люди его прогнали. <...> Ну, прогнали его, не подошел он деревне. Не воспринимали его люди, не подчинялись, люди не работали. А потом пришел один курд. Назначили курда по имени Худаян. А между курдом и армянином разницы нет. <...> В общем, его тоже прогнали. И пришел один... азербайджанец, проживающий в Ереване, Хасанов, стал он директором. Жена его была армянкой, была армянкой. Звали ее Лилит. Лилит означает красивая. Как у нас есть имя Гезаль, так и у них. Он два года проработал, а потом уже Байрам-муаллим пришел» (Вейсал-киши, 78 лет).

будут делать, он уже знает, сколько человек справятся с этой работой. Много... Не выгодно, меньше зарабатываешь. Скажем, надо построить базу там дом да, он знает, что там пять-шесть человек справятся. А туда уже брать больше человек – уже меньше заработка. Вот так вот как-то. Мы ездили с ним 11, 12 человек, мы с ним ездили. Работали. Он организовывал, он договаривался, договора он составлял с директором. Все он... Почти за безопасность всех он отвечал. Все на нем было» (Насиб, 45 лет). В результате структура лидерства в сообществе кызыл-шафагцев подразумевала гораздо более сложную, чем в традиционном обществе систему отношений.

Кроме того, специфическая ситуация в колхозах была в значительной степени схожей по всему СССР, и в этом пространстве, видимо, достаточно устойчивыми были схожие механизмы становления и развития «стабильной общей коммуникативной среды»³¹. В той или иной степени родства пребывают все представители рода (тайфа), на которые привычно делится сообщество кызыл-шафагцев. При этом длительное совместное проживание и установка на эндогамию позволяет выявить ту или иную степень родства практически для всех жителей села. Таким образом, жизнь сообщества всегда была основана прежде всего на личных взаимоотношениях. В опреде-

ленной степени эти отношения, безусловно, влияли и на публичную сферу – в советские годы совхоз, а ныне, после аграрной реформы, вариант совместного предприятия на добровольной основе. В своей деятельности руководство общины всегда должно было стремиться к консенсусу в отношении интересов сообщества. При этом достижение согласия упрощал факт взаимной принадлежности к одному и тому же социуму.

Эта принадлежность не только собственно к кызыл-шафагцам, но даже к конкретному роду в памяти сельчан всегда играла значительную роль в жизни сообщества. В этом пространстве привычных и прочных общинных связей Байрам Аллазов является видным представителем известной среди кызыл-шафагцев семьи. Именно его дядя, Гумбат Аллазов, долгие годы руководивший Кызыл-Шафагом, активно выступал против принудительного переселения азербайджанцев из Армянской ССР в 1948-50 гг. *«Я участником был, тогда мне было 15 лет. Я шустрый мальчик был. А дядя был политический работник, хозяйственный работник. Он рассказывал все, а я слушал. В (19)49 году приехали, как раз в школу, которая была единственной средней азербайджанской школой в нашем районе. Из ЦК (Армянской ССР) приехали туда. Проводили собрание... Председателя*

31. П. Линднер называет ее «полупубличной сферой». «Эту сферу можно назвать «полупубличной» сферой (semi-public sphere), поскольку она основывается на личных взаимоотношениях, не относится к общегосударственному контексту, а ограничена местным сообществом и ближайшими окрестностями. Но она является публичной (public) областью, где формулируются общие интересы в том смысле, что ее составляют индивидуумы, владеющие частной собственностью и имеющие личные интересы; в ее рамках они приходят к согласию по вопросам, представляющим взаимный интерес, и адресуют свои претензии к колхозу». Линднер П. Колхозы как колыбель публичной сферы в Советском Союзе. Крестьяноведение: теория, история, современность. Ученые записки. Вып. 5. 2005. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2006. С. 128-147, 146.

колхоза, председателя сельсовета, парторга, директора школы собрали из азербайджанских сел. Всех собрали туда. Проводили собрание, что вот есть такое положение, указание, что вы должны уехать отсюда. Тогда... Мой дядя... Он, опять повторяю, большой авторитетный человек был. Перед партией, правительством у него большая заслуга была. Он никого не боялся. Он прямо против этого предложения выступил там. <...> Оскорбил даже работников ЦК Компартии Армении. Что за национально-шовинистический порядок! <...> Ну, все равно. <...> После этого дядя думал, думал, что сделать, чтобы народ куда-то вывезти. Тогда уже мы слышали, что туда, где жаркие места, в Уджар, скажем, Аранские районы [центральная часть Азербайджана – Авт.], туда выселяют. А мы горный народ. Он приехал в Тбилиси, наш один человек из села жил там, он его тоже взял и поехал в Баку. Как он рассказывает, так я сейчас и расскажу. Приехал прямо, думал, что Мирджафар Багиров [первый секретарь ЦК КП Азербайджана в годы правления Сталина – Авт.] его примет. Они приехали, уже Багирова нету. Багиров уехал в Москву. Там работал председатель...э-э... председатель Совмина Азербайджана, как его звали... Теймур Гулиев... Принял его. <...> Теймур Гулиев сказал, что-

бы вы не торопились, как раз против этой политики поехал... Багиров на прием к Сталину. <...> Ну, как сидели (жили) до сих пор, идите и оставайтесь. Отсюда из Баку он поехал в Кировабад (ныне Гянджа). Там тоже он искал место, там он в Шамкирском районе [искал; город недалеко от Гянджи – Авт.]. Там есть деревня Ленинкент, ему эта деревня понравилась. Все рассказал. В общем, люди, которые хотели дом построить [в тот момент в Армении – Авт.], приобрели строительные материалы, большинство из них продали. У нас есть один Ибрахам, его называли Чобан Ибрахам, он не продал! Говорит – я умру – не продам, я построю здесь

Фото 30. «Байрам Аллазов, руководитель общины с 1967 года, в своем рабочем кабинете. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Гусейновой

дом, не уйду! <...> Ну, в общем... у же... в (19)50 году в январе месяце услышали, что отменили эту политику, уже приостановили высылать азербайджанское население из Армении» (Байрам Аллазов).

Воспоминание об этом принудительном переселении азербайджанцев, когда власти Армянской ССР предстают в качестве самостоятельной силы, имеющей возможность принимать и реализовывать подобные масштабные акции, представляется скорее ретроспекцией из сегодняшней ситуации, когда пространство Южного Кавказа уже привычно воспринимается рассказчиком как мозаика из независимых национальных государств. В то же время представление о том, что гомогенные в этническом отношении территории являются идеалом расселения, наверняка было распространено и в советские годы, когда хоть и медленно, но происходила национализация территорий южнокавказских республик. Отрицать возможность влияния на эти события представителей власти в национальных республиках все же не следует³². В любом случае, в рассказах об этих событиях середины прошлого века напрашиваются прямые аналогии с ситуацией конца 1980-х. Уже приходилось однажды думать о вынужденном варианте коллективного переезда. Впрочем, можно только

высказать предположение, что опыт поиска вариантов коллективного переселения мог актуализироваться в момент новых испытаний.

Так или иначе, но уже в юношеские годы будущему руководителю коллективного переселения приходилось наблюдать принудительные миграции. Но это был не опыт пассивного принятия «судьбы», а демонстрация активных поисков в той или иной степени приемлемого выхода из создавшейся ситуации. Именно активная жизненная позиция становится важной особенностью биографии Байрама Аллазова, которая являет собой пример успешной карьеры в советские годы. *«Окончил в (19)51 году среднюю школу (в соседнем селе) <...> поздно дали нам аттестат. У нас был один директор школы, он где-то в санатории находился, вернулся 20 августа на работу. Уже поздно было, чтобы поехать взять аттестат, поехать на учебу. Второй год, в (19)52 году... ну... ближе (к) нам в Казахском районе (Азербайджан) существовал двухгодичный учительский институт. Ну, предлагали мне, поехал я туда. В общем, поехал, не по душе было. Не поступил, не ходил. В (19)53 году... В Кировабадский педагогический институт сдал приемный экзамен, поступил на исторический факультет. Окончил в (19)57 году, очень успешно. Все пятерки у меня были».*

32. На наш взгляд, ситуация с переселением азербайджанцев из Армянской ССР в 1948–50 гг. в той или иной степени подпадает под определение «принудительная миграция», которое предлагает Павел Полян. «Принудительные миграции — это перемещение значительных масс людей, принятые государством по отношению к своим или чужим гражданам путем принуждения». Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: Мемориал, 2001. С.11. С текстом указа о переселении азербайджанцев теперь можно легко ознакомиться. См.: Постановление № 4083 Совета министров СССР О переселении колхозников и другого азербайджанского населения из Армянской ССР в Кура-Араксинскую низменность Азербайджанской ССР. Адрес в Интернете: www.azeri.ru/AZ/karabakh/pereseleniye.htm

Образование историка, весьма престижное в советские годы, в конечном итоге сослужило добрую службу в его карьере, в результате которой он, в конце концов, становится директором совхоза. Начинал он свою карьеру с работы в школе, в которой прежде учился. «Меня назначили завучем школы, где я окончил среднюю школу <...>. С (19)57 года там работал. Немножко трудно было. Как руководить! Бывшие учителя все. Все-таки... Ничего, работал. На другой год меня перевели в свое село директором школы, тогда семилетней школы. <...> 5 лет работал там. 5 лет подряд директором школы... С (19)58 до-о (19)63 года. В (19)63 году <...> меня <...> назначили, избирали... секретарем партийной организации (совхоза). Вернее, там комитетом назвали, потому что количество коммунистов выше ста. Тогда очень... жесткое время было. Парторг имел право работать только один выбор, два года. <...> После двух лет, как сейчас, президент, скажем, пять лет, после двух лет не имел права по хрущевским законам. Ну, я не хотел туда, но меня заставил! Один жесткий! Секретарь райкома был армянин. <...> Ну, не хотел я туда, потому что через два года... у меня должности не будет. (с усмешкой) Кого назначат вместо меня директором школы, он даст мое кресло? Никогда. А рядовым учителем тоже я... (оставаться не хотел). Ну, в общем, взяли туда. Работал

два года. В сентябре меня избирали, 9 сентября... (19)63 года. Пока у меня два года... не исполнилось, меня перевели в соседнее село директором совхоза, где я работал там завучем, где я окончил среднюю школу. Ну, работал я там еще три года. Через три года меня опять обратно в свое село директором совхоза... До, до, до карабахских событий. Начиная... с (19)68 года, начиная с 68, 65-68 работал в соседнем селе директором совхоза, начиная с (19)68 года с первого марта до <...> 15 августа... (19)89 года работал подряд непрерывно директором совхоза».

В процессе обмена селами проявление активности в событиях тех лет могло быть самым разным. От общего обсуждения на деревенской площади до участия в «поисковых группах» (поездки в Азербайджан с целью найти подходящее село) и участия в ответственной «комиссии» по распределению домов в новой деревне. Однако каков бы ни был уровень участия в процессе обмена других членов общины, основной груз ответственности при принятии решений ложился все же на лидера. Это происходило не только в силу его формального статуса, но и потому, что практически все признавали его авторитет в момент принятия столь важных решений. «Дай бог ему здоровья, собрал людей вокруг себя, уберез <...>. Мой отец говорил: «Если на небесах Бог, то на земле без человека,

который руководит, жить невозможно». Разве это неправильно? Если не было бы такого человека, который бы указал нам верный путь, то мы бы, наверное, друг друга кулаками избили, поспорились бы из-за того, что это мое, а это твое» (Вейсал-киши, 78 лет). «У нас был директор совхоза Байрам-муаллим, он и сейчас здесь руководит, там он руководил деревней, колхозом. Он до самого конца остался с нами. А под конец ему стали звонить армяне, запугивать, говорить, уходите, уводите свой народ. А у него было очень много знакомых среди армян, он же ведь вместе с ними работал, все же директор совхоза. Они ему сказали, знаешь, Байрам-муаллим, лучше тебе увести свой народ, дальше хуже будет. И мы вынуждены были уйти» (Захид-киши, 58 лет).

Впрочем, самому лидеру эта часть его биографии представляется в несколько ином свете. Все происходящее видится им на более широком фоне возрастающего противостояния в обеих республиках. Он руководит всеми коллективными обсуждениями. «Каждый день (!) возле моей конторы у нас собрание. Каждый день! Со вчерашнего дня, что появилось в республике, в Армении, против азербайджанского населения. Я все докладывал, каждый день! Когда сюда приехал (в Керкендж), обратно вернулся (в Кызыл-Шафаг), тоже положение

докладывал. Я сказал, теперь что вы думаете (!) товарищи. <...> Ну, они молчали, думали. Мы... откуда не уедем, нас армяне убьют, если отсюда уедем, где мы будем поместиться? <...> Я рассказал о положении в республике тоже (в Азербайджане). Это, которое предшествовало... то, что я беженцев видел, это тоже рассказал». Фактически на нем лежала ответственность информирования сельчан о происходящих событиях. Мир деревни все же довольно замкнут, и зачастую трудно представить масштабы происходящих во внешнем мире процессов. Тем более в ситуации информационного вакуума, когда власти стараются преуменьшать масштабы катастрофы. Его личные поездки по Азербайджану, когда ему самому довелось увидеть, в каком тяжелом положении пребывают беженцы, позволяли ему информировать сельчан о сложившейся ситуации.

Из воспоминаний Байрам-муаллима мы узнаем, что общее решение давалось не просто: «Там (в Кызыл-Шафаге) у нас были аксакалы, участники Великой Отечественной войны, ветераны труда, в общем. Там один Сары-киши был, Алыев Сары. Выступил, сказал, товарищи, давайте... давайте, говорит... перед... врагом мы... <...> не убежим, умрем, вместе будем умирать (!), живыми останемся, вместе будем

оставаться. Он до Берлина воевал. <...> Ну, в общем, один так сказал, другой—другое. Общее решение было, чтобы... так сделать, чтобы... в разброшенном виде мы отсюда не уехали. Один в один район, второй в другой район, чтобы так не получилось. Я поручил, давайте езжайте в Азербайджан, там поговорите, землю возьмите. Мы приедем туда и построим каждый для себя дом. Наше население там [имеется в виду Армения — Авт.] жило очень богато». Поначалу, видимо, это решение представлялось наиболее правильным. Однако от этой идеи вскоре было решено отказаться.

Будучи многие годы главой совхоза, успешным руководителем крупного хозяйства, он понимает, что прежде чем принимать окончательное решение, необходимо все хорошенько обдумать и обсудить. Именно ему из всех жителей Кызыл-Шафага есть с кем посоветоваться — с такими же, как и он или еще более крупными хозяйственниками, с которыми за долгие годы работы сложились устойчивые контакты и дружеские/корпоративные связи. Его видение специфики ситуации отличается от понимания ее любым рядовым членом общины. Для последнего не возникает ясной мотивации того, почему не было выбрано место, на котором можно было строиться «с нуля». Но лидер имеет возможность взглянуть на ситуацию

с более широкой перспективой: «Я приехал в Баку... там руководители республики, у меня один знакомый, товарищ был <...> бывший Гянджинский первый секретарь, потом в ЦК <...> министр сообщения. В общем, самый близкий... товарищ был. Он мне посоветовал, это не трудно, чтобы на новом месте новое село построить. (Но) там нужно... коммуникации, электролинии, газовые линии, шоссейные дороги, водопроводы, школы, в общем... Там очень трудно. До сих пор, вы говорите, терпели... Еще терпите, может, в дальнейшем

Фото 31. «Один из активных участников обмена, Захидкиши со своей семьей. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Румянцева

хорошо будет. <...> Он хороший совет мне дал. Когда я обратно вернулся, все рассказал нашему населению». Естественно, что терпеть и дальше, ожидая и надеясь, что ситуация разрешится, было уже просто невозможно. Возникает идея обмена, осуществляются поездки в Азербайджан с целью найти подходящее село. И упомянутый выше случайный контакт сына Байрама Аллазова со знакомым армянином предоставляет, наконец, реальный шанс реализовать проект коллективного обмена.

Следует понимать, что для жителей села состоявшийся обмен становится очень важной заслугой их руководителя. Без него он был бы невозможен. Да и сам лидер, естественно, видит себя ключевой фигурой обмена. Но для него, как, впрочем, и для его сына, ход событий и их движущая сила выглядят несколько иначе. В ходе интервью он постоянно подчеркивает, что следовал воле людей, что он не был «хозяином» положения, люди сами подталкивали его и во многом принуждали предлагать скорее варианты выхода из ситуации, но никак не принимать жесткие авторитарные решения. «Я говорю, может, завтра армянские бандиты приедут и вас троих человек убьют. Население будет меня захватить вот так [продемонстрировал жест схватывания за горло – Авт.], зачем вы допустили, не разрешили, чтобы

своевременно мы убежали отсюда. Это тоже от(!)ве-ет(!)ственность!». Председатель совхоза, по сути, оказался в очень тяжелом положении. В ситуации всеобщей неразберихи ему приходилось брать на себя основную долю ответственности и искать варианты выхода из положения, прецедентов которому не было.

Были моменты, когда только его вмешательство позволяло сдвинуть весь процесс с мертвой точки. Приходилось добиваться, как мы видели это выше, чтобы сельчанам, в принципе, дали разрешение посмотреть село Керкендж. «Представителей нашего населения я послал сюда... Не решились, не допустили, чтобы наши ребята, наши товарищи приехали сюда (в Керкендж), пока армяне здесь сидели, не уехали. Потом опять я вернулся в Баку... Я был в Баку, опять... С авторитетными товарищами встретился. Они дали указание Шемахинскому райкому партии, что из Калининского района Армении население приедет. Кызыл-шафагское население. Разрешите, пускай посмотрят». Значительная часть важнейшей работы по преодолению препятствий, которые возникали повсюду, пришлась именно на долю директора совхоза. Да и кто, кроме него, имел доступ к тем структурам власти, от которых во многом зависела реализация проекта обмена целыми селами.

Но, находя по мере необходимости все новые возможности для преодоления сопротивления властей, он, тем не менее, часть ответственности за принятие решений оставлял и за самими сельчанами. Каждый сам для себя должен был решать, с кем в конечном итоге придется обмениваться. *«Приехали [имеет в виду село обмена – Авт.]. Эту ответственность я тоже на себя не брал, народ, знает, причину ищут, чтобы тебя как-то обвинять! <...> Я говорю... народу, вот идите, сами посмотрите, потом не скажите, Байрам нас заставил. <...> Если нравится - нравится, не нравится – это ваше дело. <...> Вернулись обратно, сказали, мне доложили, что вот, мы согласны! Ну, согласны – давайте начинайте. И так приехали... ну, народ за мной стоял, это я говорю, что я все сделал. Я(!), народ (!), сельское население... Они стояли за мной. Они диктовали. Они послушали мое предложение и приехали сюда...».*

Это можно расценивать как проявление элементов гражданского общества, об отсутствии которого в Азербайджане теперь так много говорится. Естественно, при любых условиях кто-то должен брать на себя основной груз ответственности, но никак не принуждения. Принуждали только обстоятельства конфликта. Однако, сами механизмы совещания, коллективного обсуждения проблемы и вариантов выхода из нее были, насколько это было возможно

в тех условиях, демократическими. Основной посыл обсуждений и идеи обмена состоял в том, что, несмотря на конфликт, разведенные по разные стороны баррикад армяне и азербайджанцы могут договориться, если, конечно, им удастся минимизировать влияние власти, не желавшей и боявшейся этих контактов. Так, благое стремление защитить армян в Азербайджане становилось препятствием наиболее удачного на тот период времени разрешения ситуации – договорного обмена, между представителями самих общин. И когда власть продемонстрировала свою абсолютную непригодность разрешить ситуацию, сработали механизмы гражданского ее решения.

Здесь интересно то, что роль лидера предстает в его автобиографии во многом условной и зависимой от мнения большинства в общине. Но из всех членов общины только лидер стал символом, который воспринимается всеми как олицетворение удачного обмена. Это была ситуация гражданского доверия. Будучи долгие годы управленцем от государства, Байрам Аллазов показал себя человеком, который заслуживает доверия сельчан. И в трудный момент это доверие к лидеру носило уже скорее не характер подчинения привычной власти, а, по сути, делегирование ему большинством сельчан полномочий по организации обмена.

А. Акопян

6.2. “Народ сам выдвигал”: лидеры Керкенджа

Конфликтная ситуация 1988-1989 гг. вынудила армян села Керкендж искать собственные выходы из ситуации, что, в конце концов, привело к обмену селами. В контексте самоорганизации общины и осуществления обмена важное значение имело формирование института лидерства. Этот институт в нетривиальных условиях заполняет вакуум власти, приняв на себя руководство общиной. Характер и форма лидерства у армян Керкенджа имеет свои особенности, связанные с экстраординарными условиями, а также с личностями лидеров.

Как уже отмечалось, лидерство в селе Керкендж в то время взяли на себя не представители административной, хозяйственной или партийной власти, а простые труженики села. Самоорганизация керкенджских армян привела к формированию новой власти, во главе которой встали народные лидеры.

Как мы уже отмечали, по разным причинам нам не удалось собрать материалов обо всех лидерах Керкенджа, но имеющиеся материалы о двух из них, Аваге Варданяне и Рафике Мартиросяне, дают возможность проследить на примере их биографий процесс формирования института лидерства в тревожные дни 1988-1989

гг., а также изнутри, через призму их личности, понять процесс самоорганизации, обмена и дальнейшего развития ситуации. Эти две личности очень яркие, но как лидеры очень разные – по возрасту, по занятию, по жизненному опыту. В их лице лидерство у керкенджских армян выразилось в сочетании старых/старших и новых/молодых лидеров. Что могут объяснить их биографии, и как новая ситуация повлияла на их жизненный путь?

Уроженец Керкенджа Рафик Мартиросян родился в 1926 г. Сам факт рождения, по его мнению, не так уж интересен, и он в рассказе о себе начал описание своей жизни со школьных времен. Правда, потом он вернулся к факту рождения, добавив, что когда в сельсовете фиксировали дату его рождения, то записали не совсем точно, особенно месяц. Но в документе о рождении было одно важное упоминание: *«Эти бумаги потом пригодились, там написано «сын бедняка»... Потом закончил 7 классов, не было возможности для учебы. Трудные годы были. Нас четверо детей было...»* По рассказам информанта, отцу тяжело было содержать большую семью, поэтому он *«не пошел в школу. Потом война началась... Но война не в 1941*

году началась, а, насколько я знаю, в 1938-39 годах уже была финская война. У нас была нехватка хлеба». Как передает Р. Мартиросян, он уже с пяти лет, помогал отцу в полевых, сельскохозяйственных работах. На жизненной траектории Р. Мартиросяна оставила след война. В феврале 1942 его призвали, отправили в Беляджяр³³. «Многие из моих друзей погибли», – продолжает информант, добавив, что в Беляджаре один эшелон отправили на фронт, а они «остались как второй эшелон». По рассказу нашего собеседника, их отправили работать на нефтяные промыслы. Как он вспоминает, им говорили, что они военнообязанные и что если будут отклоняться от работы или попробуют бежать, то попадут под трибунал. Работа тяжелая, рабочих рук не хватало, и потому приходилось работать по 16-18 часов. «Многие не выдержали, а те, которые пошли на фронт, более половины в Керчи погибли». До 1947 года он работал на нефтяных промыслах, а потом перебрался обратно в село, но это было непросто, потому что для увольнения с работы надо было иметь уважительную причину. По причине тяжелых семейных условий ему позволили уволиться, в связи с чем ему прислали соответствующую справку из села. После этого он вернулся в село и начал работать на ферме, потом занялся виноградарством в качестве бригадира.

Он отлично помнит смену эпох. Так, по его словам, после сталинской эпохи народ Керкенджа стал постепенно становиться на ноги, а в 1970-х гг. уже стали жить хорошо. Поэтому начали перебираться в Баку, а потом в Россию, особенно в города Георгиевск, Прохладный, Нальчик. Как отмечает Р. Мартиросян, керкенджцы в основном обосновались в Хуторе⁶, районе Баку, где были заброшенные хлеба, и там начали скупать и строить дома. Он, например, сам сделал это для своего брата. Но следует отметить, что если в экономическом смысле керкенджцы стали жить хорошо, то в общественной жизни Азербайджана, уже в эти годы, особенно начиная со времени прихода к власти Г. Алиева, армяны начали вытеснять из властных структур, отдавая предпочтение «национальным» кадрам, сумевшим получить образование.

Примечательной особенностью биографического рассказа Р. Мартиросяна является то, что он больше говорит о временах, о событиях, об обществе, о селе, чем лично о себе или о своей семье. Таким образом, его личная биография тесно переплетается с более широким контекстом. Для него общественное как бы становится более важным, заслуживающим особого внимания. Это говорит также об удавшейся общественной биографии информанта.

33. Поселение на Апшеронском полуострове, близ г. Баку.

6. Квартал в г. Баку.

Фото 32. «Один из лидеров - организаторов обмена Рафик Мартиросян. Село Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

Не случайно, что такая жизненная позиция в определенных ситуациях выдвигала Р. Мартиросяна на первый план, когда необходимо было что-то решать или организовывать для общины. В итоге он становится одним из организаторов обмена в 1988-1989 гг. Свидетельства его активной жизненной позиции и организационного опыта можно найти еще в советские времена. Например, во время воздвижения памятника в Керкендже погибшим воинам-керкенджцам. Строительство памятника было общественной инициативой сельчан, которые собрали необходимые средства,

организационные вопросы также решали они. В этом начинании на передний план вышли простые труженики села, среди них Рафик Мартиросян и Анушаван Авагян, которые работали тогда бригадирами в совхозе. Как случилось, что Р. Мартиросян всегда был среди организаторов? *«Народ сам выдвигал»*, – говорит Р. Мартиросян, добавляя, что, например, во время строительства памятника у него вообще не было времени, *«но меня из дома вызвали... Народ собрался. Анушаван сказал, что только я смогу вместе с ним это сделать...»*.

Анушаван Авагян тоже был одним из лидеров армян Керкенджа. Именно он после сумгаитских событий предложил проекты по обмену, по переселению. По словам Р. Мартиросяна, в трудные послевоенные годы сразу после службы в армии А. Авагян возглавил колхоз. Имея только семилетнее образование, он прекрасно руководил хозяйством, а после этого работал бригадиром. Когда инициировали строительство памятника, Р. Мартиросян и А. Авагян были бригадирами совхоза, но им приходилось решать много вопросов в Ереване, в Баку, в Шемахинском районе, даже в Степанакерте, откуда привезли мрамор для памятника. Они договаривались, вели переговоры, решали различные проблемы с властью, со скульпторами, даже обсуждали проекты и

художественные решения. Благодаря керкенджцам и их организованности памятник удалось поставить в селе. Идея, необходимые средства, организация и организаторы процесса – все эти маркеры суть продукт общественной инициативы, которая посредством самоорганизации осуществила постановку и решение сообществом задачи.

Опыт самоорганизации пригодился в 1988–1989 гг., когда ситуация диктовала необходимость предпринять неотложные меры по самосохранению, принимать решения по выходу из ситуации. Здесь опять на передний план выходят А. Авагян и Р. Мартиросян. Как говорили информанты, именно А. Авагян после сумгаитских событий предложил идею обмена, компактного переселения в Армению или в Россию, но тогда сельчане эту идею не поддержали. Лидерство у керкенджцев не имело авторитарного, жесткого характера, и сообщество всегда демократично решало принципиальные вопросы, которые его касались самым непосредственным образом.³⁴ Лидеры были представителями общины, которые решали эти вопросы, но не были авторитарными руководителями.

В 1988–1989 гг. Р. Мартиросян активно участвовал в самоорганизации общины, был в поисковых группах, вел переговоры по обмену на разных

уровнях, а также был основным организатором обмена с Кызыл–Шафагом, участником переговоров, одним из составителей договора.

И после обмена он имел влияние на формирование новой власти в селе. Так, например, по его рассказу, в селе руководителем хотел стать человек, которого уже знали по работе и именно потому были против его кандидатуры. Р. Мартиросяну пришлось давать объяснения в райкоме, аргументировать позицию сельчан районным властям. В итоге все обернулось так, как желали сельчане.

Уже в 80-летнем возрасте Р. Мартиросян продолжает активно интересоваться общественной жизнью. Так, например, он читает оппозиционную газету, которую доставляют в это далекое село по его подписке.

Если Р. Мартиросян – лидер старшего поколения, а он так и воспринимается у керкенджцев, как «старший» или «старейший», то Аваг Варданян³⁵ стал представителем молодого поколения. Она выдвигается на передний план в тревожной ситуации 1988–1989 гг.

Аваг Варданян родился в 1950 году в селе Керкендж. Закончил 8-летнюю школу села, а потом профтехучилище в Армении. Служил в армии, потом до 1988 года работал каменщиком в мастерской около Шемахи. В этой мастерской работали также брат Авага и их племянники. Дядя Авага Ширван

34. История обмена тоже это наглядно показывает.

35. Аваг Варданян трагически погиб в 2005 г. Автор представляет его по рассказам информантов.

36. Крест-камень.

Варданян – известный в Армении скульптор по чаккарам³⁶. Варданяны были одним из старейших родов в Керкендже, часть их жила также в Баку.

Аваг, по воспоминаниям керкенджцев, еще в молодые годы отличался смелостью и решительностью, был авторитетом среди сверстников. В вопросах, касающихся чести, он мог бы пойти даже на крайние шаги. События 1988 года застали его в мастерской около города Шемахи, где он, его брат и племянники еле спаслись от нападения толпы.³⁷ Этот год был переломным в биографии Авага еще и в том смысле, что его лучшие личные качества проявляются при самоорганизации общины, в ситуации, когда, по словам информанта, «молодежь взяла власть в свои руки». Из этих молодых и был 38-летний Аваг Варданян, который стал одним из главных лидеров самоорганизации и самообороны Керкенджа.

По воспоминаниям Р. Мартиросяна, Аваг был смелым человеком, и когда ситуация ухудшилась, он сказал: пусть нападают, отстоим. *«Днем и ночью оружие у него было через плечо... Куда бы ты ни пошел [имеются в виду село, посты керкенджцев – А.А.], Аваг был там».* Во время самообороны Керкенджа Аваг Варданян организовал также приобретение боеприпасов, оружия и т.д. Он участвовал в поисковых группах по обмену села, был одним из

инициаторов проекта обмена с селом Бахар в Вардениском районе Армении, но керкенджцы этот проект не поддержали. Во время обмена с Кызыл-Шафагом он тоже играл активную роль. Так, когда шел процесс обмена и в этот промежуток времени в селах Керкендж и Кызыл-Шафаг жило смешанное население армян и азербайджанцев, он был одним из тех, кто следил, чтобы с азербайджанцами в Кызыл-Шафаге ничего не случилось, как это было предусмотрено по договору.

После переселения в Кызыл-Шафаг Аваг Варданян работал в складе совхоза, затем электриком. В 1996 г. его избрали старостой села Дзюнашоха и до конца 2005 года он непрерывно руководил селом. Как организатор он отличился и на этом посту. По рассказу нового старосты Дзюнашоха, когда он принял этот пост, в региональной администрации его спросили, сможет ли он работать так, как Аваг. Об Аваге Варданяне как об авторитетном человеке, по словам дзюнашохцев, отлично знали не только в соседнем азербайджанском селении Ирганчай, но и в других селах Грузии. В этом контексте представляет интерес следующий эпизод. По словам информанта, однажды из села украли лошадей. У Авага было подозрение на одного азербайджанца, жившего в одном из сел Дманисского района Грузии. Взяв оружие, с одним из товарищей

37. См. главу 2.

он отправляется в это село, где в присутствии примерно 30 человек кладет оружие на стол и начинает разбираться в случившемся.

Аваг боролся за будущее Дзюнашоха, не забывая о Керкендже. Он отлично понимал, что сохранение азербайджанского кладбища гарантировало сохранность и армянского кладбища в Керкендже, и поэтому лично следил за этим. До сих пор дзюнашохцы с печалью вспоминают об Аваге, иногда даже отсчет времени у них ведется – до и после Авага.

Биография А. Варданяна – это путь от неформального лидера до

формального. Ситуация 1988 года выдвинула на передний план смелых, решительных людей, чья личная биография переплетена с общинной. Нарастание общественной значимости Авага достигло своего пика во время самоорганизации и самообороны Керкенджа, и этот путь логически завершается получением формального статуса лидера, т.е. главы администрации села Дзюнашох, куда переселились керкенджцы.

Если суммировать вышесказанное, можно констатировать, что лидерами керкенджцев были народные выдвиженцы.

ГЛАВА 7. СИТУАЦИЯ ОБМЕНА: СОВМЕСТНОЕ ПРОЖИВАНИЕ

**С. Гусейнова,
С. Румянцев**

7.1. «Они даже учились у меня армянскому языку»

Конечно, в XX веке отношения между армянами и азербайджанцами далеко не всегда носили характер *дружбы народов*. Однако, в контексте современного дискурса о жестоких столкновениях начала прошлого века (1905-1908 или 1918-1920 гг.) старательно игнорируется история разрешения конфликтов. Современный дискурс в национальных республиках все чаще обращается к конструктам, выдержанным в духе теории заговора, когда вся история взаимоотношений XX века рисуется как период открытого или латентного, в зависимости от обстоятельств, противостояния. Нам же представляется, что межэтнические отношения прежних лет, да и сейчас, лишены этих черно-белых тонов и несут куда более сложный и динамичный характер. Несомненно, что именно XX век стал временем жестоких и кровопролитных армяно-азербайджанских столкновений. Однако в том же XX веке возникали и демонстрировали нередко свою действенность и механизмы совладания с конфликтами.

Можно утверждать, что система гражданских договоров существовала еще в начале прошлого века. Уже тогда представители того или иного селения, репрезентировавшие всю общину, могли обратиться с просьбой о помощи к жителям другого села. Так, в коллективной памяти кызылшафагцев заметное место отведено случаю, происшедшему в далеком 1918 году. По рассказам предков нынешних сельчан, между сообществом жителей Джуджа-кянда (досоветское название Кызыл-Шафага) и армянами соседского селения Шахназар после тогдашних событий установились, видимо, особые отношения. «*В (19)18 году <...> выгнали турецкие войска (отряд Андраника³⁸). Через Карахачский перевал они (армяне) приехали в Калининский район. За ним... (Андраником, шли) турецкие войска. Пришли (отряд Андраника) в одно село и убили одного мужчину и его невестку. За ними приехали турецкие войска, там [местность, неподалеку от Кызыл-Шафага – Авт.] есть село Гара Гала, наверху, оттуда все видно. Сидели*

38. В азербайджанской историографии, а также в общественном дискурсе Андраник рассматривается как жестокий предводитель армянских боевых отрядов, устраивавших карательные акции в отношении мирного мусульманского/тюркского населения региона. См., например: Мустафазаде Р. С. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг., М.: «Возрождение», 2006. С. 200-209.

там [т. е. османские военные отряды расположились в этом селении – Авт.]. Турецкий паша, командир, скажем, да, это слышал [историю об убийстве – Авт.] <...> шахназарцы, их аксакалы приехали к нам, в наше село. Просили наших аксакалов, что вы идите, скажите, попросите, чтобы турецкие войска не заходили в наше село, не убили наше население. Трое человек, в том числе мой дед, трое аксакалов (из Джуджа-кянда) поехали туда [в место расположения османского отряда – Авт.]. <...> Наши старики поехали к турецкому паше, попросить, чтобы не трогали (армян из Шахназара), они всегда нам помогают. Но паша тоже был очень умный. <...> Он сказал, идите... и приведите от них (армян) представителей сюда. <...> На другой день с нашими стариками, аксакалами (армяне из Шахназара) поехали туда, к турецкому паше. Как заходили, когда паша принял... Паша сидел в одном частном доме, они на коленях (!) заходили. Паша оттуда приказал и сказал: гявурлар («неверные») <...>, гявурлар галхын айага [гяуры, встаньте на ноги – Авт.]... Заходите как мужчины! Они зашли, им показали место, сели они там. Слушаю вас. Они просили, плакали. Он говорит, не плачьте, не просите. Мы... турецкий народ, мы турецкие войска – не враги чужим народам. Это враги – ваши! Если вы в хороших... отношениях с этим сосед-

ним селом – не бойтесь(!), ни одного солдата не пущу, чтобы зашел к вам» (Байрам Аллазов). Так, в духе легенды выглядит теперь эта история, когда жители Джуджа-кянда, будущие кызыл-шафагцы вступились за армян из соседнего селения Шахназар. Это была поддержка со стороны людей, которые, видимо, хорошо знали друг друга. Жители Шахназара долгое время работали в Кызыл-Шафаге, тесные контакты были в этих условиях вполне естественными. В тяжелый момент было нормальным отозваться на просьбу о помощи, исходившую от соседей.

Когда наступил тяжелый момент уже для азербайджанцев, пришло время жителей Шахназара оказать поддержку своим соседям. «Теперь... в (19)88 году (!), это было в (19)18 году [подчеркивает взаимосвязь этих событий – Авт.], наших представителей я послал, трех человек в Шахназар <...>. Послал в Шахназар, они поехали, сказали: помните в (19)18 году, вы до сих пор об этом говорите... Наши старики защитили, не допустили турецких солдат зайти к вам. Сейчас вы в долгу перед нами! Ну, они тоже я вам скажу, там, в конце села, откуда идет дорога к нам, в конце села был <...> ах, забыл я его имя. Их два-три брата было. В один день это... саггаллылар [азерб. бородачи – Авт.], мы (так) называли дашнаков [распространенное

обозначение армянских националистов без различия принадлежности к партии – Авт.]. Собирались, из райцентра приехали в это село (Шахназар), хотели зайти к нам, в наше село, чтобы убить людей. Эти армяне не допустили. . . Не допустили. Вот такие дела» (Байрам Аллазов).

Таким образом, определенный опыт поддержки и взаимопомощи существовал издавна. Передаваясь из поколения в поколение, память о прошлых событиях конструировала традицию давних соседских отношений. Мир не был жестко разделен на врагов и друзей только по этническому или конфессиональному признакам. Были враги, и некоторые из них были армяне. Но были и те, и в их числе тоже были армяне, с кем можно и нужно было договариваться. «Он [аксакал, участник делегации к турецкому паше от Джуджа-кянда – Авт.] сказал – нет, мы с ними вечно живем очень дружелюбно, не надо, не трогайте, они нам ничего не делали. Вы уедете, сказал наш дед Алы-киши, вы уедете на свою родину [обращение к турецким военным – Авт.], мы останемся здесь. Он образно выразился: вода потечет, песок останется. Вы вода – вы уйдете обратно, а мы песок – мы останемся здесь с ними. С тех пор и до этого вплоть до нашего переселения их старики из поколения в поколение рассказывали своим внукам, что вот Алы-киши нам сделал такое

добро, а то турки нас убили бы всех, и надо с этим соседним селом жить всегда в дружбе и согласии. Вот так было» (Авды-муаллим, 69 лет). Разойтись по разные стороны границы было невозможно по той простой причине, что границы этой не существовало в ее современном понимании. Оставалось жить вместе, рядом. И хотя эта жизнь не всегда была безоблачной, но в ней всегда было место диалогу. Андраники и турецкие паши приходили и уходили, а люди оставались, и им самим нужно было искать способы сосуществования, которые они и находили.

Еще весной 1987 года, когда в Кызыл-Шафаге проходило официальное празднование Новруз Байрама [праздник весны, один из наиболее любимых азербайджанцами – Авт.], на празднике присутствовало немало армян – соседей, чиновников из района или просто знакомых. «А когда у нас в деревне отмечали Новруз, э-э (!) сколько народу стеклось, азербайджанцы, армяне, со всех районов» (Захид-киши, 58 лет). Это были все еще привычные отношения дружбы и соседства, которые уже очень скоро станут рушиться в ходе конфликта. Однако вплоть до окончания процесса обмена селами привычные соседские и, нередко, дружеские отношения все еще сохранялись. Даже если армяне из соседней Кызыл-Шафагу деревни и не могли оказать друг другу существенной по-

мощи, разрыв привычных дружеских отношений нередко воспринимался как внезапная напасть. «Нет, помощи от них не было. А что они могли поделать? Они только могли обругать тех, кто все это замутил, говорили, а мы их так и так, это подлые люди, мы жили, как братья, а теперь нас вот так разъединяют» (Алы-киши, 72 года). При этом соседи из деревни Шахназар могли как-то продемонстрировать свое не изменившееся в ходе нарастающего противостояния отношение. «Почти все имели знакомых, дружили, это уже сотни лет было. Они даже не приехали, не спрашивали, есть ли у тебя на продажу корова или еще что-то. Сказали, чтобы не обиделись наши. Они так думали, пусть эти люди не обидятся, что мы, мол, заставляем их продавать, что мы не радуемся» (Авды-муаллим, 69 лет).

В то же время поддержку могли оказывать друг другу коллеги по работе, и когда возникала подобная необходимость, помощь нередко оказывалась. «Позвонил я директору [автошколы в районном центре, где работал – Авт.]. А у нас для дома не осталось топлива никакого, ни угля, ни дров, он прислал нам машину, половина машины угля, остальное – дрова. Прислал он нам топлива на нашей же машине с одним армянином экспедитором и шофером, у нас русский работал. Потом я у него по телефону спросил про трудовую

(книжку) свою и про зарплату. Он мне сказал, не беспокойся. Все, что у тебя есть, все мы посчитаем, все я тебе пришлю. Однажды сидим мы дома, вечером, нет утром, вдруг мальчишка один прибежал, говорит, тебя спрашивают. А у нас на окраине деревни стоял шлагбаум, ну то, что милиционеры ставят балку такую, вот. Пришел я туда, а там меня уже ждут... Спрашивают меня на посту, что у тебя есть с собой, может, пистолет или нож? Я говорю, проверьте, ничего у меня нет, разделся даже. Передал он мне, как помню, 350 рублей деньгами, мою трудовую книжку, потом трудовую, в общем, все мои документы, какие у меня были. В общем, все мне передал. А я говорю, пойдете домой, чай попьем, за столом посидим. Разве мы за одним столом не сидели? Ну, что это такое, разве так можно? Нет, сказали, мы не можем пойти. Они ушли, я ушел к себе...» (Алы-киши, 72 года). В замкнутом мире села, где все определяли личная дружба или соседство, можно было продержаться дольше, но мир внешний все более настойчиво давал о себе знать. Долго жить изолированными от внешнего мира было уже невозможно, и кызыл-шафагцы покидали село, как и армяне из Керкенджа.

Сам обмен не был одномоментным и тотальным, а происходил постепенно, и даже был период совместного проживания армян и азербайджанцев

Фото 33. «Рамазан-киши, единственный старожил села Керкендж. Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Гусейновой

в обеих деревнях. «Ну, приезжали постепенно, оформляли документы, обменивали дома. . .» (Рамазан-киши, 79 лет). Контакты были мирными. Один из последних уехавших из Кызыл-Шафага так вспоминает эти дни: «Я грамм даже не боялся, почему бы мне не жить там. Меня там все знали. Со всеми я хлеб-соль делил. Как в Азербайджане говорят, человек, с которым ты вчера ел-пил, сегодня (не) становится врагом. Почему бы и нет. Мы и ели, пили вместе и ходили друг к другу. Ну и что. Вот так» (Вейсал-киши, 78 лет). Кроме того, все оставшиеся или уже переехавшие

армяне и азербайджанцы, как правило, еще некоторое время работали совместно в одном колхозе или совхозе. «Когда я приехал (в Керкендж), здесь полдеревни армян было. Я сразу устроился на работу в Мадраса, в соседней деревне [также была населена армянами – Авт.]. < . . . > Директором колхоза здесь был армянин, все начальство в деревне были армяне» (Насиб, 45 лет). Точно так же в Кызыл-Шафаге приезжавших армян встречал директор совхоза, азербайджанец – Байрам Аллазов.

Собственно, директор и был человеком, который последним покинул Кызыл-Шафаг, практически уже полностью заселенный армянами. К этому моменту там были армяне, но серьезных конфликтов, как и в Керкендже, не случалось. «Нет, они очень уважали меня. Они уважали. . . Уважали, уважали. Из Калаханинского села, он (армянин) приехал в другое соседнее село Илмезли, где я раньше директором совхоза был. Он приехал в наше село, чтобы какой-то конфликт поднять. И здесь, которые отсюда (из Керкенджа) приехали к нам армяне, ему так сделали, хотели убить его. Они выгнали его из села! Знаете, они тоже очень политически подходили. Язык я общий с ними нашел. . . Чтобы не трогали они наше население. Это тоже большую ответственность я чувствовал на себе. Что до этого дня я их [азербайджанцев в Армении

– Авт.] держал. Вы знаете, это народ, если бы одного человека убили бы... До конца века скажут, что Аллазов Байрам держал до таких пор, что нашего человека убили. Поэтому я очень осторожно, очень осторожно... действовал» (Байрам Аллазов, 72 года).

Простые сельчане смогли найти, основываясь на повседневных понятиях о чести и справедливости, мирный выход из ситуации, в которой они оказались. Здесь всегда важным был личный контакт между людьми. Большинство соглашений между политиками и чиновниками в той ситуации не представлялись возможными. Но был весьма успешным сохранивший свою функциональную значимость до сих пор гражданский договор между двумя общинами. За каждым его пунктом, который и не нуждался в том, чтобы быть записанным и формально подтвержденным, стояли конкретные люди. Обоюдная заинтересованность, а также личная, в той или иной степени, но каждого члена этих общин ответственность за его исполнение гарантировали его успешную реализацию. Именно личные контакты между теми, кого ныне в официальных дискурсах репрезентируют как чуть ли не «непримиримые стороны конфликта», и способны продвинуть мирный процесс. Простые сельчане оказались вполне способны между собой договориться, а представителям власти нужно было

хотя бы им не мешать, а еще лучше – создавать условия для этих контактов.

«Армяне жили, жило несколько семей, оставшихся. Старики, так молодых не было. Правда, были молодые, но они тоже быстро уехали» (Мамедкиши, 68 лет). «Когда они (семья мужа) только переехали, здесь еще жила армянка, пожилая женщина. Они с ней еще долго жили вместе (в одном доме), почти два месяца. Пока она не уехала. Они ей помогли собраться, отравили ее» (Ирина-ханум, 41 год). Для всех этих людей, совершавших обмен, межэтнические отношения не имели фатального характера. Исключительным был процесс быстрого этноразмежевания. В привычном для них мире армяне и азербайджанцы всегда были плохими или хорошими, но соседями, коллегами, друзьями, а нередко и побратимами (кирвя). Они все еще привычно жили и общались друг с другом и в Кызыл-Шафаге, и в Керкендже, но время совместного проживания быстро приближалось к своему завершению. «Мы когда сюда переехали, здесь жила армянская семья. Мы с ними 12 дней жили в одном доме. Жили дружно. Перед их отъездом я им барашка зарезал. Мы всего 2-х баранов смогли с собой привезти. Одного я в их честь порезал, а второго решили приберечь на Гурбан байрам³⁹. А потом мой сын проводил их и вернулся домой. <...> Мы деньги добавили армянину, так как

39. Праздник жертвоприношения, один из важнейших для мусульман и всегда, в том числе и в советские годы, соблюдавшийся кызыл-шафагцами.

там мы дом не успели достроить. Мой сын вместе с ним посчитали сколько денег надо, чтобы достроить [и необходимую сумму добавили – Авт.]» (Закария-киши, 81 год).

Кызыл-шафагцы и керкенджцы, армяне и азербайджанцы, так или иначе, но чувствовали себя в одинаковой ситуации. И тем и другим приходилось покидать привычные места жизни, свои малые родины из-за конфликта, которого никто из них не желал и который не они разжигали. И в процессе обмена привычные доконфликтные соседские отношения еще сохранялись. Тем более что это был еще Советский Союз, о скором распаде которого пока никто из них даже и не задумывался. *«Армяне жили, некоторые уже переехали. Мы жили в доме вместе с армянской семьей целую неделю. Они ждали машину, КамАЗ для перевозки вещей. Машина приехала, вещи собрали, а через неделю уехали» (Захид-киши, 58 лет).* В эти дни имела место нормальная взаимовыручка людей, которых случайно свела горькая судьба. Практически во всех воспоминаниях, относящихся к этому недолгому периоду совместного проживания, всплывают вполне дружеские отношения с еще не уехавшими армянами. Никто из информантов и теперь после войны и долгих лет конфронтации не вспоминает период совместного проживания как из ряда вон выходящее событие.

Вместе они жили *«очень хорошо. Они [армяне, прежние хозяева дома – Авт.] даже еду готовили сами, ездили на базар, покупали продукты, ей (жене) не позволяли готовить еду. У нас дети были маленькие» (Захид-киши, 58 лет).* Воспоминания о той ситуации наполнены неподдельным чувством благодарности. Это было еще чувство солидарности в беде. Да и пока еще не была развязана страшная война, которая и до сих пор делает невостребованным опыт мирного разрешения конфликтов и совместного проживания. Те армяне, которые еще какое-то время прожили в деревне, помогали кызыл-шафагцам разобраться с хозяйством. *«Да, конечно, ей-богу, его жена была такой человек! Она все показала, и как с баней обращаться, с печкой и по саду, все показала, всему научила. <...> Да, она меня всему учила и как за виноградом ухаживать, и по саду, все показывала, объяснила» (Гюльшан-ханум, 52 года).* И даже, уже будучи в Кызыл-Шафаге, *«здесьние армяне там [в Кызыл-Шафаге после переезда – Авт.] сообщили, что в деревне живет один старик (Рамазан-киши), чтобы в случае чего к нему обращаться» (Земфира-ханум, 56 лет).* Этническое размежевание неуклонно набирало обороты, и даже жена Рамазана-киши, единственного из оставшихся в Керкендже из прежних жителей, уехала в Армению и *«умерла через три месяца после пере-*

езда. Из-за переживаний, здесь у нее все осталось – дети, дом. Это же тяжело! <...> Ей все говорили, не уезжай, мы все тебе поможем. Но она никак не соглашалась» (Рамазан-киши, 79 лет). «Она, кажется, в Шемаху поехала, там ей кто-то что-то сказал, испугалась она... После этого она больше не ездила, обидели ее что ли там. Но здесь, в деревне, ее никто пальцем не трогал. Наоборот, все интересовались, спрашивали у нее, что и как надо делать. Печь хлеб она нас учила. Вся семья ее здесь осталась, а она уехала. Ее дети, муж здесь остались» (Эльмира, 37 лет).

Однако так уж сложилось, что фон, на котором установился контакт между армянами и азербайджанцами, жителями двух деревень, был для всех безрадостным, но это обстоятельство не становилось непреодолимым препятствием для повседневных контактов. «Нормально мы каждый вечер с ними сидели, вместе бухали. Нет, проблем не было. Они даже учились у меня армянскому языку. Они знали, но у них акцент совсем по-другому был, чем у нас. Вот, как бы они учились этому акценту» (Насиб, 45 лет). Каждому предстояло покинуть привычный мир, и все готовы были делиться знаниями, которые могли пригодиться в новых условиях.

Ситуация обмена, когда в повседневных контактах они могли общаться друг с другом на двух языках, до сих пор вызывает у кызыл-шафагцев

окрашенные теплой иронией и некоторым удивлением воспоминания. «У этого армянина [с которым был произведен обмен домами – Авт.] четыре дочери было. Сына не было. Они приехали на мой дом посмотреть, зашли в дом. А я дом на славу построил, спасибо Байрам-муаллиму, мне с деревом помог! И дочери его между собой на своем языке говорят, а они так грубо на армянском говорили, и они говорят – хороший дом, давайте обменяемся. А я стою в стороне и спрашиваю их на армянском: вы учились? Они отвечают: баё! Да, две сестры окончили институт в Ереване, а две другие – без образования. И когда я с ними так чисто на армянском разговаривал, они мне говорят: эй кира, эй дядя, ты так чисто говоришь на нашем языке, а наш народ (керкенджцы) не может так говорить. У них грубо получается, понять ничего невозможно. Я сказал, что я много раз бывал в Ереване. А как они разговаривали на азербайджанском! В жизни не отличишь! Ох-ох! Как мусульманки разговаривали! Очень грамотно!» (Вейис-киши, 91 год)

Совместное проживание было недолгим. За пределами деревни, когда личные отношения уже не всегда были действенными, столкновения становились, видимо, неизбежными. «Да и жили вместе, да и в район мы ездили в одном автобусе. А потом в районе, в

Фото 34. «Вейис-киши, 91 год, ныне успешный фермер, последние 2 месяца в Кызыл-Шафаге жил вместе с переехавшими в село керкенджцами. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Румянцева

Шемахе одного армянина избили и уже после этого все армяне уехали, никого не осталось, испугались... Но здесь армяне жили. Многие обменялись домами, а те, кто не обменялся, они продали свои дома за деньги <...> продали и уехали». В пространстве же деревни это всегда было вполне мирное сосуществование. «Ничего, ничего такого не было... Недоразумений не было. Чтобы кто-то подрался или сказал что-то. Нет, такого не было. Они бы здесь все равно не остались, разве они бы смогли остаться? Клянусь Аллахом, научили нас печь хлеб в тьяндире [специфическая

печь, предназначенная, в основном, для приготовления хлеба – Авт.]. У нас не было тьяндир, мы даже не знали, что с ним делать, и откуда нам знать. У нас совсем по-другому. Мы хлеб пекли в печках. А жена Рамазана-киши, армянка, она нас научила, как печь хлеб в тьяндире. Она всех научила. А мы не знали тьяндир» (Эльмира, 37 лет).

Если последний азербайджанец, покинувший Кызыл-Шафаг, уехал из села 15 августа 1989 года, то пребывание армян в Керкендже было, видимо, несколько более долгим. Для некоторых, видимо, была непривлекательна сама мысль о переезде в Армению. «Примерно осенью [приехал в село из России – Авт.]. Здесь уже <...> обменялись. Она [армянка, хозяйка его теперешнего дома – Авт.] здесь жила еще, она даже в магазине работала здесь. Я пришел, говорю, давай обменяем. У нее сыновья, там где-то в... Ставрополе жили, или я не знаю, так она мне сказала. Даже она мне адрес давала <...> Давай я тебе адрес дам, чтобы... а я должен был на следующий день в Гянджу ехать. Она мне сказала, давай я тебе червонец отдам, и еще одна женщина (армянка) дала, они мне обе каждая по червонцу дали, чтобы оттуда телеграмму выслать в Ставрополь или куда, ну, в общем, (на Северный Кавказ. Ну, в общем, телеграмму туда вышли, что я скоро приеду, квартиру продам. Ну, я поехал, написал телеграмму, а в конце фамилию надо...

Авекенян (!) или как-то было [точно не помнит фамилию – Авт.]. Думаю, сейчас меня убьют на фиг. Я порвал, бросил обратно. На следующий день приехал, их нет уже. Они уже собрались и уехали куда-то. Я не видел. <...> Она не хотела обмениваться, она сама сказала, я в Армению не поеду. Деньги есть? 8 тысяч я отдал и сразу все, она уехала» (Мустафа, 40 лет).

Время совместного в процессе обмена проживания подошло к своему завершению осенью 1989 года. По воспоминаниям Рамазана-киши, оставшихся в Керкендже немногих армян «насилу выпроводили отсюда, они не хотели уезжать отсюда. Говорили, что это наша родина. Не хотели они уезжать отсюда. Их насилу отсюда вывезли. <...> Государство. Приеха-

ли автобусы, и их вывезли. В деревне оставалось около 10 человек, которые не хотели уезжать отсюда. Их посадили на автобусы и отправили в дорогу (через Дагестан)» (Рамазан-киши, 79 лет). Кто-то вспомнил, что «когда мы приехали сюда, здесь уже почти все разъехались. 1-2 человека жили. Вот здесь по соседству один жил, звали его Ваня и еще одна женщина учитель. Но они в спешке уехали и не успели продать свои дома. <...> Дома достались сельсовету. А потом уже эти дома достались тем, кто не смог обменяться» (Лейла-ханум, 67 лет). В ситуации нарастающей конфронтации отправку немногих оставшихся в деревне армян взяло на себя государство, и отныне в Керкендже жили азербайджанцы из Кызыл-Шафага⁴⁰.

40. Нужно также отметить, что в Керкендже, кроме единственного оставшегося из прежних жителей – Рамазана-киши, проживает еще и несколько семей азербайджанцев из деревни Ирганчай (Грузия).

7.2. Первые дни после обмена: армяне и азербайджанцы в Кызыл-Шафаге

Жизнь на новом месте, в селе Кызыл-Шафаг для армян Керкенджа и других мест Азербайджана, налаживалась постепенно. Этот процесс сопровождался изменением культурного, социального и физического пространства. Интересно было узнать о периоде совместного сосуществова-

ния армян и азербайджанцев в селе с мая по сентябрь 1989 г., что кажется неординарным явлением в конфликтной ситуации.

Поскольку переселение не происходило одномоментно, несколько месяцев переселившиеся армяне и азербайджанцы жили вместе. В мае 1989 г., как

А. Акопян

уже отмечалось, в селе Кызыл-Шафг появились первые армянские семьи из Керкенджа, и только к сентябрю последние азербайджанцы покинули село. Среди последних покидавших был, как говорили наши информанты, глава совхоза Кызыл-Шафага, который уехал на новоприобретенной машине “Жигули”.

Но до сентября 1989-го в селе вместе с переселившимися армянами продолжали жить азербайджанцы, и глава совхоза по собственным заявлениям уволил с работы азербайджанцев и принял на работу керкенджцев. При этом старались сохранять прежний статус работников, т.е. кто какую работу выполнял в Керкендже, стал делать то же самое в Кызыл-Шафаге. Но в отдельных случаях новая работа имела свои особенности, что было продиктовано уже новыми реалиями. Среди первых керкенджцев, обосновавшихся в селе и получивших работу, был наш «аксакал» и один из лидеров-организаторов обмена Р. Мартиросян, который устроился на работу на ферме. В это смутное время это было важным решением, поскольку нужно было, чтобы государственный скот не пострадал. Поэтому даже районные власти поощряли как можно более быстрое переселение. Еще до переезда, пока шли переговоры по обмену, районные власти уже предлагали Р. Мартиросяну быстро переселиться и устроиться на ферме, правда, в со-

седнем селе Михайловка, где жили азербайджанцы, которые уже начали уезжать. Как вспоминает информант, в гостинице к ним подошел представитель райисполкома и сказал: *«Слышали, что приехали. Давай в Михайловку, принимай ферму. Мы машину предоставим, вещи перевезут...»*.

Но он об этом даже слышать не хотел, потому что жить вместе с односельчанами было важнее. Когда он уже переселился в Кызыл-Шафг, его сразу позвали в контору, чтобы принял ферму. По сути, это было не случайно, что один из лидеров-организаторов обмена взял на себя ответственность за ферму, которая была главной хозяйственной единицей села. Как уже отмечалось, в процессе обмена между общинами стороны договорились также о государственных хозяйственных предприятиях (ферма, винзавод), о технике и т.п., чтобы стороны во время переселения сохранили и приняли это государственное имущество.

Как говорили информанты, к их удивлению в домах азербайджанцев все было пусто, они давно уже отвезли свои вещи в соседнее азербайджанское село Ирганчай в Грузии. *«Я пришел, чтобы в доме остаться. Вижу, для меня постель готовят, а у самих постели нет. Все перевезли в селения Грузии...»*, – вспоминает информант, который в мае 1989 г. окончательно переехал Кызыл-Шафг.

Как уже было сказано, до сентября 1989 г. азербайджанцы Кызыл-Шафага и переселившиеся сюда армяне Керкенджа жили в селе вместе. Об этом периоде вспоминает наш информант [муж. 1926 г.р.], который был среди первых обосновавшихся керкенджских армян в Кызыл-Шафаге. *«[Азербайджанцы] про меня говорили между собой, что я хороший аксакал. . . Например, когда я переехал, в магазине женщина-[азербайджанка] работала, ее свекор был /.../ аксакалом [участником переговоров – А.А]. В первый раз когда меня увидела, спросила: «Если я в ваше село приеду, меня убьют, да?» Ее свекор сказал ей: «Пустые вещи не говори». Потом, когда я в магазин заходил (дети тогда еще не приехали), даже если там было 1000 человек, она говорила: «Даи [дядя], что тебе нужно? Ты иди себе. Скажи, что хочешь, я в дом отправлю». Вот так». Наш собеседник даже провожал одну из последних азербайджанских семей до границы. По словам информанта, поскольку в селе уже все были армяне, глава семьи боялся один среди них проходить. Тут и понадобилось сопровождение.*

Среди первых армянских жителей села была бакинка Н. По ее словам, когда она переехала в село, там было несколько семей керкенджцев, остальные были азербайджанцы. Здесь она и услышала, что село поменяли на село и

скоро сюда придут армяне Керкенджа. Она не боялась азербайджанцев, поскольку несмотря на то, что их в селе в то время было больше, все равно, по ее словам, *«мы были здесь уже «своими», а они – «чужими».*

В Кызыл-Шафаге обосновались также керкенджские семьи, которые давно уже жили в Баку или в Средней Азии. Среди них были такие семьи, где муж, например, был родом из Керкенджа, а жена из другого места Азербайджана. Такие семьи переселились из Кызыл-Шафага по родственным связям.

Фото 35. «Утварь для коллективных мероприятий, привезенная из села Керкендж. Село Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.»
Фото А. Акопяна

Жизнь на новом месте для керкенджцев устраивалась параллельно с обменом. Приезжали керкенджские семьи, выезжали азербайджанские. В этот период случалось, что даже после переселения нужно было по каким-то делам отправляться обратно, чтобы забрать пенсионные документы, оставленные вещи и т.п. Например, жена одного нашего информанта, пожилая женщина, осталась в Керкендже даже после переселения мужа в Кызыл-Шафаг, поскольку была учительницей в школе, и надо было заканчивать учебный год. Когда в их доме уже обосновалась азербайджанская семья, она познакомила нового хозяина с «нужными» людьми в Шамахе, т.е. с теми, к кому надо обращаться, например, если телевизор не работает, сообщила, где можно приобрести необходимые продукты и товары и т.д.

В процессе переселения особое место занимают те вещи и символы, которые характеризовали их единство, память, историю. Это явление уже свидетельствует о тенденциях трансформации культурного пространства. В августе 1989 г. наш информант сопровождает машину с вещами азербайджанцев из Кызыл-Шафага до Керкенджа. Как говорил информант, об этом его попросил директор-азербайджанец совхоза. В машине была также палатка кызыл-

шафагцев для коллективных мероприятий (свадеб, поминок). А из Керкенджа наш информант привез посуду и утварь, которые использовались в Керкендже в аналогичных целях. Но ему не удалось привезти машину брата жены, которую он оставил в гараже дома в Керкендже, сообщив об этом новому домовладельцу. Он не нашел там машины, а хозяин скрылся от него. Поэтому он даже за стол не сел в этом доме и не ночевал там: *«Ваш хлеб не съедобный, вы не люди...»*, – сказал жене хозяина наш информант. *«Там был хороший человек [азербайджанец – А.А.] по имени Васил. На ночь у него остался»*, – вспоминает наш собеседник.

Одним из символов Керкенджа был бюст Симона Закаяна, который находился в школе. Уроженец Керкенджа, он был первым командиром армянской 89-й Таманской дивизии и погиб во время Великой Отечественной войны. Герой войны является гордостью керкенджцев. До недавнего времени бюст находился в доме М.М. в Дзюнашохе. Но после перепродажи дома, когда дом начали сносить, бюст остался под обломками.⁴¹

Надо отметить, что для керкенджцев, которые обосновались в Кызыл-Шафаге/Дзюнашохе, вначале трудно было заниматься скотоводством, потому что их основным хозяйственным занятием в Керкендже

41. Во время моей поездки в Дзюнашох в июне 2007 г. поврежденный бюст нашелся под обломками дома.

было виноградарство. А на новом месте основным занятием являлось скотоводство и в меньшей мере овощеводство (картофель). Поэтому вначале шел активный процесс усвоения и привыкания к новым хозяйственным условиям. В этом процессе были «задействованы» также азербайджанцы, поскольку тогда в Кызыл-Шафаге как раз совместно жили азербайджанцы и пришлые армяне. В это время происходил активный процесс обмена опытом. В основном, советы получали от тех, с кем обменивались домами: *«Когда мы переселились, было лето, у них уже была засеяна картошка, они [азербайджанцы – А.А.] показали и научили, как ее обрабатывать. А на следующий год уже мецаванцы [соседнее армянское село Мецаван – А.А.] были рядом, поселившись поблизости, они научили нас некоторым тонкостям. Очень многому у них научились... как сеять пшеницу».*

Многие женщины, в основном городские – бакинские, не умели доить

коров: *«Я вместе с [азербайджанками] доила коров со слезами на глазах».* Керкенджцы переняли у азербайджанцев и сохранили еще и опыт и некоторые тонкости обработки молока: *«Ну мы тоже знали, как делать масло, мы делали по-своему, но их способ удобнее, масло лучше получается. Мы делали масло в глиняных сосудах, которые катили по полу со стороны в сторону, а у них сосуд был подвешен с потолка, как качели».*⁴² По словам другой информантки, она *«вместе с [азербайджанцами] доила коров, мы вместе доили. У [азербайджанца] научились, как делать сыр».*

По словам керкенджцев, они в свою очередь дали азербайджанцам Кызыл-Шафага советы по виноградарству, чтобы они там, в Керкендже, смогли бы обрабатывать виноград. Но, как отмечают наши информанты, азербайджанцы не смогли освоить тонкостей виноградарства и поэтому позже снесли все виноградники и на их месте засеяли пшеницу.

42. Оба способа получения масла известны в армянской традиционной культуре и во всем регионе. См. Armenian Folk Arts, Culture, and Identity. Edited by L.Abrahamian and N.Sweezy. Indiana University Press, 2001. P. 113-125.

ГЛАВА 8. ЖИЗНЬ НА НОВОМ МЕСТЕ

А. Акопян

8.1. Дзюнашох

После переселения армян Керкенджа в Кызыл-Шафаг важным вопросом становится приспособление к новым условиям жизни. Переселенцы оказались в Армении, их «этнической родине», в бывшей азербайджанской деревне в конфликтной ситуации 1988-1989 гг. Притом они оказались на новом месте не добровольно, а вынужденно. Все эти факторы влияли на особенности трансформации социального и культурного пространства после переселения. Приоритетными стали вопросы формирования новой власти в Кызыл-Шафаге. Как показывают материалы, здесь тоже проявляется инициативность и самоорганизованность керкенджцев. Например, как уже говорилось, они отвергли кандидатуру на пост директора совхоза человека, у которого была плохая репутация, хотя он и пользовался поддержкой районных властей.

Селом руководили беженцы-армяне. Как говорили в селе, районные власти не вмешивались в процесс выборов и кадровые вопросы, так что всё решалось по усмотрению сельчан. Например, Д. Давтян, один из

старейшин села, стал председателем сельсовета, а потом на пост главы администрации трижды избирали Авага Варданяна. А.Варданян, как мы уже знаем, был авторитетной личностью не только в селе, но и во всем районе. Как говорили информанты, он был как бы «хранителем» села и боролся за его будущее. Он также был «гарантом» сохранения азербайджанского кладбища в селе, играл важную роль в самоорганизации общины еще в 1988 г. Он уже был лидером де-факто, когда стал лидером де-юре, взяв на себя официальную ответственность. Но эта ответственность имела и другой смысл, это была ответственность перед «памятью» и «настоящим», и А. Варданян прекрасно выполнил свою миссию. Аваг как бы воплощал традиции, память и настоящее Керкенджа и керкенджцев. По словам одного из информантов, если в России или где-то еще у кого-то из керкенджцев что-то произошло, через полчаса все село узнало бы об этом, благодаря Авагу.

На страницах районной прессы к осени 1989 г. появляются заметки, ста-

ты о жизни армян-беженцев в бывших азербайджанских селах. В этом контексте упоминается также Кызыл-Шафэг со своими проблемами.

Вот как описывал ситуацию в Кызыл-Шафаге осенью 1989 г. на страницах районной газеты «Аревацаг» («Заря») и.о. председателя исполкома сельсовета Кызыл-Шафага Д. Давтян. По его словам, в село приехали около 700 человек. Прежние руководители села и совхоза ничего не делали для решения бытовых проблем. Дороги были плохие, в селе имелось всего три телефона. Были проблемы с обеспечением совхоза рабочей силой. В статье отмечается, что среди кызылшафагцев 180 пенсионеров, а бакинские армяне, которые переселились в Кызыл-Шафаг, работают на промышленных предприятиях Калинино (райцентр) и села Мецаван. Автор подчеркивает, что людям было роздано 200 тонн угля и 150 кубометров дров, но необходимо еще 200 тонн угля. По его данным, в личных хозяйствах очень немногие держат скот. А школа села нуждается в преподавателях армянского языка и химии. Проблемы с горючим и стройматериалами, как разъяряют районные власти, связаны с блокадой республики со стороны Азербайджана, и поэтому их доставка опаздывает.⁴³

Как мы уже отметили, трансформация культурного пространства на-

чалась уже в процессе переселения, когда керкенджцы привезли с собой те вещи и символы, которые были для них значимы. Если посуда и утварь как бы материально характеризовали общность и продолжение традиции, то бюст С. Закяна приобрел важное символическое значение на новом

Фото 36. «Святой камень на холме около Ванка. Село Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

месте. С помощью этого символа они пытались сконструировать новую керкенджскую реальность (переименование села, школы).

Одним из важнейших элементов трансформации культурного пространства явилось переименование села. Сразу же после переселения в Кызыл-Шафаг для керкенджцев актуальным становится сохранение памяти об их родном селении. Как первый шаг к этому они предлагают переименовать селение в Керкендж. Как говорил один из информантов, был даже готов щит-указатель с названием Керкендж для установки

43. «Аревацаг», орган Калининского РККП Армении и Совета народных депутатов, 1989, № 136.

44. Полевые материалы, с. Дзюнашох, 2006. См. также. Аветян Наринэ, Армения: с родины на родину, IWPR № 318, 9 декабря, 2005.

45. «Аревацаг», 1989, N 116.

46. «Аревацаг», 1989, N112, 116.

47. Западная Армения – историко-культурное понятие, которое относится к восточным районам современной Турции, где до 1915-20 гг. компактно жили армяне. Армяне Калининского района – переселенцы из Западной Армении, они обосновались в районе в основном в XIX веке.

48. «Аревацаг», 1989, N 116.

49. «Аревацаг», 1989, N 127.

перед входом в село. Но районные власти отвергли это предложение, поскольку не понимали, что означает название Керкендж, думали, что это неармянское слово.⁴⁴ Поэтому предложение переименовать Кызыл-Шафаг в Керкендж не прошло. Нам неизвестна научная этимология названия Керкендж, но керкенджская народная этимология объясняет это слово как поселение суровых и твердых людей.

Примечательно, что уже в 1989 г. на страницах районной прессы начинается дискуссия о переименовании района (Калининский) и ряда населенных пунктов, которые имели советские или тюркско-азербайджанские имена (те же Калинино, Кызыл-Шафаг и др.). В этом контексте предлагалось Кызыл-Шафаг переименовать в Кармир Аршалуйс (Красная Заря), т.е. просто перевести азербайджанское название Кызыл-Шафаг на армянский. Интересно, что вначале село Кызыл-Шафаг называлось Джуджакяндом. В одной из газетных статей указывается, что в 1950-е гг. советское хозяйство переименовали в Кармир Аршалуйс, но поскольку азербайджанским жителям села было трудно произносить новое название, его перевели как Кызыл-Шафаг.⁴⁵

Предлагались и другие варианты. Например, Талворик⁴⁶ – в память поселения в Западной Армении⁴⁷, Нора-

мут, Нораван⁴⁸ (т.е. Новое Поселение), Новый Вардашен – в память о районе Вардашен Аз.ССР, где жили армяне⁴⁹. Интересно, что эти названия предлагали местные жители – чиновники райисполкома, учителя, коллектив трикотажной фабрики Калинино.

В этом контексте очень интересно коллективное письмо керкенджцев на страницах газеты «Аревацаг», где они предлагают переименовать село Кызыл-Шафаг в Залян – в честь своего односельчанина, героя Великой Отечественной войны Симона Закяна.

В письме говорится, что в силу известных событий «мы вынуждены были оставить наше поселение и сейчас находимся на родной земле.... Большинство жителей Кызыл-Шафага переселилось из села Керкендж Шамахинского района Азербайджанской ССР. На страницах вашей газеты были разные предложения о переименовании села. Но мы хотим назвать ее Закяном в память полковника Симона Закяна, который родился в селе Керкендж. С. Закян в 1918 г. участвовал в обороне Бакинской коммуны, после этого активно сражался за установление Советской власти в Азербайджане, в Армении, в Грузии. Потом, получив военное образование, был первым командиром 89-ой армянской дивизии. В начале 1942 г. был назначен командиром 390-й армянской стрелковой дивизии, сформировавшейся в Крыму,

и вступил в бой против врага в Керчи. Погиб от тяжелых ранений, полученных в неравном бою. Захоронен в парке им. Кирова в Ереване, где стоит его памятник. Посмертно был награжден орденом Ленина». Керкенджцы пишут, что хотят увековечить светлую память героя войны, назвав село его именем. Под письмом подпись: «Группа жителей села Кызыл-Шафаг».⁵⁰

Районные власти это предложение не поддержали. Как говорил один из информантов, районный чиновник тогда намекнул на то, что сейчас времена изменчивые, чтобы по фамилии называть, кто может сказать, что будет в будущем... Это происходило в последние годы существования СССР, и чиновник, очевидно, имел в виду именно политическую обстановку. Примечательно, что по этим вопросам в селе было созвано собрание, в котором участвовали также представители районной власти. У керкенджцев была идея назвать именем С. Закяна сельскую школу, но эта идея тоже не осуществилась. По данным администрации села, в настоящее время в школе учатся всего 48 учеников.

Чуть позже село Кызыл-Шафаг было переименовано в Дзюнашох (что можно перевести с армянского как «сияющий снег»). Но об этом сельчане узнали уже из постановления властей, специальных общественных обсуждений по этому поводу не было. Так коммунистическую

Красную Зарю (Кызыл-Шафаг) заменил посткоммунистический Сияющий Снег (Дзюнашох). Это переименование знаменует не только смену хозяев села, но также и смену эпох.

Вскоре, когда в Армении начались реформа земли и приватизация сельского хозяйства (1991 г.), дзюнашохцы тоже оказались вовлечены в этот процесс, приватизируя скот, угодья и пастбища. Совхоз и колхоз сменили частные хозяйства, и эти перемены коснулись всех. Сейчас сельчане, будучи собственниками, имеют свой скот, пастбища и т.п.

Начиная с 1993 года, керкенджцы стали активно уезжать из села. Миграция была связана с экономическими и социальными проблемами, с энергетическим и продовольственным кризисом в Армении в эти годы. Керкенджцы обосновались, в основном, в городе Георгиевске, на Северном Кавказе (Ставропольский край РФ),

50. На имя полковника Заканя, «Аревацаг», 1989, № 127 (на арм. яз.).

Фото 37. «Банк: часовня Св. Геворга на холме. Село Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

где жили их родственники и знакомые. В Георгиевске еще в советские годы обосновались керкенджские семьи. Позже, начиная с 1988 г., многие керкенджские семьи из Азербайджана также нашли пристанище в этом северокавказском городе. Помимо Георгиевска, керкенджские семьи проживают также в Днепропетровске (Украина), есть семьи и во Франции.

Как уже отмечалось, после переселения керкенджцы оказались в новой социальной среде, как в смысле окружающих сел, так и в самом селе. Дело в том, что в селе обосновались также бакинские армяне, несколько семей из соседнего села Мадраса и др. В первые годы, как вспоминают информанты, происходили ссоры, например, с «карабахскими» армянами, т.е. бакинскими армянами, которые были родом из Карабаха⁵¹, скажем, по поводу того, как организовать свадьбу, похороны, чьей традицией руководствоваться.

Освоение нового пространства шло не только на общинно-коллективном уровне (например, переименование села), но также на индивидуальном. Понятно, что армянские семьи обосновывались в домах, где раньше жили азербайджанцы. Это и определило закономерности трансформации жилой среды. Первое, что изменяется, это цвет стен, поскольку прежние цвета называют

еще цветами «турок». Азербайджанцам была присуща внутренняя отделка дома с использованием ярких цветов – темносинего, зеленого, красного. Переселенцы находили эти цвета безвкусными и депрессивными и старались их скрыть – кто заново перекрашивал стены, а кто клеил их чем мог. Это было характерно и для других армян-беженцев, переселенцев, которые начали жить в бывших азербайджанских селах.⁵²

Как показывают материалы, те армяне, которые переехали в село из других мест (соседнее село Мецаван в Грузии), символически освящали дома, прежде чем заселиться. Перед тем как заселиться в купленные в Дзюнашохе дома азербайджанцев, они зажигали свечи, приглашали священника, чтобы провести обряд освящения дома.

Приезжие армяне часто меняли также фасад дома. Для азербайджанских домов была характерна застекленная веранда. Керкенджцы, для которых здешняя зима оказалась суровой после прежнего жаркого климата, перестраивали и застраивали веранду каменной стеной.

Когда в селе жили азербайджанцы, на каждый двор, который включал пять-шесть семей, была одна пекарня, а по всей деревне их было несколько. В этих печах пекли хлеб. После переселения культура выпечки хлеба тоже изменилась. Это повлекло изменение

51. Те бакинские армяне, которые родом из Керкенджа, относятся к керкенджцам.

52. Харатян Л. «Новые» образы «старого» пространства (Модели культурного освоения «чужого» пространства на примере армян-беженцев, проживающих в Вардениском районе Армении), статья для сборника стипендиатов Фонда Генриха Белля, 2006.

индивидуального пространства и переустройство дома. У керкенджцев традиционно в доме обязательным был свой тонира. Когда они обосновались в селе, то сразу же начали строить свои тониры. *«К их пекарням мы не смогли приспособиться, на следующий же год уже стали строить свои тониры»*, – говорит информант. Изготовление тонира имело свои секреты и тонкости, но в селе было несколько старых женщин, которые владели этими секретами, и поэтому особых трудностей не возникало. Сейчас в селе живет только одна старушка, которая помнит все тонкости.

Так посредством цветовых изменений, переустройства домов керкенджцы трансформировали дома азербайджанцев, делали их «своими».

В физическом пространстве села особое место занимают «памятники», т.е. святилища, кладбища, которые также организуют культурное, соци-

альное пространство местности, дают возможность проследить трансформацию культурного ландшафта. В этом контексте интересно проследить функциональные и смысловые изменения памятников и связанного с ними ландшафта. Как уже отмечалось, одним из неординарных условий обмена между общинами было взаимное сохранение кладбищ. До сих пор в прежнем Кызыл-Шафаге, т.е. нынешнем Дзюнашохе, азербайджанское кладбище сохраняется. Сохраняются не только кладбище, но и ворота, ограждения, деревья. *«На азербайджанском кладбище можно увидеть надписи на арабском и более поздние надписи кириллицей наряду с портретами усопших»*.⁵³ Понятно, что кладбище не функционирует и как бы превратилось в памятник истории, по крайней мере, для жителей села.

Но у кладбища есть еще и очень важная специальная функция. Кер-

Фото 38. «Азербайджанское кладбище в селе Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

Фото 39. «Азербайджанское кладбище в селе Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

53. Аветян Наринэ, Армения: с родины на родину, IWPR № 318, 9 декабря, 2005.

54. Аветян Наринэ, Армения: с родины на родину, IWPR № 318, 9 декабря, 2005.

55. За 20 лет после обмена с кладбища пропали два – три надгробья. По словам керкенджцев, это было обычное воровство, и случилось оно сразу же после переселения. Керкенджцы сами организовали расследование по этому поводу и выяснили, что следы воров уходят за границы района.

56. Дзюнашох находится близ границы между Арменией и Грузией, а Керкендж – в глубине Азербайджана.

57. По просьбе керкенджцев азербайджанцы сняли на видео село и армянское кладбище и кассету переправили керкенджцам.

58. В азербайджанском селе Ирганчай в Грузии есть много родственников и знакомых кызыл-шафагцев, а поскольку дзюнашохцы, как соседи, часто общаются с ирганчайцами, поддерживать индивидуальные связи с кызыл-шафагцами не так уж трудно. Село Ирганчай является, по сути, связующим звеном между Керкенджем и Дзюнашохом.

59. Это святилище не является могилой Б. Айрапетова, чье имя высечено на камне возле святилища. Просто он и его семья, по словам керкенджцев, уживали за святилищем, и именно поэтому еще в советские годы был установлен камень с именем.

кенджцы отлично знают о договоренности, которой уже 20 лет. Между тем они осознают, что сохранение этого кладбища гарантирует сохранение их кладбища в Керкендже, несмотря на то, что у них мало возможностей узнать о состоянии их кладбища в Керкендже по сравнению с азербайджанцами Кызыл-Шафага, которым проще посетить пограничное село Дзюнашох. Поэтому азербайджанское кладбище Дзюнашоха как бы наминает им о кладбище Керкенджа, тем самым и об истории обмена, и о самом Керкендже. Следовательно, оно является активным фактором поддержания памяти. Активным, потому что все время надо вспоминать о договоренности, об обмене, о Керкендже и об армянском кладбище там.

Механизмом передачи условий о сохранности кладбищ являются устные рассказы об этом. По словам молодого информанта, он об этом узнавал, когда еще был подростком. Люди рассказывали, и это осело в памяти. Теперь он знает, почему надо сохранить кладбище. По рассказу информантов, несколько лет назад кто-то из местных армян, не зная о договоренности, хотел срубить одно дерево на кладбище, но керкенджцы не позволили. Был и другой случай: *«В прошлом году из внешней ограды кладбища выпало несколько камней,* – рассказала 74-летняя Назик Арутю-

нян. – *Все село собралось и восстановило ограду. А когда от одного надгробного камня отпал портрет, сам председатель размешал раствор и поставил его на место»*.⁵⁴ Стоит отметить, что особых усилий на то, чтобы сохранить кладбище, и не требуется, поскольку местные армяне тоже толерантно относятся к нему.⁵⁵ Армянское же кладбище Дзюнашоха находится напротив азербайджанского кладбища, немного дальше.

Для керкенджцев, по понятным причинам,⁵⁶ основным источником информации о селе и о кладбище является видеокассета⁵⁷, которой уже 11 лет, а также общение с кызыл-шафагцами и ирганчайцами⁵⁸. Иногда во время таких встреч знакомый азербайджанец говорит, что с кладбищем в Керкендже все в порядке. Керкенджцы знают, например, что тот азербайджанец, который снес металлическую ограду святилища в селе, сразу же умер, и после этого забор поставили обратно.⁵⁹

Примечательно, что визиты азербайджанцев в Дзюнашох по разным причинам (оставленные вещи, за документами и т.д.) начались сразу же после переселения. Например, как рассказывает информант [муж. 1935 г.р.], однажды ночью кто-то постучал в ворота. Он вышел и увидел сына прежнего домовладельца Ш. Информант предложил ему зайти, но ночной гость

сказал, что боится армян, и не зашел. А пришел он, чтобы забрать оставленную здесь собаку. Причины бояться армян у ночного гостя действительно были, поскольку он принимал участие в погромах армян в Сумгаите в 1988 г. Об этом нашему информанту рассказывал отец этого парня, с которым наш информант поменял дом. На последней встрече во время обмена он подарил кинжал нашему информанту. Может быть, таким образом отец хотел испкупить вину сына?

Одним из важных памятных мест является святилище – часовня (ванк), которая имеет важное символическое и функциональное значение в культурном и социальном пространстве села. Очередность слов “святилище” и “ванк”⁶⁰ не случайно, поскольку дает возможность проследить “развитие” и трансформацию памятника в физическом и культурном смысле, а также процесс “освоения” в постперселенческий период. Надо отметить, что на холме при входе в село еще с “незапамятных” времен находилось святилище-камень.⁶¹ Это святилище почиталось азербайджанцами Кызыл-Шафага, соседнего села Ирганчая, а также армянами Мецавана и Калинино.

На холме, чуть ниже, находился “дом муллы”, который иногда назывался “мечетью”, т.е. молебным домом для мусульман.

После обмена на холме около священного камня появляется маленькая часовня – “ванк”, но символической и смысловой “осью” для его построения тем не менее являлся камень. Как все это было? К сожалению, человека, который построил часовню, уже нет в живых. Он был армянином из соседнего села Мецаван. Волею судьбы уже в солидном возрасте он женился на беженке-армянке из Баку (тоже в зрелом возрасте), которая после замужества своих дочерей осталась одна. Рассказывает жена: *“Мои девочки вышли замуж, и я осталась одна... Познакомилась с моим будущим мужем. Он франк⁶², кстати... И переехал сюда жить. Он жил в Мецаване [до переезда – А.А.]. Ему нравилось это село...”*. Жена вспоминает, что когда они жили здесь, в 1993, 1994, 1996 гг. даже из Ирганчая, из Мецавана люди ходили в это священное место и возле священного камня совершали обряды – зажигали свечи, приносили жертвоприношения и т.п. По рассказу нашей информантки, даже азербайджанцы с Ирганчая приезжали и говорили, что это очень сильное святилище. Муж информантки, человек местный, говорил, что когда-то давным-давно здесь был «ванк», потом его разрушили, еще до советского времени, а священный камень остался. Информантка предложила мужу построить «ванк» на этом месте. Вначале он не решался, но потом загорелся желанием. Поговорил со знакомыми каменщика-

60. «Ванк» (монастырь – арм.). Так называли информанты это святилище. Это была простая небольшая прямоугольная постройка, которая свойственна народной христианской религиозности в армянской действительности. Создание таких святилищ обычно связано с вещими снами, обетами.

61. Примечательно, что когда шли переговоры между лидерами Керкенджа и Кызыл-Шафага об обмене, застолье старейшин состоялось также на этом месте, на вершине холма около священного камня.

62. Армян, принявших католичество, в простонародии называют «франками». Многие армяне даже не знают, что «франки» – католики. Зачастую случается, что даже сами «франки» не знают о своем католичестве и для совершения церковных обрядов ходят в приходы Армянской апостольской церкви. Нередки случаи, когда они крестят своих детей в Армянской апостольской церкви, но все равно в обиходе их могут называть «франками».

ми, обратился к священнику за советом, рассказав о предании. Потом все вместе (включая даже азербайджанцев с Ирганчая) обошли местность и в развалинах одной постройки, а именно «дома муллы», нашли камень с крестом, *«значит, предание – правда!»*.

Началось строительство. Сперва строили как в «старые времена», без цемента, при помощи глины, но пошел такой ливень, что невысохшая глина не удержала стены, и пришлось использовать цемент. Специально использовали те камни, которые были в развалинах у подножья холма, потому что считалось, что это камни старой церкви. Сельчане активно участвовали в строительных работах. Торжественное открытие церкви состоялось в сентябре 1997 г. Примечательно, что в церемонии открытия участвовали музыканты-азербайджанцы из соседнего села Ирганчай.

Интересно, что по рассказу другого информанта, на вершине холма некогда стояла церковь, которую разрушили, а из камней построили «дом муллы». Так что сейчас церковь восстанавливается именно из тех камней.

Церковь как бы становится аргументом для утверждения, что здесь раньше, в «старые времена», жили армяне. Это вписывается в современный контекст в том смысле, что церковь легитимизирует «арменизацию» села. Благодаря армянам-переселенцам

происходит «восстановление истории», так что «переселенцы» оказываются связанными с «общей историей», с местностью и становятся важными акторами «современности» и «истории».

«Банк» был освящен и стал носить имя Св. Геворга (Георгия). Примечательно, что имя отца-инициатора постройки тоже было Геворгом, и иногда сельчане в шутку говорят, что он построил «банк», чтобы замолить свои грехи.

Новая церковь постепенно приобрела важную символическую и функциональную значимость. Там, в частности, стали венчаться новобрачные Дзюнашоха. Она постепенно становится культурным центром села. Одним из важных мероприятий, которые организовывались вокруг нового символа, явился армянский традиционный праздник Вардавар. Его инициировал прежний староста А. Варданян. Интересно, что до переселения керкенджцы не праздновали этот праздник и только в Кызыл-Шафаге заложили традицию празднования Вардавара, поскольку в соседнем селе Мецаван в этот день устраивается большой праздник, в котором участвуют и многие дзюнашохцы. Как говорил один из информантов, *«молодежь обычно в этот день ходит в Мецаван, но взрослые нет»*, хотя другой пожилой информант-керкенджец рассказывал, что он с удовольствием участвует в этом празднике в Мецаване.

После смерти А.Варданяна Вардавар в Дзюнашохе перестали отмечать, а дзюнашохцы в этот праздничный день идут в село Мецаван, где устраиваются ярмарки, выступают народные циркачи и т.п. Примечательно, что совместное празднование и другие мероприятия вообще предлагались «сверху» как способ преодоления отчужденности между местным населением и беженцами⁶³, однако в данном случае этот механизм возник «снизу».

Празднование другого народного религиозного праздника, о котором керкенджцы узнали в Армении и который отмечается в феврале, Трндз, тоже инициировал прежний глава администрации, и сейчас молодые керкенджцы стараются поддержать новую традицию.

До переселения керкенджцы отмечали Пасху не в день, принятый Армянской апостольской церковью, а в фиксированный день второго мая⁶⁴. Это был всеобщий праздник, все коренные жители села в этот день обязательно приезжали из разных мест, чтоб отпраздновать: *«В этот день в нашем селе был большой праздник, все стекались из разных уголков, обязательным было посещение кладбища»*. Обычай красить пасхальные яйца керкенджцы утратили, однако *«вот это поменялось здесь, раз уж твой сосед франк красит яйца в этот день, то и ты вынужденно подстраиваешься»*. Обычай же посещать кладбище вто-

рого мая, отмечаемого как поминальный день, до сих пор сохраняется.

Неподалеку от села, куда переселились беженцы из Керкенджа, расположено большое село Мецаван (прежнее название Шахназар), через которое пролегает дорога в райцентр. Поначалу с его жителями складывались достаточно конфликтные отношения как между «местными» и «приезжими». С мецаванцами происходили даже частые стычки: *«они сами приходили к нам в деревню на какие-то разборки»*.

Мецаванцы о дзюнашохах обычно говорят «приезжие». Иногда в конфликтных ситуациях случалось, что говорили даже «турок», что является большим оскорблением для керкенджцев. Как говорил один информант-керкенджец, на их (мецаванцев) диалекте слово «приезжие» звучит грубо, но они (мецаванцы) под этим ничего оскорбительного не подразумевают.

Столкновение двух сообществ часто приводит к «разборкам» на исторические темы. Если иметь в виду, что в Мецаване живут армяне-католики, которые называют себя «франками», то исторические споры получаются довольно острыми и интересными. «История» становится актуальной частью обоснования и объяснения настоящего. В ответ на то, что дзюнашохцы «пришлые», керкенджцы говорят, что сами мецаванцы тоже «пришлые», имея в виду, что их предки переселились сюда из Западной

63. Культурный диалог во имя гармоничного сосуществования” проект NGOC/UNHCR (1998 г., под рук. Г.Петросяна); см. также: Марутян А. Роль коллективной и исторической памяти в диалоге культур: возможность или преграда? (рукопись).

64. Дело в том, что армяне Азербайджана в советское время второго мая ходили на кладбище с крашеными яйцами, тем самым олицетворяя пасхальный праздник с советским первомайским. До сих пор беженцы-армяне из Азербайджана в странах своего проживания отмечают этот праздник, воспринимая его как Пасху.

65. Во время нашего пребывания в деревне в 2006 г. староста села погиб при автокатастрофе.

66. Первый подобный случай произошел в 2006 г., и об этом в селе рассказывали много смешных историй.

Армении, из Турции. Интересно, что об истории мецаванцев они узнали от самих мецаванцев: *«Они сами говорят, что переселились сюда из Турции».*

Обозначение «франк» служит для керкенджцев веским аргументом против обвинений их в «неармянскости». Переселенцы говорят, что сами мецаванцы не армяне, а «франки». О «франках» они узнали тоже здесь. Надо отметить, что ни переселенцы, ни мецаванцы не осознают подлинного смысла слов «франк», «католичество» и т.п. Про католичество мало кто знает и может рассказать, а о слове «франк» бытуют разные легенды и истории.

Надо отметить, что указанные противоречия уже стали сглаживаться. Поскольку Дзюнашох имеет обширные пастбища и сенокосные угодья и условия для скотоводства там более благоприятные, то многие жители Мецавана купили дома в этой деревне и поселились здесь. В восприятии переселенцев жители соседнего села разные: *«Даже если раз в год бросят нам в адрес «турок» – это большой удар для нас. Они обзывают нас турками, забывая, что они франки, они даже не знают, что это обозначает, не знают своей истории, откуда они родом. Мы только знаем, что они – католики».* Примером хорошего сельчанина является семья молодого старосты села – «франка», который был избран главой администрации Дзюнашоха, о котором все сельчане хорошо отзывались.⁶⁵

Следует также отметить, что вначале родственные отношения между переселенцами и местными устанавливались с трудом. Керкенджцы неохотно выдают своих девушек за мецаванцев. Наши информантки отмечали, что *«если не соглашаешься отдать девушку, они крадут невесту, это у них обычная практика, а у нас это самая последняя подлость <...> вот такие вещи для нас дико, к таким вещам трудно привыкнуть».* Правда, позже к обычаю «кражи невесты» керкенджцы приспособились и уже сами начали красть невест из Мецавана.⁶⁶

Браки между жителями двух сел постепенно становятся привычными: *«В нашем селе почти не осталось девушек, вот сейчас сын из армии вернется, кого взять в невестки? Хочешь не хочешь, вынужденно выберешь невестку из соседнего села франков».* Примечательно, что родственные отношения продолжают устанавливаться также с жителями – прежними соседями – из армянских сел Азербайджана (Мадраса, Калаханы), которые проживают в Армении в разных местах и довольно далеко.

И у мецаванцев, и у керкенджцев есть свой специфический и выраженный диалект. «Неармянскость» мецаванцев выражается также в нежелании говорить на литературном армянском: *«Они даже урок в школе хотят рассказывать на своем диалекте, они намного меньше владеют армянским,*

чем мы, хотя и жили в Армении». «Наш диалект претерпел большие изменения в сторону литературного армянского <...> Могу чисто говорить на их диалекте, но не буду, пусть они говорят на нашем, в нашей деревне нас большинство, пусть они учатся нашему диалекту». По мнению одного информанта, в диалекте мецаванцев имеется много турецких слов.

Русскоязычные переселенцы Дзюнашоха, в основном бакинцы, упрекают мецаванцев и в том, что они не могут как следует говорить по-русски: «Они вообще не владеют русским, даже одного слова на русском не могут произнести... неужели они не могли пару слов выучить». Большинство взрослых керкенджцев владеет азербайджанским и с азербайджанцами соседнего села говорит на их языке.

Другим селом, с которым переселенцы поддерживают активные хозяйственные и торговые отношения, является приграничное азербайджанское село Ирганчай в Грузии. До установления этих связей бывали критические ситуации. Так, в первые годы после переселения устанавливали посты, дежурства, опасаясь нападений из Ирганчая. Потом понемногу стали торговать. Хотя страха не было, тем не менее сельчане никогда не ездили туда одни. Известен случай, когда керкенджец Арамаис Григорян был с товарищем в этом селе, где на них напали, и он от полученного ранения скончался.

Отношения с ирганчайцами активизируются на период сенокоса. У Дзюнашоха обширные пастбища и сенокосные угодья, в то время как у ирганчайцев нет таких возможностей, но они тоже активно занимаются скотоводством, в связи с чем между ними сложились взаимовыгодные отношения. Поскольку после активной эмиграции из Дзюнашоха рабочих рук не хватает, то на период сенокоса договариваются, чтобы ирганчайцы приходили косить сено, которое потом делят пополам. Пересечение границы на период сенокоса даже принимает официальный характер, пограничникам предъявляется письменное разрешение главы региона.

Многие керкенджцы поддерживают и личные связи с азербайджанцами из соседнего села, приглашают их к себе и сами ходят как на торжества, так и на скорбные мероприятия или просто друг другу в гости. Пересечение границы пешком не представляет труда как по причине близкого расположения, так и благодаря тому, что пограничники вполне лояльно относятся к жителям приграничных сел.

Из-за активной миграции сейчас в Дзюнашохе мало жителей. По данным сельской администрации, всего 241 человек. Кроме керкенджских и бакинских армян здесь есть семьи из Грузии, из соседнего села Мецаван, из Еревана. По экономическим и социальным причинам дома, предназначенные на про-

дажу, в основном покупают ради строй-материалов, и поэтому новые хозяева их сносят, а материалы продают.

После трагической гибели старосты в 2006 г. некоторое время село возглавлял брат погибшего, затем был избран новый староста – женщина. Поскольку подходящий кандидат не имел прописки в селе, а жил в райцентре, то договорились, что формально изберут жену, а фактически руководить будет ее заместитель – муж. Молодая жена имела в селе прописку, она из бакинской семьи, с керкенджскими корнями, у мужа тоже керкенджские корни, но родился он в Баку. Новая власть, по сути, ознаменовала новый период для села. На смену «настоящим» керкенджцам пришли их по-

томки, родившиеся в других местах. А прежний мецаванский староста как бы символизировал конец эпохи противоречий между двумя сообществами, между «пришельцами» и «местными». Несмотря на то, что сейчас в селе мало керкенджцев, «керкенджство» продолжает проявляться, претерпевая различные трансформации.

Из-за социальных, хозяйственных трудностей в 1992-94 годах происходила активная эмиграция керкенджцев из села. Можно констатировать, что село Дзюнашох как компактное и многочисленное поселение керкенджцев не состоялось. Несмотря на это, традиции, идеи, которые были заложены во время обмена, и его дух продолжают сохраняться.

**С. Гусейнова,
С. Румянцев**

8.2. «Мы хотели переименовать Керкендж на Кызыл-Шафаг»

Итак, коллективный обмен был реализован, и в новой деревне необходимо было вновь налаживать жизнь. *«Говорят, что если нет головы, то ноги пользы не принесут. Что могут ноги без головы? Нашей головой был Аллазов Байрам. Это все он организовал. Если бы он не организовал такое, то мы сейчас были бы неизвестно где, кто где. <...> Благо-*

даря Аллазову Байраму земля наша! Когда мы только переехали, почти ни у кого не было скота, кроме меня и нескольких человек. Тогда Байраммуаллим сказал народу перед контрой: Эй, Василь Гара, встань-ка рядом с Вейис-киши, ты втрое его больше, почему у него есть корова, а у тебя нет? (смеется) Ответил – не знаю. А теперь почти у каждого и скотина во

дворе, кони есть, ослы есть. У нас есть пастбища для скота, свои земли, и все это организовал один единственный человек – Байрам-муаллим! Это не я организовал, я стоял и смотрел, что же с нами будет. Это все его рук дело. А сам он не хотел здесь оставаться, он хотел в Баку жить. Это мы его заставили вернуться. 30 лет там руководил, а теперь здесь руководит нами» (Вейис-киши, 91 год). Эта оптимистическая общая оценка изменений, связанных с переселением, всегда соседствует с пессимистической. Далеко не все довольны переменами. *«Нет, здесь нет, теперь каждый сам себе мулла в доме, ну, кто разбирается. А кто не знает... Все равно так как там мы зарабатывали, здесь хуже. Да (там), очень хорошо было. Богатство, добро! Все что было, было тогда в старые времена, нельзя сравнивать с сегодняшним днем. А добро, которое нажили на дом, все пропало»* (Майга-ханум, 75 лет).

Конечно, многое менялось в ситуации после переезда, и советское колхозное хозяйство в определенной степени разваливалось уже на глазах кызыл-шафагцев. Впрочем, одновременно происходил и процесс создания нового типа хозяйства, уже на добровольной частной основе. В первый момент переезда, когда еще не распался СССР, *«да, все работало, и магазин, и почта, и медпункт»* (Захид-киши, 58

лет). Однако развал Союза, естественно, привел к тому, что зримое присутствие государства в каждом селе становилось минимальным. Больше не было ни денежных ресурсов, ни стимулов платить за содержание всех этих учреждений. *«Нет, все развалили. Но говорят, что восстановят»* (Захид-киши, 58 лет). Это развалили как бы дистанцирует кызыл-шафагцев от всего того негатива, который последовал вслед за переездом в Керкендж. Развалили чиновники, но ни в коем случае не сами сельчане. Ведь многое, действительно, и не зависело от них. *«Очень хорошие условия здесь были. И вы не поверите, в том году столько фруктов в деревне уродилось! Клянусь Аллахом! После уже такого урожая не было. <...> Здесь был как бы районный центр по виноградарству. А после многое погибло, и из-за засухи и болезни»* (Гюльшан-ханум, 52 года). Восстановить виноградники в полном

Фото 40. «Новое азербайджанское кладбище села Керкендж. На заднем плане армянское кладбище. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Румянцева

Фото 41. «Памятник воинам-керкенджцам, погибшим во время Великой Отечественной войны. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Румянцева

объеме было уже невозможно, да и привычные способы хозяйствования склоняли к возврату к животноводству. *«Когда сюда переехали, у нас ничего не было из скота. Здесь купили двоих телят, нам две коровы достаточно»* (Алы-киши, 72 года).

Изменение привычных условий жизни и климата нередко сопровождалось болезнями, о которых, как ныне ими представляется, на родине они ничего не знали. *«Нам не подошел климат, в основном это... Да, не подошел. Ну, как сказать, очень много людей заболело, у кого сыпь, у кого еще что-то»* (Эльмира, 37 лет). Постепенно, наряду с привыканием к климату, шло приспособление также и к новому способу хозяйствования – культивированию винограда. *«У меня отец с матерью работали на винограднике, я не работала. Их научили, как резать, как ухаживать за виноградом, вот и работали. Здесь был бригадир из Шемахи <...>. Мусульма-*

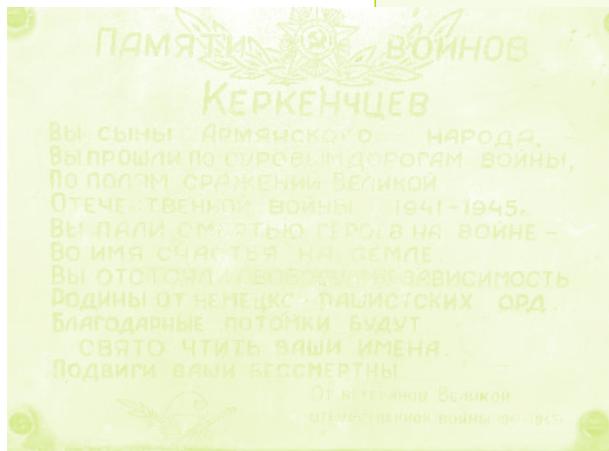
нин. Эльдар и другие. Они и научили всех, как надо работать на винограднике» (Эльмира, 37 лет). Привыкание к новым культурам, когда после переезда был восстановлен виноградник в 60 гектаров (прежний был порядка 170 гектаров), сопровождалось и восстановлением поголовья скота, что позволяло постепенно наладить жизнь.

При этом кызыл-шафагцы практически никогда не претендовали на получение помощи в качестве беженцев. Они смогли с честью и достоинством выйти из тяжелых испытаний. Только один раз Байрам-муаллим, без каких-либо просьб со стороны жителей села, получил в Комитете по делам беженцев довольно существенную помощь, которая состояла из продуктов, предметов обихода и пр. *«Однажды недавно, года два тому назад, привезли какую-то одежду, одеяла, халаты, простые брюки, продукты. Это и помощь, больше мы ничего и не получали»* (Вейсал-киши, 78 лет). Уже в качестве руководителя Керкенджа Байрам Аллазов смог найти ресурсы для налаживания водопровода и провел в село газ. Так или иначе, но, организовав обмен, кызыл-шафагцам удалось воссоздать и успешное хозяйство на новом месте.

Был, видимо, все же момент, когда в селе могла пустить корни привычка к статусу беженца. *«Приехал сюда <...> поместил всех здесь, проводил здесь большое общее сельское собра-*

ние. Население собирал... и сказал: вот... разместились – начинайте работать, начинайте работать, чтобы как дилянчи, как нищий не ходить с протянутой рукой. В общем, поместил, поехал сам туда, еще один раз приехал сюда. Приехал, тогда был <...> не гачкынком, не называлось гачкынком [привычное бытовое обозначение Комитета по делам беженцев – Авт.], общество беженцев. Я приехал сюда (в Керкендж). Смотрю, один товарищ приехал... Народ любит это. Сельское население стоит в очереди, кому три рубля, кому пять рублей. Я... зашел, дверь закрыл... И говорю: не стыдно вам, не стыдно? У вас... руки есть, глаза есть, здоровые глаза, здоровые руки, не стыдно, чтобы вы за три рубля, за пять рублей стояли в очереди?! Этого товарища тоже оскорбил, выгнал вернее. И начали они здесь работать» (Байрам Аллазов, 72 года). Работать, конечно, все равно бы начали, ведь на помощь, оказываемую беженцам, прожить невозможно. Но эта сцена демонстрирует нам, что кызыл-шафагцы нашли в себе силы полностью отказаться от выпрашивания помощи и направили всю свою энергию на восстановление хозяйства.

Хотя обстоятельства и определяли во многом этот выбор, но кызыл-шафагцы смогли встать выше этих обстоятельств. И добились главного – сохранения своей общины. Они пере-

стали нуждаться в статусе беженца, потому что не стали щепкой, плывущей по волнам событий. Они поставили перед собой задачу и смогли добиться ее реализации. Они жили как простые сельские жители. Они теряли и восстанавливали. И хоть горечь потерь будет, видимо, до конца жизни сопровождать тех, кто потери пережил, но постепенно на смену приходит и ощущение новой жизни. Они не сдались и не подчинились, они выбрали ту жизнь, которая представлялась им правильной. И им удалось заставить всех считаться со своей волей, ведь это была та самая гражданская сила, перед которой не устоять никакой власти.

Новая для кызыл-шафагцев жизнь устанавливалась в физическом пространстве села, где оставалось немало мест памяти его прежних жителей. И, прежде всего, дело было в самом названии нового села. «Вначале мы хотели изменить название и поменять его на наше. Но нам говорили, что Керкендж -

Фото 42 (прилож. к 41). «Табличка на памятнике - Памяти воинов керкенчцев. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Румянцева

67. Следует отметить, что и в столице Азербайджана Баку, воспринимавшемся, особенно в советские годы, как территория «дружбы народов», условно христианские и мусульманские кладбища были довольно жестко отделены друг от друга. При этом отделялись также и кладбище армянское от русского, в определенной степени демонстрируя таким образом довольно устойчивые и в советские годы границы между тремя крупнейшими этническими общинами города. Но это не мешало тому, что в городе царила «сугубо бакинская атмосфера дружелюбности». Бадалов Р. Баку: город и страна/ Сб.: Азербайджан и Россия: общества и государства, под. ред. Д. Е. Фурмана, М.: Фонд Андрея Сахарова, 2001. С. 256-277, 273.

это не армянское название. Мы хотели поменять на Кызыл-Шафаг и даже в район писали, но нам ответили, что это название не армянское, а тюркское. Но все же название колхоза мы дали Кызыл-Шафаг» (Мустафа Курбанов, 46 лет). *«Мы хотели переименовать Керкендж на Кызыл-Шафаг. Даже писали обращение в органы власти, но нам ответили, что это топоним, поэтому переименовывать не разрешили. Хотя там армяне переименовали все азербайджанские названия»* (Мадар, 45 лет).

Наличие в Керкендже армянского кладбища демонстрирует специфику освоения пространства села в период после переселения. Это связано не только с необходимостью его сохранения в силу заключенного договора. Армянское кладбище, в принципе, не рассматривалось как возможная территория посмертного предания земле переселившихся в село азербайджанцев. Это кладбище было и остается пространством «чужой», «не нашей» памяти. Территория кладбища маркирована как пространство захоронения христиан. В этом крылась еще одна причина, по которой азербайджанцы, привычно самоидентифицирующиеся как мусульмане, нуждались в новом погосте⁶⁷. Поэтому в непосредственной близости от армянского возникло азербайджанское кладбище.

В то же время армянское кладбище хоть и представляет собой некую территорию табу, но при этом явля-

ется весьма важным пространством для коллективной памяти уже азербайджанцев. Так, армянское кладбище остается, с одной стороны, вполне функциональным символическим пространством, репрезентирующим в повседневности азербайджанцев сам факт их недавнего переселения, а также условия заключенного договора. Этот погост, по сути, становится повседневной репрезентацией гарантии сохранности «нашего» азербайджанского кладбища в «нашем» селе, в Кызыл-Шафаге. Однако, с другой стороны, само существование в одном и том же селе двух кладбищ, ежедневно воспроизводит специфическую историю общины кызыл-шафагцев. Армянское кладбище – это еще и символическое пространство памяти, связанной с историей переселения в «чужое», не «наше» село. Память об этом переселении конституируется не только в коллективных воспоминаниях кызыл-шафагцев, но и в наличии на территории теперь уже азербайджанского села армянского кладбища, которое они обязались не разрушать.

Специфика проживания нынешних жителей в пространстве села, которое одновременно является «нашим» и «не нашим», отражается и в представлениях о новом азербайджанском кладбище. *«Оттуда которые приехали [т. е. переселились из Кызыл-Шафага – Авт.], природу поменяли, 80 % людей, все по-*

гибли. Умирали и здесь, и в Баку, везде. Здесь же... Жарко, не выдерживают и умирают» (Мамед-киши, 68 лет). Эта фраза отсылает к весьма разросшемуся новому мусульманскому кладбищу. Новые могилы обретают особый смысл в контексте ситуации проживания на территории «не нашего» села. Каждый из переселившихся кызыл-шафагцев легко может восстановить в памяти время основания нового кладбища. В ситуации, когда еще жива память об основании «нашего» кладбища, это, хоть и не так давно отделенное, но уже заполненное десятками новых могил пространство, репрезентирует высокую смертность как следствие бедствий в результате вынужденного переселения.

При этом само новое кладбище так пока и не трансформировалось в сознании кызыл-шафагцев в «наше» кладбище. Оно все еще не является замещением того, которое осталось в «нашем» селе в Армении. В иерархии статусов этих мест захоронения кладбище прежде все еще имеет статус выше нового. Для азербайджанцев, как, возможно, и для армян, совершивших обмен общин, два прежних «старых» кладбища, территория одного из которых фактически стала местом табу для азербайджанцев, а другого, для армян, являются основой для ассоциаций, в пространстве которых оживают воспоминания о переселении и освоении

пространства нового, «не нашего» села. «Теперь у нас единственное в Армении живое осталось наше кладбище. Мы их не трогаем здесь, у них тоже живое. Здесь [т. е. в Керкендже]. Если пройдите внизу деревни, увидите. У нас тоже там они ничего не трогают. Несколько гранитных камней... увезли, остальные стоят» (Мамед-киши, 68 лет). Таким образом, «у нас» все еще мыслится как в Кызыл-Шафаге. Именно там и сохраняется «наше» «настоящее» «живое» кладбище. Здесь же, в Керкендже, «настоящим» «живым» кладбищем все еще остается армянский погост⁶⁸.

Статус «живых» для этих двух фактически заброшенных кладбищ и демонстрирует восприятие территории нынешнего расселения, как пространства преимущественно «не нашей», «чужой» памяти. Это все еще территория тех, кто жил здесь до переезда азербайджанцев. Кладбище прежних жителей «единственное живое». Новое же кладбище азербайджанцев выполняет функцию репрезентации трагедии переселения и утраты малой родины, временности пребывания в Керкендже. Кладбище, как памятное место захоронения предков, осталось в прежнем селе. Пока кладбище в Кызыл-Шафаге все еще воспринимается как «живое», новый погост не становится его полным замещением.

Отношение к старому, армянскому кладбищу – это постоянное при-

68. Оксюморон «живое кладбище» заслуживает отдельного внимания. Ольга Бредникова указывает на то, что, занимаясь исследованием в этой области, невольно воспроизводила метафоры «живое» и «мертвое» кладбища, видимо, распространенные для повседневного восприятия пространств погостов. Если провести аналогии с приводимыми О. Бредниковой примерами, то оба оставленных азербайджанцами и армянами в местах прежнего проживания кладбища должны трансформироваться из «живых» в «мертвые». Однако специфика истории общин, связанная с коллективным переселением, привела к тому, что пока оба заброшенных кладбища все еще сохраняют свою функциональную значимость, удерживая за собой статус «живых». Таким образом, можно наблюдать интересный процесс постепенной трансформации смыслов. Следует предположить, что смена поколений кызыл-шафагцев приведет к тому, что новое кладбище в Керкендже, в конце концов, останется единственным «живым». См.: Бредникова О. Социологические прогулки по кладбищу / Беспредельная социология. Перегрузка. СПб.: «Акос», 2006. С.64-65.

69. Керкенджи - видимо, таково было грамматически правильное для времени основания памятника обозначение жителей села. Однако в современном варианте, учитывая звучание названия села на азербайджанском языке, мы предпочли обозначение – керкенджцы.

существование в повседневности кызыл-шафагцев территории табу, которое в определенные периоды их жизни в новом селе необходимо было охранять. *«У нас даже был случай... Приезжали... Местные из деревень или из района там [т. е. жители района Шемахи – Авт.], (на) кладбище армянское, чтобы вывезить мраморный камень. А мы им одну машину погнали (заставили уехать), она в овраг улетела (т. е. упала). Люди прыгнули... Сбежали, ночью их не смогли поймать. А машина улетела там (в овраг), ЗИЛ разбился полностью. Потом одну машину (другую) поймали, сдали ментам. <...> Они там наши могилы охраняют, а мы здесь ихние охраняем»* (Насиб, 45 лет). *«Наши ребята выгнали их [приехавших на кладбище за мрамором – Авт.], хотели поймать. Они оставили машину, бросили. Машина упала прямо в овраг. И кабина-мабина это тоже до последнего времени в овраге была»* (Байрам Аллазов).

Высокий статус армянского кладбища для переселившихся в Керкендж азербайджанцев демонстрирует также отсутствие внимания к другому памятному месту, оставшемуся в наследство от прежних жителей села. Непосредственно к армянскому кладбищу примыкает небольшая аллея с памятником в ее конце, посвященном «Памяти воинов керкенджцев»⁶⁹, которые погибли в период Второй мировой войны.

Среди кызыл-шафагских азербайджанцев тоже было немало тех, кто прошел всю войну. Однако мемориал так и не превратился в некий значимый для его теперешних жителей маркер пространства села и практически не упоминается в описаниях территории деревни. Если попытаться реконструировать село только по описаниям информантов, то памятника в нем не будет. Возможно, памятник не стал местом памяти для азербайджанцев по той причине, что установлен он был не в честь всех павших на войне, а был посвящен только «сынам армянского народа». Вместе с тем практически все еще оставшиеся в живых ветераны из Кызыл-Шафага проживают ныне в Баку, и в этом, возможно, другая, более важная причина невнимания к памятнику.

С другой стороны, «пир» (святое место), которым кызыл-шафагцы считают могилу прежнего жителя села Айрапетова Бабкена Хачатуровича, судя по надписи, скончавшегося в 1970 г., сохранил статус святого места, наряду с перенесенной из прежнего места проживания святыней, обозначаемой, как «Сарыг-Эфенди» или «Папах-Эфенди» (дословно можно перевести как головной убор (чалма) Муллы Эфенди). Эта реликвия по преданию принадлежала мулле, оставшемуся в памяти как обладавшим особыми положительными качествами человека; она хранится в семье его внука. Соответственно,

дом, в котором хранится артефакт, приобретает статус «пира». В результате прежнее святое место, в отличие от мемориала, несмотря на столь же явное указание на его армянское происхождение, было инкорпорировано в систему мест памяти, в той или иной степени значимых практически для всех нынешних сельчан⁷⁰.

Несмотря на символическое значение кладбищ, для коллективной памяти кызыл-шафагцев все же неизмеримо большую значимость имеют дома, в которые они переселились. Именно в пространстве дома сельчанина и воспроизводится память о «нашем» селе, оставшемся в Армении. Сохранение кладбища как территории, на которой были захоронены останки предков, это долг кызыл-шафагцев, который им удалось выполнить. И хотя наличие на территории села армянского кладбища и служит постоянным напоминанием о переселении, однако гораздо более значимым в повседневности напоминанием становятся дома, в которых живут кызыл-шафагцы.

Дом становится объектом эмоциональных переживаний, в контексте которых «наше» село было местом жизни лучшей и более успешной. Так, дома, в которых живут кызыл-шафагцы после переселения, воспринимаются как постройки гораздо более низкого качества, чем те, что были вынужденно оставлены в Кызыл-Шафаге. Дома в

прежней деревне для многих представляются вершиной всех их личных жизненных успехов. Они сами строители, и оставленные дома – это результат их собственного труда. Никогда больше таких хороших домов им уже не построить. И в этом контексте памяти об оставленных «хороших» домах конструируются представления о специфике жизни в селе, которое «нашим» так и не стало, и в котором остается только доживать оставшуюся часть жизни. Дома, в которых они живут вот уже почти 20 лет, так во многом и остались для них «чужими», не стали для них пространством их собственной семейной памяти.

За все время после переселения в деревне был отстроен только один дом. Причиной его капитальной реконструкции стал разрушивший его оползень, т. е. событие неординарное. Некоторые переселенцы предпринимали попытки приспособить дома к своим представлениям об удобствах (пристраивая, например, летние кухни и т.п.), но в целом практически все дома остались в своем прежнем виде. Здесь можно усмотреть определенное противоречие. Дома рассматриваются как старые и неудобные, а сами кызыл-шафагцы позиционируют себя как опытных строителей. Вместе с тем никаких попыток радикально перестроить дома (или отстроить их заново) они не предпринимают, в большинстве случаев ограничиваясь косметическим

70. Также не была инкорпорирована и часовня, по рассказам, примыкавшая к кладбищу. Эта постройка подверглась разрушению либо в силу ветхости, либо при участии сельчан. Интересно, что не сохранилась и небольшая мечеть в Кызыл-Шафаге, которую наши информанты и считают намеренно разрушенной переселившимися в село армянами.

71. То же самое можно наблюдать и в других селах, заселенных беженцами из Армении.

Фото 43. «Святое место, пир оставшееся от прежних жителей села. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Гусейновой

Фото 44 (прилож. к 43). «По словам жителей, пир – могила местного хорошего человека. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Гусейновой

ремонтom⁷¹.

Однако видимое противоречие снимается, если рассматривать эту ситуацию в более широком контексте. Географически деревня расположена недалеко от столицы Азербайджана, где ныне проживает большинство кызыл-шафагцев. Установка на миграцию в город широко распространена в молодежной среде. Большинство молодых людей после окончания школы предпочитает город деревне. Привлекательность большого города на фоне ощущения жизни в «чужом» селе приводит к тому, что имеющиеся свободные средства чаще вкладываются семьей в поддержку детей в столице или в проект переезда в город (например, покупка земли в черте города с целью в дальнейшем построить дом), а не на обновление жилья в деревне. *«Нет, капитально здесь никто не строит. <...> Ну, знаешь как. Уже все как-то уезжают в*

Баку. Все копят деньги, чтобы переехать в Баку, здесь как-то не то жить. <...> Ну, конечно, все хотят в Баку. Ну, у меня... сестры, брат все в Баку живут» (Насиб, 45 лет).

Однако, несмотря на то, что основной контингент жителей деревни – это люди уже не молодые (40 и более лет), а также дети, явных признаков возможного опустения села пока еще не заметно. Как выше указывалось, только 20-30 домов из 157 практически постоянно пустует. И этим Керкендж не отличается от большинства других сел республики. Однако сама ситуация пребывания в Керкендже вследствие вынужденного коллективного переселения и сейчас отражается на специфике освоения социального пространства села. Для большинства деревень в республике, по нашим наблюдениям, типичной можно считать ситуацию, когда пребывание в эмиграции или переезд на

постоянное жительство в город не становятся преградой для перестройки старых домов в деревнях исхода, или даже постройки новых, в качестве, например, летних дач. Приписывание себя к «малой» родине остается важным маркером для самоидентификации нынешних горожан и эмигрантов, по крайней мере, в первом и втором поколениях. Локальная родина нередко сохраняет и статус объекта эмоциональной привязанности. Что же касается керкенджцев, то для них малая родина осталась в Кызыл-Шафаге, к которому обращены все эмоциональные переживания. И эта специфика накладывается на отношение к нынешним домам в Керкендже, которые рассматриваются скорее как вынужденное или временное пристанище, чем как «отчие дома».

Таково сегодняшнее отношение кызыл-шафагцев к домам, в которых они живут после переселения. Воспоминания о переселении демонстрируют нам, что высокая степень недовольства качеством домов в Керкендже существовала изначально, с первых дней жизни в них. Однако можно предположить, что здесь имеет место и определенная ретроспекция из сегодняшней перспективы на события периода обмена. В момент переселения деревня рассматривалась, видимо, как более удачная территория поселения, чем это видится

сегодня. *«Когда мы переселялись, здесь все было в винограде. Вся гора была виноградом покрыта. И потом весна была, и такой жары, всей этой мошкары еще не было»* (Насиб, 45 лет). Низкое качество домов, по сравнению с оставленными, специфика местного хозяйствования, незнакомого кызыл-шафагцам, наряду с непривычным для них климатом, раскрылись только по мере проживания в селе и, видимо, способствовали определенному разочарованию.

В первое время после обмена приходилось учиться всему, ведь Керкендж – это была территория совершенно другого способа хозяйствования, нежели Кызыл-Шафаг⁷². Как мы уже видели, облегчить привыкание помогли в определенной степени те местные жители-армяне, которые еще оставались в деревне после переезда в нее кызыл-шафагцев. После выезда всех армян из деревни, Рамазан-киши, единственный оставшийся из прежних жителей, становится очень важным источником приобретения местного знания о способах хозяйствования для поселившихся в Керкендже азербайджанцев. *«Да, здесь есть один лезгин. Он тоже помогал, а кроме него и шемахинские помогли, бригадир и агроном. Конечно, научили, люди же не скотина, все равно научатся»* (Мамед-киши, 68 лет). Однако, продолжать успешно культивировать огромный виноград-

72. Ситуацию, когда вследствие принудительного переселения земледелец утрачивает капитал местного знания, который является не только результатом его личного опыта, но «сохраняется и в коллективной памяти о данной местности», подробно описывает Джеймс Скотт. Так, описывая ситуацию принудительного переселения в Эфиопии, он приходит к выводу, который можно рассматривать как аналогию нашего кейса. «Как только фермера переселяли (а переселяли зачастую в экологическую обстановку, значительно отличающуюся от прежней), его местное знание практически обесценивалось». Скотт Д. Там же. С. 391.

Фото 45. «Надпись на воротах дома в селе Керкендж – «Кызыл-Шафаг». Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.»
Фото С. Гусейновой

ник в ситуации разрыва прежних экономических связей между бывшими советскими республиками оказалось делом почти безнадежным. Ранее из Армении осуществлялись поставки необходимых химикатов для борьбы с вредителями. Когда поставки прекратились, большая часть винограда погибла. «Да, после того как армяне ушли, много виноградников погибло. Так как не могли найти специального лекарства [называют необходимые химикаты – гейдаш, досл. с азерб. – «синий камень» - Авт.]. Это лекарство привозили они (армяне) из Еревана. После армян виноград погиб. А другие ле-

карства не помогли» (Рамазан-киши, 79 лет). После переселения кызыл-шафагцы сумели вновь посадить только небольшой, по сравнению с прежним, виноградник. Однако сам факт его сохранения свидетельствует о довольно быстром изменении привычных практик ведения хозяйства. Произошло весьма быстрое приспособление к культивированию совершенно новой сельскохозяйственной культуры в абсолютно новой экологической нише. При этом не менее быстро произошла и смена представлений о значимости культур. Виноград и ныне занимает важное место в хозяйстве Керкенджа.

Кроме того, произошел быстрый возврат к привычному скотоводству. В момент переезда некоторые сельчане «скот перевезли в Грузию и распродали по дешевке. А что мы могли поделывать? Такое хозяйство было у людей, все же деревня. Я же говорю, никто бы в жизни не поверил, что такое хозяйство могло так разрушиться. Очень тяжело, очень!» (Гюльшан-ханум, 52 года). Другие вспоминают о том, что «нет, все же хорошо обошлись с нами, вреда не причинили. И скот наш за деньги забрали. Наш собственный (личный) скот взвесили на весах, денег не дали, увели скот. Ну, люди сказали, все, пропали наши деньги, не дадут нам. А через некоторое время по почте деньги прислали» (Вейсал-киши, 78 лет). В любом случае поголовье приходилось вос-

становивать заново, так как вывезти скот никому не удалось. В этой области кызыл-шафагцы были гораздо успешнее, чем в культивировании винограда. *«Развивалось здесь очень сильно животноводство, очень сильное. Очень! Люди работают. Богатые... в Шемахинском районе нет такого села, как живут [хорошо] наши сельчане. Нет такого. Шемахинское население сами признают, сами говорят»* (Байрам Аллазов). Привычный способ хозяйствования был в результате востребован и на территории нового поселения. Следует также отметить, что весь процесс приспособления к условиям жизни на новом месте осуществлялся в ситуации сохранения привычной социальной структуры общины.

Именно специфика ситуации, когда в результате коллективного переселения привычные социальные связи не были разрушены, способствовала во многом успешному освоению нового для кызыл-шафагцев пространства. *«Но мы искали деревню, чтобы деревню нашу обменять с другим селом, чтобы и колхоз там был, школа была, чтобы те, кто работали учителями, имел какую-то должность на новом месте, также сохранил свою работу. Ну, в общем, так получилось, что мы попали сюда»* (Сулейман-муаллим, 75 лет). Это упоминание преподавателя истории о том, что при переселении речь шла и о сохранении привычных

социальных позиций и статусов, подразумевает, что сама идея обмена была направлена, прежде всего, на сохранение целостности общины кызыл-шафагцев в Керкендже. Сохранение единства, безусловно, предполагало и воспроизводство на новом месте расселения привычной вертикальной социальной структуры, которая в значительной степени цементирует сельскую общину. Раз уж им не суждено было остаться в своем селе, то был еще шанс попытаться сохранить свой привычный мир уже на новом месте. Этот привычный мир подразумевал наличие общего для кызыл-шафагцев единого пространства, каковым могла стать только другая деревня.

Следует все же понимать, что переезд осуществлялся еще в годы советской власти. Все хозяйство совхоза Кызыл-Шафаг было официально передано переселенцам-армянам, а соответственно, в Керкендже все хозяйство было принято уже азербайджанцами. Естественно, соблюдение формальностей не могло избавить от утраты части личного имущества. Кроме того, хозяйства были неравнозначны по масштабам. Но и на новом месте, как это требовали советские законы, был воссоздан колхоз. Затем уже прежний директор совхоза, принявший руководство в Керкендже, используя свои связи, *«технику собрал... Средства нашел. Как нашел. Через министерство*

сельского хозяйства, через знакомство. Два раза 60 тыс., 60 тыс. рублей, 120 тыс. советских рублей мне помогли здесь. Была женщина, хорошая, директор... завода <...>. Винного завода. Она мне 40 тыс. рублей безвозмездно помогала. Отремонтировал технику, купил технику, организовал колхоз» (Байрам Аллазов).

В дальнейшем после распада СССР кызыл-шафагцы решили сохранить коллективное хозяйство. Руководство сохранилось за прежним директором совхоза, авторитет и власть которого в селении остается, фактически, непрерываемой. *«Когда была аграрная реформа, народ ставил вопрос, чтобы давайте... вместе будем работать, каждый вопрос ставил, чтобы только мы знали у нас какая земля, сколько гектар для каждой семьи, знали свою землю, знали <...> И до сих пор работаем... Э-э, виноградный сад <...> Там тоже у каждого есть своя доля, гектар, сот, в общем. Производим виноград. До прошлого года работали так: пахали, сеяли, косили <...> все зерно в склад. Оттуда бесплатно членам коллектива раздали... До прошлого года. (!) А в прошлом годуя... Уже чувствую... мне трудно, устаю, и возраст тоже не позволяет. Я сказал, товарищи, давайте возьмите землю... сами сейте, сами пашите, сами косите. В общем, последний год в прошлом году раздал» (Байрам Аллазов).* Воспроизводство социальной структуры на

новом месте позволило во многом избежать рисков, связанных с освоением новых способов хозяйствования. Кроме того, сама необходимость восстановления парка необходимой техники как и личных / индивидуальных хозяйств, требовала определенных финансовых вливаний извне. Именно директор совхоза, и на новом месте сохранивший с согласия сельчан всю полноту власти, обладал необходимыми связями для привлечения в хозяйство нужных для его развития ресурсов.

Таким образом, осваивалось пространство нового села, и где-то реконструированное, а в чем-то созданное заново хозяйство, оставалось вплоть до недавнего времени коллективным. Прежний образ жизни, естественно, было уже не восстановить. Сменились не только факторы, непосредственно влияющие на привычные повседневные практики каждого кызыл-шафагца. Уже давно не существует и того государства, в пространстве которого был реализован проект коллективного переселения. Еще в советские времена сразу после переселения *«все работало, и магазин, и почта, и медпункт».* Однако все эти службы без поддержки государства быстро прекратили свое существование, а потому часть социальной структуры в новых условиях уже в принципе не восстанавливаема.

На новом месте неизбежно менялись и образцы поведения. Что-то в

этих изменений и до сих пор нередко вызывает невольную иронию. *«Еще могу сказать, когда мы обменивались, они [имеются в виду армяне из Керкенджа – Авт.] также приезжали и смотрели на наши дома. Целый автобус людей. . . Мужчины, женщины приехали смотреть на дома. У нас в деревне работал один из села Шахназар [соседское с Кызыл-Шафагом село, населенное армянами –Авт.] . . . Ованес, кёр Ованес его называли, он привозил для скота корм в нашу деревню. Это уже во времена беженства, его отправляли за кормом и т. п. Значит, приезжает целый автобус людей, а он тоже как раз там. А у этих, которые здесь проживали, у них у самих денег много! А на ногах калоши! Вы не поверите, мы до того времени не знали, что такое калоши [имеется в виду, что никогда не носили калош – Авт.]. И этот Ованес подошел к ним и на армянском спрашивает, как вы там живете? [в Азербайджане] Они отвечают – очень хорошо! А Ованес говорит: да, я по вашим калошам вижу, как вы там жили! (смеется) Я тоже одному из них говорю, вы, когда сюда ехали, хоть обувь одели бы, а уже у себя там снимешь обувь, наденешь свои калоши, за один день ничего бы не произошло (смеется). А теперь здесь у нас. . . обычай такой – мы у себя во дворе носим только калоши, уже привыкли. Вот так»* (Сулейман-муаллим, 75 лет).

Привыкли к ношению калош, так же как постепенно привыкали и к новым условиям хозяйствования, где-то успешно, а где-то и нет, осваивая практики возделывания новых культур в новых экологических условиях. Однако, если смена представлений об обуви, которую не стыдно носить, и произошла, видимо, безболезненно, то привыкнуть к новым домам, климату, чувству окончательной утраты «нашего» кладбища многим из переселенцев вряд ли удалось. Коллективная память переселенцев о «малой родине», где все было не так и все было лучше, будет утрачена, видимо, только вместе с ее носителями. Только новые поколения кызыл-шафагцев, для которых калоши во дворе так же естественны, как и жаркий климат, а история переселения сохраняется только как рассказ, не наполненный личными эмоциональными переживаниями, утратят чувство пребывания в пространстве одновременно «нашего» и «чужого» села.

Фото 46. «Восстановленный виноградник – до недавнего времени находящийся в коллективной собственности жителей села Керкендж, Азербайджан, 2007 г.» Фото С. Гусейновой

ГЛАВА 9. РОДИНА, РОДИНА!..

С. Гусейнова,
С. Румянцев

9.1. «Когда я вспоминаю, клянусь Аллахом, огнем горю!»

На размышления о «родине» наталкивают яркие воспоминания информантов о праздновании национального азербайджанского праздника «Новруз Байрам» (праздник весны) в оставленном в Армении селе. *«Ну, у нас был передовой совхоз. И вообще, в нашем районе среди азербайджанских деревень, наша деревня отличалась и считалась самой культурной <...> И люди отличались культурой, и директор сам тоже высокой культуры человек. На государственном уровне отметили! Армяне сами просто не ожидали такого! Письмо написали в Ереван, а оттуда пришел ответ – отмечать праздник! Новруз Байрам! Все же Новруз Байрам не государственный праздник <...>. Вот так вот»* (Захид-киши, 58 лет). Это была особенная деревня! Это была та родина, которую они построили своими руками, а ныне утратили навсегда. И в этом контексте впервые за долгие годы коллективное празднование Новруз Байрама, праздника, который в советское время был запрещен (а потом если и отмечался, то скорее

лишь в рамках семьи), демонстрирует всю особенность этого сообщества. Это сделали только кызыл-шафагцы и никто больше. *«В 1987 году организовал я Новруз Байрам... К юбилею в 20 лет <...>. Это в (19)67 году здесь решили (в Азербайджане), что это национальный праздник. Что это не религиозный праздник. <...> Я к 20 летней годовщине проводил там большой Новруз Байрам. <...> В центре деревни была площадь, где наше административное здание там, все. Стол накрыли (на площади в Кызыл-Шафаге). Как здесь (в Азербайджане) на Новруз Байраме, такая сладкая пища была (на столах была традиционная праздничная пища). Я организовал, проводил... И пригласил работников районного партийного комитета, во главе с первым секретарем, членов исполкома во главе с председателем райисполкома, руководителей предприятий, колхозов. Всех пригласил и проводил отличный Новруз Байрам»* (Байрам Аллазов). По сути, это была последняя для них масштабная коллективная акция, ког-

да они на своей родине веселились, отмечая любимый всеми азербайджанцами праздник. Позже поводов для коллективного веселья уже и не оставалось, ведь впереди был исход из родного села.

Ныне память о родной деревне, которая осталась в недоступной теперь уже Армении, как правило, окрашена печалью. Этой печалью, связанной с утратой малой родины, как теперь уже представляется навсегда, наполнен как деревенский устный фольклор, так и поэтические произведения местных поэтов.

Времени прошло немало
С расставанья дня.
Память, полная одной тобою,
Грусть измучили меня.
С каждым днем я умираю, таю
Горьким леденцом во рту.
Грезы не дают житья-покоя
Не сложилась судьба -
На чужбине осталась деревня моя.

Пережить такое горе
Разве каждому дано -
Жеребцы армян рвезтятся
На святой земле твоей.
Что поделать,
Не добраться по родным тропам к тебе.
Не сложилась судьба -
На чужбине осталась деревня моя⁷³.

Ситуация здесь и там представляется, особенно для людей в воз-

расте, весьма контрастной. Там было *хорошо*, здесь намного хуже. И это *лучше* или *хуже* для очень многих определяется воспоминаниями о социальном благополучии в советские годы. Одно событие наложилось на другое. Повседневный образ жизни в Кызыл-Шафаге определялся не только привычным ландшафтом родной деревни, но и советским строем. События обмена и распада Союза накладываются в памяти сельчан одно на другое. Ухудшившиеся для многих в результате распада СССР условия жизни, таким образом, обретают в памяти живую связь с обменом селами. *«Там и с нашей семьей все было в порядке. Да и сами тоже. Поглядите, что на нашу голову случилось, и где мы очутились. Я не знаю, поверите ли вы, но клянусь Аллахом, мы там жили... как в раю. <...> Не было такой жары, такой дороговизны. Там можно было продать овцу за 1000 рублей, т.е. за 100 рублей старыми деньгами и месяц содержать 7-8 семей. А здесь сейчас, килограмм мяса 2 ширвана с половиной (5 долларов) кажется». В этом же контексте звучат и уже знакомые нам нотки утраты своих, гораздо более лучших, чем теперешние, домов. «Там у меня такой дом остался, когда я вспоминаю, клянусь Аллахом, огнем горю! Я не буду обманывать, у кого хотите, узнайте... 60 деревьев было посажено у меня во дворе, яблоки*

73. Отрывок из стихотворения поэта Мухаммеда Мейданоэлы «На чужбине осталась деревня моя». Мейданоэлы М., На чужбине осталась деревня моя. Сборник стихов, Баку: «Инвест» ММС, 2004. С. 10-11. Перевод с азербайджанского С. Гусейновой.

Фото 47. «Жительница села идет к источнику за водой. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Гусейновой

такие росли! Два яблока – один килограмм! Двухэтажный дом, а в подвале осенью из-за яблок ногой нельзя было ступить. Вот так мы жили!». Однако, наряду с воспоминаниями об утратах в связи с исходом из родных мест, может соседствовать и смирение с судьбой. «Неправильно сейчас нам хвалить то, что имели там, все это обман. Дай бог им здоровья (аксакалам), привезли нас сюда, кое-как живем, выкручиваемся. Это как у русских говорят – существуем, э-э, существуем (по-русски). Это как и не живешь и не умираешь, т.е. как бы не идешь так прямо, а иногда падаешь, иногда поднимаешься на ноги. В общем, что еще вам рассказать. Там у меня машина была своя. <...> Сам я преподавал в училище. 18 лет проработал в училище. <...> Вообще хорошо мы там жили, отлично там было. 300 рублей! 300 рублей я получал зарплату в училище! Обстановка там, конечно, была

очень, очень хорошая» (Алы-киши, 72 года). Обстановка там подразумевает привычный отлаженный ход жизни в пространстве, прежде всего Советского Союза, а уже потом Армении.

Само наложение изменений одно на другое делает затруднительной для нынешних керкенджцев оценку жизни тогда и сейчас. «Нельзя сравнивать, как мы тогда жили и как сейчас живем, так это разные государственные устои. Тот устой назывался народной властью – работаешь – получаешь – живешь. А сейчас – хочешь работать, а работы нет. А вот вопрос земли... в советских законах не было такого, и все подчинялись закону. И даже в голову не могло прийти, возможно ли такое (!), чтобы в советское время проявилось неуважение к закону и поднялся вопрос территориальных претензий. Дайте нам землю! Какая земля! И земля твоя, и государство твое, и правительство твое, и богатство твое! Как можно было такое предсказать! Клянусь Аллахом, я вообще не поверил, не может такого быть. Хотят землю... Армянский народ требует землю! А-а, что это такое, разве такое возможно! Что за государство! Мы же не были так воспитаны, что... это твоя земля, это моя земля. Что за разговоры! И земля общая и государство общее!» (Сулейман-муаллим, 75 лет). Однако земля перестала быть общей и транс-

формация общесоветского пространства в национальные дома нередко не позволяет измерить всю глубину перемен. Все изменилось, когда не стало СССР, даже деревню-родину пришлось сменить. И в данном случае не суть важно, что обмен происходил еще в годы советской власти и в тот момент никто не предполагал, что распад Союза случится уже через пару лет.

Другим не менее значимым источником печали из-за утраты родного села становятся повседневные ощущения жизни в другом пространстве. Даже климат другой. *«Это село для нас ничего не стоит! То наше село, Джуджа-кенд [название села до установления советской власти – Авт.], Кызыл-Шафаг. Там и климат другой был, там и образ жизни совсем другой был, там река текла. Там... родники, чистая родниковая вода. Когда ходили во время, до сенокоса, как ковер, разнообразные, миллионы цветов. Сидел и думал, что вокруг тебя облили каким-то ароматом... духами. Такая у нас была природа! Ну, там в советское время, конечно, все жили как-то равномерно. Богатые люди там те были, которые сидели на должностях. (смеется) А все остальные жили одинаково»* (Авды-муаллим, 69 лет).

Повседневность утратила знакомые черты. У многих не стало постоянной работы, которая приносила бы устойчивый доход. Теперь уже сельча-

нина не окружают знакомые запахи и виды. Сами стены домов стали другими, и понадобится еще немало времени, чтобы восстановить хотя бы часть былого благополучия. *«Да, очень хорошо было. Богатство, добро! Все, что было, было тогда в старые времена, нельзя сравнивать с сегодняшним днем. А добро, которое жили на дом, все пропало»* (Майга-ханум, 75 лет). Прежнее хозяйство утрачено, и возникает устойчивое убеждение, что его уже не восстановить. *«Хорошо было там... Все, что мы заработали, все там пропало. Дома построили, скот держали»* (Захид-киши, 58 лет). *«Все же это наша родина. Никто и представить себе не мог, что мы могли потерять такое хозяйство, такие дома. Клянусь Аллахом, не насладились мы вдоволь всем этим. Так армяне все это устроили, что пришлось нам просто взять и оставить свои дома. Кто мог в это поверить, ведь у нас там остался многолетний заработок, мы создавали все своими руками, обустроивали свои дома, сараи были заполнены скотом. А какой у нас был двор, если бы вы знали! Говорю, Йа-Раби, оказывается, все это возможно было уничтожить в течение нескольких дней. Все пропало, а мы сами приехали сюда»* (Гюльшан-ханум, 52 года).

Больше всего эмоциональных ассоциаций с утраченной родиной остав-

Фото 48. «Обязанностью многих детей стали повседневные походы к источнику за водой. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Гусейновой

ляют именно повседневные ощущения. Здесь, в Керкендже, все не так, как было в Кызыл-Шафаге, и постоянное сравнение никак не в пользу теперешнего места жительства. Изменившийся ландшафт и климат становятся неизменным напоминанием об утрате. *«Там, там лучше. Там курортное место, там азербайджанцы жили (!), а армяне вот это... наверху в горах жили, а мы на равнине. У нас вода, природа такая красивая. Что здесь! Мы приехали сдыхать. Здесь мы как в аду живем. Здесь жара, дышать нечем, воды нет, а у нас река текла... Все, что хочешь, было. А теперь здесь что есть?! А куда должны мы были поехать, сюда на родину...»* (Мамед-киши, 68 лет). После обилия рек и родников попадание в условия элементарной нехватки даже питьевой воды – это тяжелое испытание. *«Когда мы только переехали, здесь вода была... вода шла, но людей было не так много, ходили, стояли в очере-*

ди за водой. И теперь ходим за водой, вниз деревни, на ослах воду приносим. Остальные колодцы все пересохли, да здесь плюешься, плевков в воздухе высыхает. Что здесь есть хорошего? Клянусь Аллахом, если бы вы видели, как мы там жили! Мы как будто в раю жили, перед нашим домом протекала широкая речка, а сколько колодцев было у нас в деревне! <...> Говорят же, лягушки на засушливых местах. Вот так и мы такие же лягушки, копошимся здесь. <...> Что здесь есть?» (Алы-киши, 72 года). Засушливый климат Шемахинской области для кызыл-шафагца просто не может стать раем на земле взамен утраченного. *«Что вы говорите! Зима – суровая там. <...> Зима суровая там, а здесь зима мокрая. Эта суровая зима гораздо лучше, чем здесь мокрая зима. Гораздо лучше, гораздо. В любое время... в поле положи под голову свой костюм, спи – ни одного насекомого нет. А здесь каждый... сантиметр (в насекомых). Когда я директором работал, у меня всегда в машине была япынджи (азерб. бурка). Шоферу я говорил, давай возьми из дома что-нибудь кушать, приезжали на речку, остановил машину, спал... Немножко кушал и спал. Речка течет, вода звучит... Такое место было. А здесь что есть?»* (Байрам Аллазов).

Акцент на негативном восприятии изменений всего – от погоды до вкуса воды – делается в контексте воспоми-

ний о богатом хозяйстве, которое пришлось оставить. Это был все же совхоз, но сельский житель, и тем более рачительный хозяйственник, воспринимает имущество совхоза как свое родное. И здесь накладывается друг на друга память об особом месте, о замечательном климате, а заодно и о достижениях, которые ассоциируются с *нашими* трудами. Это рассказы о привычном ландшафте, наполненном плодами не только природы, но и их собственных рук. «Хороший сенокосный участок был, прекрасный пейзаж был у нас (в Кызыл-Шафаге). Очень прекрасный. Вот сейчас там, сейчас как рай! Ну, ты представь, в Закавказье, в Советском Союзе в двух местах швейцарский сыр варили. Один Богдановский район (Грузия) <...> Один район вот там. А другой у нас. Швейцарский сыр готовили. <...> Этот сыр за границу шел. Один сыр, одна головка от 60 долларов за килограмм. Специально. Этот сыр где готовят? Где чистая экология. Скажем... Скот, который ест комбикорм, сено или силос, из их молока такой сыр не получается. Или если корова пьет из небольшого озера, тоже не получается. Эта корова должна быть на горном пастбище и пить воду из горной реки. Вот такой... У нас был этот» (Байрам Аллазов).

Становится трудно дать определение своим чувствам в отношении Кызыл-Шафага, в который уже не вер-

нуться никогда. «Даже и не знаю... И там было хорошо, неплохо было. Ну, там я привыкла ко всему, мне там нравилось... И здесь хорошо, неплохо. Там мы не знали бед, у нас было все, все, что хотите» (Эльмира, 37 лет). Это «все, что хотите» есть прямая ассоциация и со счастливым детством. И сейчас, когда сын спрашивает о том, как было прежде, в Армении, она рассказывает ему о веселой и беззаботной жизни. «Ай, мама, как там, в Армении, было? Я говорю, очень хорошо там было. Говорит, расскажи, как вы там жили, про детство расскажи, что вы там делали, в какие игры играли? Отвечаю: в прятки играли, в Хоруз баба играли (детская игра), все рассказываю. (смеется) Купались в речке, девочки. Работали в поле, свеклу сеяли, а речка рядом, и после работы ходили купаться. <...> Тоннами собирали картошку. Засаливали в бочках капусту. Там мы хорошо жили» (Эльмира, 37 лет).

Фото 49. «[Алы-киши] со своей женой. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.» Фото С. Гусейновой

Фото 50. «Новое поколение жителей села Керкендж посещает и старый пир. Село Керкендж, Азербайджан, 2006 г.»
Фото С. Гусейновой

Неизбежность примирения с действительностью, приспособление к новым условиям так или иначе помещены в контекст политической родины. Правильное воспитание homo soveticus предполагало твердую ориентацию на советскую родину. Да, все это была советская земля, но политическое единство не отменяло разнообразия национальных родин. Последовавший распад СССР происходил в ситуации привычных для азербайджанца представлениях о национальном очаге, ведь советский Азербайджан существовал уже долгие годы.

Поэтому обмен деревнями как символ утраты родины неизбежно становится из другой перспективы метафорой возвращения домой, к своему национальному очагу. Пусть политическая родина не так прекрасна как деревня исхода. Но родина есть родина. *«Конечно, любому человеку*

хорошо там, где он родился, но сейчас для меня вот эта земля (Керкендж) в триста раз лучше. . . Вот Азербайджан. Было бы хорошо, если бы раньше сюда приехали, если бы мы раньше сюда приехали, было бы гораздо лучше. То, что мы поздно сюда приехали – вот и получилось так плохо. (смеется) В (19)48 году нам сказали, что вас переселят. Я сам очень хотел, чтобы нас переселили» (Вейсал-киши, 78 лет). Раз возвращение на родину неизбежно, то лучше бы это произошло раньше, а не в условиях нарастающего противостояния. Мысли о правильной жизни в пространстве *нашей* политической родины - ведь куда еще нам было бежать - так или иначе, но примиряют с утратой привычной повседневности.

Все же постоянно тянет узнать новости из родного села, оставшегося в Армении. *«Все же родина, хочешь, не хочешь, а когда едешь в Грузию, начинаешь спрашивать, знают ли такой район, видели ли такую деревню, что слышно, как там дела, в каком состоянии вообще, расспрашиваешь об этом»* (Алы-киши, 72 года). До сих пор болезненно переживаются изменения в их родном селении. *«Дома постепенно разбирают и продают как стройматериал»* (Алы-киши, 72 года). Это разрушение их родного села как бы разрушает и последние иллюзии о том, что когда-то они могли бы вернуться.

9.2. «18 лет мы здесь, но до сих пор нам снится наша земля, наша вода»: утраченная и обретенная Родина

Прошло уже 18 лет со времени обмена селами и поселения армян Керкенджа в нынешнем селе Дзюнашох. Керкенджцы оценивают обмен положительно, поскольку это дало им возможность без материальных и людских потерь организовать переселение в критической ситуации. Сам факт обмена позволил достойно выйти из положения. По словам одного из наших информантов, они не просто оставили село, а отстояли его и только потом организовали обмен. Обмен означает также то, что они как бы передали свое село и дома новым хозяевам, а не просто их покинули. О «передаче» села должен свидетельствовать тот факт, что керкенджские армяне передали новым владельцам также карту села, подчеркивая таким образом «легитимность» новых хозяев, с которыми они несколько месяцев вели переговоры, знакомились, обменивались домами. Обмен гарантировал также сохранность кладбища, что считается особенно важным.

Но в широком контексте потеря малой родины – Керкенджа – переживается остро. Именно потеря, поскольку, несмотря на обмен, они вынужденно покинули, потеряли мир, который был создан ими и их

предками. По словам одного информанта, «нет ничего хуже выселения». В этот мир входят село, окружающая среда, а также места памяти – кладбище, памятник погибшим воинам-керкенджцам в годы Великой Отечественной войны: «Построили памятник, а потом оставили [азербайджанцам]...»

Чувство потери со временем обостряется. Никто из керкенджцев за

А. Акопян

Фото 51. «Женщина из села Керкендж. Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

Фото 52. «Жители села Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

прошедшие после обмена годы не смог по понятным причинам посетить прежнее село, кладбище, несмотря на то, что стороны договаривались о взаимных посещениях. И в конце концов, по словам информанта, они не думали, что все так сложится. Общий контекст армяно-азербайджанских отношений (война, неразрешенный конфликт и т.д.) также обостряют чувство потери.

Процесс обмена, вынужденное переселение, жизнь на новом месте оказали влияние на восприятие родины, на новые формы и проявления памяти. Примечательна песня о Керкендже, которая как бы обобщает эти чувства. Интересно, что она зародилась у той части керкенджцев, которая живет в России, в городе Георгиевске. Ее поют во время застолий, например,

свадьбы.

Песнь о Керкендже

Принесу воды из Мандахуна,
Принесу вина из Керкенджа,
Чтоб знали вы, люди,
Что люблю вас любовью.

Припев:

Эй, Керкендж-джан, эй, Керкендж,
Тебе отдам я душу свою,
Тысячу лет я прожду,
Дойти бы только до Керкенджа.

Помню наши горы,
Высокие деревья Алпуда,
Воды Мандахуна,
Большие виноградники.

(припев)

С любовью построили мы дом,
Цветы и деревья посадили,
Обустроили и украсили,
Туркам мы все оставили.

(припев)

Живем мы в Армении
Большой семьей – гердастаном.
Едем мы в Россию и обратно...
И мечтаем о тебе, Керкендж.⁷⁴

(припев)

В песне говорится о тоске, о памяти, об утрате, о том, что сейчас керкенджцы находятся в Армении и России, но мечтают о Керкендже, который вынужденно оставили. Интересно, что несмотря на то, что в настоящее время керкенджцы в основном живут в России, Армения в песне воспринимается ими как родина, страна, где они живут, страна, где находится их очаг-семья-гердастан, т.е. Армения, та-

74. Перевод песни с армянского Гаянэ Шагоян.

ким образом, отождествляется с семьей. Россия же не воспринимается ими как родина, как место для постоянного жительства, несмотря на то, что как мы уже отметили, большинство живет в России. Таким образом, песня конструирует идеальный образ-реальность – керкенджцы должны жить в Армении, в родной среде, там, где находятся их семьи.

Тоска по Керкенджу, по малой родине – основной лейтмотив песни; в ней описывается село, местность, а также упоминается о винограде и вине. Как мы помним, основным родом деятельности керкенджцев было возделывание винограда, и это вместе с ландшафтом становится символом малой родины, локальной идентичности.

Память о Керкендже как малой родине ассоциируется также с любовью к людям, т.е. малая родина – Керкендж – не только идеальное место для керкенджцев, это конструирует и отношение к окружению, к людям, в основе которого – любовь.

Другой пласт малой родины – это дома, которые представляются новыми, в идеальном состоянии, в окружении садов, цветов и деревьев. Но малая родина – воображаемое, идеальное состояние, дома – потеряны. Потеря же связана с «турками».

Еще один важный аспект песни – сохранение памяти о Керкендже, об этом говорится прямо, а также мечта о Керкендже, об идеальном состоя-

нии, о возвращении.

Восприятие новой местности и память о Керкендже имеют интересные проявления также на индивидуальном уровне. Наши информанты уже смирились с переселением, жизнью на новом месте и т.п. Этому процессу способствовало также восприятие Армении как этнической и политической родины. Как говорит один из информантов, *«теперь ты знаешь, что находишься на родной земле»*. «Родную землю» надо понимать также как политическое пространство, и в этом контексте она не противопоставляет-

Фото 53. «Жители села Дзюнашо (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

Фото 54. «Жители села Дзюнашох (Кызыл-Шафаг), Армения, 2006 г.» Фото А. Акопяна

ся Керкенджу, малой родине, не требует забвения Керкенджа, а, по сути, противопоставляется Азербайджану, т.е. стране, где они жили.

Индивидуально память о Керкендже проявляется даже на подсознательном уровне. Как говорил один из наших информантов, село Керкендж он видит в снах, а новое село Дзюнашох ни разу еще не снилось. О снах как о форме воспоминаний о Керкендже говорили и другие информанты. Это не только память, но и неосуществимое желание побывать на малой родине, и потому мечты воплощаются в снах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гражданская инициатива – путь к диалогу и миру

А. Акопян

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что конфликтная ситуация 1988–89 гг. привела к новым формам самоорганизации армянского села Керкендж в Азербайджане. Этнические гонения и опасности были факторами, которые обусловили жизнь общины в нетривиальных условиях. Этот период начинается с сумгаитских погромов в феврале 1988 г. В критической ситуации сообщество консолидируется, формируя механизмы самоорганизации. Самоорганизация приводит к появлению новой власти, во главе которой встают народные лидеры.

Одним из важнейших проявлений самоорганизации стало противостояние властям, которые хотели в принудительном порядке отправить жителей села в Армению. Коллективная самооборона гарантировала им целостность и выживание, когда власть не могла или не хотела противостоять гонениям и насилию. В глазах керкенджцев советская власть «умерла». В этих условиях керкенджцы, помимо организации самообороны, выдвигают

и реализуют свои проекты выхода из ситуации, что приводит к обмену с азербайджанским селением Кызыл-Шафг в Армении. Обмен происходил по договору, заключенному между двумя общинами. Договор гарантировал сохранность кладбищ в селах, индивидуальные договоренности по обмену домами, а также взаимные визиты, посещения кладбищ и т. п.

Это прекрасный пример того, что даже в конфликтной ситуации люди могут договориться между собой, и, по сути, на общинном, индивидуальном уровне преодолеть или смягчить конфликт, конечно, по мере возможностей: от мирных контактов до обмена домами и сохранения «чужих» памятников.

История обмена демонстрирует конкретные механизмы (индивидуальные, общинные) преодоления конфликтов и особые формы самоорганизации. В конце концов, весь этот процесс был организован конкретными людьми, сумевшими договориться и самостоятельно решить вопросы, которые до сих пор не под силу политикам.

75. См., например, об этом: Искандарян А.. Эскиз неправительственного сектора и гражданского общества на Кавказе. Традиция разрешения конфликтов на Кавказе и методы институтов гражданского общества. Кавказский форум неправительственных организаций. 2003. С. 149-166.

**С. Гусейнова,
С. Румянцев**

Можно ли с сегодняшних позиций такой процесс считать свидетельством существования «гражданского общества»? Сложный и спорный вопрос.⁷⁵ Но можно с уверенностью утверждать, что эти проявления самоорганизации представляют те качества, формы и механизмы, которые в определенной степени способствуют формированию гражданского общества. Именно такие качества создали возможность диалога и привели к мирному обмену во время конфликта.

Трансформации же, связанные с жизнью на новом месте, проявились как в локальном, так и глобальном контекстах. В глобальном контексте произошли изменения в политическом, социальном, хозяйственном укладе, т.е. имело место крушение советской системы, а в локальном – произошли трансформации культурного, социального пространства села после переселения. Очевидно также, что глобальные трансформации можно проследивать на локальном уровне, и в этом смысле они иногда переплетаются.

Бремя войны и время мира

Межэтнический конфликт как предмет исследований и, тем более, спекуляций практически полностью овладел вниманием социальных экспертов на Южном Кавказе. В этом контексте исследования межэтнических отношений в обществах, пребывающих в состоянии мира, оказываются зачастую просто не востребованными. В результате конструируемая специалистами картина межнациональных взаимоотношений на Южном Кавказе репрезентирует общества, по сути, утратившие присутствие им многообразие мирных контактов и межгрупповых отношений. Этнические же группы все чаще видятся как реальные гомогенные сообщества, объединяющие акторов, разделяющих

одни и те же этноисторические мифы. В контексте этих мифов носители разных этнических идентичностей конфликтуют, участвуют в войнах друг с другом, но не мирно контактируют и взаимодействуют. Нам же представляется справедливой точка зрения, что, напротив, именно «состояние мира и кооперации являются нормой для межгрупповых отношений и межличностных отношений на основе этничности»⁷⁶.

Ситуацию мирных контактов и кооперации мы и попытались продемонстрировать на примере сообщества кызыл-шафагцев. Азербайджанцы Кызыл-Шафага в ситуации быстрой актуализации главного принципа нацио-

76. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 127.

нализма, «суть которого, – по замечанию Эрнеста Геллнера, – состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»⁷⁷, а также развития межэтнического конфликта, результатом чего стал их вынужденный исход из «малой родины», смогли осуществить проект обмена селами. Это был их добровольный, коллективный, гражданский проект, главным условием реализации которого была мирная кооперация с армянской общиной Керкенджа. Контакты кызыл-шафагцев с керкенджцами хоть и являлись вынужденными, но, вместе с тем, носили и привычный за многие годы соседства с армянами мирный характер.

Как известно, в досоветский период (1905-1908 гг., 1918-1920 гг.) и в годы СССР армяно-азербайджанские⁷⁸ отношения нередко носили конфликтный характер. Случались кровавые столкновения между представителями этих двух сообществ. Однако не менее редки были и случаи вполне мирного соседского сосуществования и кооперации. Преимущественно таковыми на протяжении почти века были взаимоотношения между азербайджанцами Кызыл-Шафага и армянами соседнего селения Шахназар, несмотря на то, что случавшиеся в истории конфликты затрагивали их повседневный мир.

В значительной степени добрососедские отношения между кызыл-шафагцами и шахназарцами сохранились и в начале последнего по времени

карабахского конфликта. Для многих подобные контакты являются нормой и ныне. Факт же того, что межэтническая кооперация носила привычный характер, подтверждает сама реализация обмена двух деревень. Обмен был вынужденной мерой. Но никто не вынуждал азербайджанцев из Кызыл-Шафага и армян из Керкенджа мирно между собой кооперироваться и оказывать друг другу посильную помощь, когда в процессе обмена возникали ситуации совместного проживания. Эти мирные контакты были нормой, и как «не-норму» следует рассматривать скорее впервые за всю историю армяно-азербайджанских взаимоотношений практически тотальное этноразъединение.

Лидер общины кызыл-шафагцев Байрам Аллазов хорошо помнит, как в ситуации нарастания конфликта на одном из совещаний, происходивших в его кабинете в присутствии армян, азербайджанцев и представителей метрополии, его взгляд остановился на прекрасном виде, который открывался из окна. Это было поле, усеянное самыми разными полевыми цветами. Именно это разнообразие и определяло его невыразимую красоту. И тогда он сказал, что мы так же, как и эти цветы, жили в едином мире, оставаясь разными. И это обстоятельство определяло богатство нашей культуры. Ныне это богатство утрачено.

Они всегда на своей собственной и семейной памяти жили рядом. Привыч-

77. Геллнер Э. Нации и национализм, М.: «Прогресс». 1991. С. 23.

78. Мы, безусловно, понимаем, что этноним «азербайджанцы» был введен уже в советские годы. См.: Гаджи-заде Х. Новая идентичность для нового Азербайджана// Азербайджан в мире № 1 (3), март 2006. С. 15-32, 15-16. Однако для простоты изложения используем его при упоминании ситуации начала XX века для обозначения сообщества, в то время упоминаемого как «мусульмане», «татары» или «тюрки».

ные повседневные контакты позволили им выйти с честью и достоинством из трагического положения, в котором они оказались. Они рады тому, что им удался главный их коллективный проект – сохранение целостности общины. Обмен, хоть и мирный, и являвшийся их собственным гражданским проектом, был все же вынужденным, а его успешная реализация не стала преградой для того, чтобы некий коллективный образ армянина, стал еще и стереотипным образом врага. Но познав бремя вынужденного исхода в ситуации, как сказал бы Роджерс Брубейкер, постсоветских этно-разъединительных процессов, они все же сохранили и память о времени мира. Эта память пока не утрачена, она превосходит память о конфликтах и войнах. Для них нормой были мирные контакты и кооперация. Их новой нормой мысли пока еще не стал образ «исторического врага». Личная и коллективная память пока еще жива и не дает этому произойти. И эта память, аккумулирующая в себе опыт обществ в состоянии мира, а не войны и должна быть востребована в первую очередь.

Пока еще кто-то все же желает, «чтобы мирным путем разрешались (конфликты). Война... Знаешь... Давно была большая война... с Германией. Ты не знала, но тебе, наверное, отец рассказывал. Да и твой отец был ребенком тогда. Так вот с той войны... С нашей деревни 100 парней не вернулось. 100 парней! Были

среди них только сыгравшие свадьбу, у которых еще детей не было. Были среди них и такие, у которых по одному, двое детей было. У моего дяди было 9 сыновей, из них семеро ушли на войну и только двое вернулись, остальные погибли. Прекрасные были парни, словами не опишешь. Наш мяхля (квартал села) находился на горе. Много домов на горе. Называли нас дямрчиляр (азерб. кузнецы). И из каждого дома по трое-четверо человек не вернулись с этой большой войны. Столько страданий от той войны. И почему сейчас в Карабахе должна быть война? У меня один внук отслужил в армии, а другой еще служит. И вот я каждый день и днем, и ночью только и делаю, что молюсь Аллаху, чтобы не было войны, чтобы не погибли чьи-то дети. Сколько в Карабахе погибло деревень, и большая деревня Ходжалы и другие деревни! Вот... А во время большой войны и из нашей деревни, и из райцентра, да и других городов, как так получилось, почти все парни молодые погибли. Не нужно, чтобы война опять случилась. Война... Это сложно... Мирным путем получится. Мирно – это хорошо» (Майга-ханум, 75 лет). Удержат ли подобные мысли старой, познавшей как бремя войны, так и время мира, женщины, и которые наверняка разделяют многие, а может и большинство из нас, от очередной бойни, ведает один Аллах. Однако решать все же не Ему, а нам. И это в наших силах – предпочесть время мира бременю войны.

HEINRICH BÖLL STIFTUNG
SOUTH CAUCASUS

The Heinrich Böll Foundation, affiliated with the Green Party of Germany, is a legally independent political foundation. The regional office for the South Caucasus was opened in 2003. Its main objective is to contribute to the forming of free, fair and tolerant societies in the region. The Foundation supports and facilitates cooperation of individuals and organizations throughout the region who, based on the principle values of human rights, search for the change of undemocratic and intolerant attitudes in societies and politics, for the transformation of ethno-political and territorial conflicts into the direction of fair and non-violent solutions and for the sustainable development of people and communities. The Foundation encourages critical public debate to make processes of decision-making democratic and transparent.

www.boell.ge